

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Миролюбов Иван Андреевич

**Династическая политика императора
Константина Великого**

Раздел 07.00.00 – Исторические науки

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (история Древнего мира)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д.и.н., проф. И.Л. Маяк

Москва – 2018

Оглавление

Введение	4
Глава I. Истоки династической политики Константина Великого.....	58
§ 1. О принципах наследования внутри тетрархии Диоклетиана	58
§ 2. Второе поколение тетрархов и принцип династизма	68
§ 3. Константин выбирает между конституцией тетрархии и кровнородственным династизмом	86
§ 4. Предки Константина Великого	96
а) Предок – император Клавдий Готский.....	96
б) Отец, Констанций Хлор.	107
Глава II. Семейное окружение Константина Великого	114
§ 1. Елена, мать Константина	114
а) Елена – конкубина или жена Констанция Хлора?	115
б) Елена – мать императора.	123
§ 2. Женщины императора Константина Великого	134
а) Минервина.....	134
б) Фауста.	137
с) О «третьей женщине» императора Константина.	143
§ 3. Дети Констанция Хлора – боковая ветвь дома Константина.....	148
а) Сестры императора Константина Великого.	149
б) Братья императора Константина Великого.	157
Глава III. Наследники Константина Великого	169
§ 1. Крисп: несостоявшийся наследник	170
а) Императорский сын и соправитель.	170
б) Гибель Криспа в свете династической политики.	175
§ 2. Сыновья Фаусты: Константин-мл., Констанций и Констант.....	178
а) Проблема происхождения Константина-мл.	179
б) Кооптация сыновей во власть.	184
§ 3. Оформление схемы наследования	190
а) Схема 335 года.	191

b) Завещание Константина Великого.....	199
Заключение.....	207
Список сокращений	219
Список изданий источников.....	222
Список используемой литературы	225

Введение

Правление императора Константина Великого (306–337 гг.) признается в науке временем окончательного утверждения домината – принципиально новой социально-политической организации Римской империи, которую можно определить¹ как абсолютизированную военно-бюрократическую систему с сильной центральной властью во главе и широкой социальной опорой в виде императорской аристократии, армии, крупных землевладельцев и городских низов.

Наиболее яркая черта в политической жизни этого периода – превращение императора из «первого среди равных» (принципат) в абсолютного монарха (собственно, господина – *dominus*). Эта трансформация, берущая начало еще со времен появления института императорской власти, связывается с именами двух императоров – Диоклетиана и, как уже было сказано, Константина. Если опыты Диоклетиана в деле организации власти (создание четверной императорской коллегии – тетрархии) неоднократно привлекали внимание исследователей (том числе – и благодаря своей уникальности), то деятельность Константина в этом направлении изучена значительно меньше. Аксиоматичным стало признание Константина Великого твердым сторонником кровнородственной династической модели², утвердившего у власти представителей своего семейства, которые правили Римской

¹ Характеризуя доминат, опираемся на существующие в историографии определения: *Сергеев В.С.* Очерки истории Римской империи. Ч. II. М., 1941. С. 647–648; *Машкин Н.А.* История Древнего Рима. М., 2006. С. 587–588; *Ковалев С.И.* История Рима. СПб., 2002. С. 771–772; *Loewenstein K.* The Governance of Rome. The Hague, 1973. P. 403–405.

² *Буркхардт Я.* Век Константина Великого. М., 2003. С. 267; *Рубцов П. В.* К вопросу о династизме императорской власти в политической идеологии IV в. // Власть, политика и идеология в истории Европы. Барнаул, 2005. С. 76; *Уильямс С.* Диоклетиан: реставратор Римской империи. СПб.–М., 2014. С. 286.

империей еще 26 лет после его смерти³ (337–363 гг.). Вместе с тем, специального исследования по этому вопросу проведено не было – что указывает на **научную актуальность представленного исследования**. Тем не менее, проблема организации Константином Великим кровнородственной династии в разной степени затрагивалась исследователями его жизни и деятельности, а также специалистами по политической истории Древнего Рима. Однако об **уровне изученности темы** – ниже, в специальном разделе, посвященном обзору привлеченной для исследования научной литературы. **Новизна представленной работы**, таким образом, состоит в том, что она является первым в отечественной науке комплексным исследованием династической политики императора Константина Великого как отдельного и четко продуманного вектора его деятельности.

Объектом данного исследования является семья императора Константина Великого, которая, ввиду его тяготения к кровнородственному принципу организации власти, и должна была стать основным ресурсом для построения династии. **Предметом же исследования** является комплекс мер, задействованных Константином для создания династии из членов своей семьи – т.е. собственно династическая политика. Принимая во внимание то обстоятельство, что устройство кровнородственной династии Константином Великим не было уникальным случаем, **целью данного исследования** мы определяем понимание того, какова была специфика собственно династической политики, принципы которой Константин сформулировал во время своей политической карьеры и которую он реализовывал в годы своего правления. Мы намеренно соотносим **хронологические границы нашего исследования** со временем жизни самого Константина (270-ые – 337 гг.), так как, с одной стороны, необходимо учесть время его становления как

³ Своеобразный рекорд пребывания у власти династии, основанной на принципах кровного родства. В этом отношении императоры династии Константина могут соперничать лишь с династией Юлиев-Клавдиев, которые занимали императорское положение в 14–68 гг., однако опять же с учетом факта усыновления Нерона.

политического деятеля, с другой – важно понимать, что после смерти Константина 22 мая 337 года произошел политический кризис, в результате которого было убито множество родственников императора. Данный кризис, до сих пор не получивший в историографии точного определения⁴, не отняв власти из рук представителей семьи Константина, тем не менее, стал зримой чертой, подведшей итог династической политики императора, после которого руководство государством перешло в руки его сыновей. Их деятельность является отдельной темой для перспективного научного исследования.

Для разработки заявленной цели представляется правильным выделить следующие **исследовательские задачи**:

- во-первых, принимая во внимание тот факт, что юность и формирование политических взглядов Константина Великого прошли в эпоху правления императоров-тетрархов, мы должны понять, насколько установленный внутри тетрархии Диоклетиана принцип организации императорской власти повлиял на воззрения Константина;
- во-вторых, необходимо выяснить, в какой момент своей политической карьеры император Константин сделал выбор именно в пользу кровнородственного династизма и чем этот выбор обусловлен (в частности, чем его обуславливал сам Константин);
- в-третьих, следует определить, какова была конкретная конечная цель проводимой Константином Великим династической политики;
- в-четвертых – ввиду того, что семья Константина Великого была и главным инструментом, и объектом его династической политики, мы должны уяснить его отношения с семейным окружением, выявив степень участия его членов в династических конструкциях императора;

⁴ Разнообразные обозначения этого кризиса в научной литературе: *Григорюк Т.В.* 337 год: кризис власти в Римской империи и «убийства принцев» // ВДИ. 2012. № 2. С. 155.

– в-четвертых, следует понять, как сам Константин организовал систему наследования внутри своей династии и насколько она могла быть реализована (с учетом случившегося после его смерти внутрисемейного кризиса).

Структура представленного исследования определяется этими задачами и еще одним важным обстоятельством. Император Константин Великий держался у власти дольше, чем кто-либо из его предшественников (кроме императора Августа), однако большая часть его правления (306–324 гг.) прошла в условиях борьбы за единоличную власть. Именно поэтому при изучении любого вектора его деятельности необходимо учитывать влияние на него текущей политической ситуации. В связи с этим нам не представляется правильным заранее разбивать династическую политику Константина на сумму механизмов, которые будут рассматриваться в отрыве от общеисторического контекста. Такая практика не только не учитывает политического развития самого Константина, а также влияния на те или иные его решения внешних причин, но и может привести к сугубо ошибочным выводам. В качестве примера можно заметить, что возведение Константином в достоинство цезаря (младшего соправителя) своего зятя Бассиана в 316 году и своего племянника Далмация в 335 году с формальной точки зрения – явления одного порядка, однако условия, в которых эти меры были осуществлены, а также итог этих действий приводят нас к мысли о том, что их никак нельзя рассматривать под одинаковым углом зрения.

Методология представленного исследования основывается на традиционной инструментарии исторической науки. С помощью историко-системного метода мероприятия Константина Великого, направленные на изменение статуса членов своей семьи, привлечение их к власти или, напротив, удаление от нее или от общественной в жизни в целом, были рассмотрены в комплексе, т.е. как последовательный и имеющий внутреннюю логику вектор деятельности (собственно, династическая

политика). Историко-генетический метод позволил рассмотреть династическую политику Константина в динамике ее развития, изучить ее особенности и основные тенденции. С помощью сравнительно-исторического метода была выявлена степень связи династической политики Константина с предшествующим политическим опытом Римского государства, в особенности – с династическими построениями внутри тетрархии Диоклетиана. Применение проблемно-хронологического метода позволило проследить логику и последовательность реализации Константином своей династической политики.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при разработке как общих курсов по истории Древнего Рима, так и специальных курсов по темам, связанным с историей и идеологией императорской власти в Древнем Риме, античной культурой, искусством, литературой, а также историографией античности.

Источниковая база исследования. Р. Ван Дам отмечал⁵, что Константин Великий – один из «наиболее задокументированных» римских императоров; однако же, по мнению Т.Д. Барнса, исследователь жизни и личности этого императора сталкивается с невозможностью построить целостной картины⁶. Столь противоречивые мнения, на наш взгляд, прекрасно характеризуют источниковую базу для изучения личности и эпохи Константина. В нашем распоряжении нет целостного повествования за авторством непредвзятого биографа, но эта лакуна, как замечал Б. Блекманн, компенсируется самой

⁵ *Van Dam R. Roman Revolution of Constantine. New York, 2008; особенно это заметно в сравнении с предшествующей Константину эпохой, как верно заметил О. Шмитт: Schmitt O. Constantin der Grosse. Stuttgart, 2007. S. 10.*

⁶ *Barnes T.D. Constantine: Dynasty... P. 1–2.*

многочисленностью источников, сосредоточенных, и весьма подробно, на частных проблемах⁷.

Источники, освещающие жизнь и деятельность Константина и членов его семьи, действительно многообразны. В первом приближении мы можем выделить следующие категории: *testimonia Constantini* и официальные источники (панегирики, данные нумизматики и эпиграфики), а также обширная нарративная традиция, подразделяемая на множество мелких и частных групп.

Источники, имеющие официальное происхождение. При изучении династической политики Константина Великого необходимо отметить, что сам Константин выступал как *auctor*, потому, разумеется, мы должны в первую очередь иметь в виду его *testimonia*, а также источники, имеющие официальное происхождение: панегирики в честь императора и перед ним произнесенные; данные нумизматики и эпиграфики; памятники изобразительного искусства (статуарные портреты членов императорской семьи) и архитектуры (постройки Константина и / или связанные с именем членов его семьи).

а) Testimonia Константина Великого. Что касается этой категории источников, то в нашем распоряжении имеются нормативные акты, письма и речи императора, т.е. материал документального характера, который имеет разнообразное происхождение. Нормативные акты содержатся по большей части в двух сборниках более позднего по сравнению с эпохой Константина времени – Кодексе Феодосия (438 г.) и Кодексе Юстиниана (534 г.). Знаменитый «Миланский эдикт» зафиксирован авторами, современными Константину – это Лактанций (латинский текст) и Евсевий Кесарийский

⁷ *Bleckmann B. Sources for the History of Constantine // The Cambridge Companion to the Age of Constantine. New York, 2006. P. 14.* Далее *The Cambridge Companion to the Age of Constantine* будет указываться просто как *The Cambridge Companion*.

(греческий перевод)⁸. Рескрипты Константина жителям Гиспеллума и Оркиста (330-ые гг.) сохранились в виде эпиграфических памятников и издавались⁹ неоднократно. Сложнее обстоит дело с письмами и речами императора, которые зафиксированы в нарративной традиции – преимущественно у Евсевия Кесарийского, а также у следующих за ним церковных авторов. Проблема достоверности цитируемых Евсевием материалов уже привлекала к себе внимание исследователей¹⁰, обнаруживая полярность мнений, хотя на сегодняшний день вопрос о подлинности этих документов решается скорее положительно¹¹. Для нас, впрочем, эта дискуссия, часто сосредоточенная вокруг религиозных воззрений Константина и их влияния на его законотворчество, имеет второстепенное значение. В силу нашего интереса к династической политике Константина и, как следствие, к его семье, для нас важно упоминание в текстах этих документов родных императора. Отметим, что упоминание их имен с указанием их титулатуры и возможного рода занятий (подтверждение чему

⁸ Подробный разбор двух вариантов текста с рассмотрением исторического контекста и существующей к тому моменту литературы, посвященной вопросу: *Бриллиантов А.И.* Константин Великий и Миланский эдикт 313 года. Петроград, 1916.

⁹ Латинский текст обоих писем с английским переводом и некоторым комментарием: *Van Dam R.* Op. cit. P. 363–372.

¹⁰ *Ястребов А.О.* Евсевий // Православная энциклопедия. Т. 17. М., 2008. С. 257; *Ващева И.Ю.* Евсевий Кесарийский и становление средневекового историзма. СПб., 2006. С. 177–180. И.Ю. Ващева отмечает панегирический характер интересующего нас сочинения Евсевия, «Жизни Константина», и предлагает не применять к нему «суровые требования»: Там же. С. 177–178. Прим. 3. В таком случае – каковы же критерии?

¹¹ Важнейшей работой по вопросу подлинности сочинений Константина, сохранных у авторов, является работа Г. Дёрриса, где обосновывается положительный ответ на этот вопрос: *Dörries H.* Das Selbstzeugnis Kaiser Konstantins. Göttingen, 1954. Смотри также предисловие к изданию английского перевода «Жизни Константина» Евсевия: *Cameron A., Hall. S.G.* Introduction // *Eusebius. Life of Constantine.* New York, 1999. P. 18–21.

несложно найти в эпиграфическом материале) может служить в перспективе дополнительной основой для определения подлинности данных документов.

б) Панегирики. Что касается речей в честь императоров (панегириков), то здесь мы имеем дело с источниками, в которых отразились официальные установки, происходящие от самого Константина и его двора. Категория панегириков представлена латинскими речами галльских ораторов, чьи сочинения сохранились в составе сборника *Panegyrici Latini*, а также греческой «Речью по случаю тридцатилетия правления Константина» за авторством опять же Евсевия Кесарийского.

Латинские панегирики давно стали достоянием науки и привлекают внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей¹². Пять речей адресованы самому императору Константину, демонстрируя процесс его трансформации из сына знаменитого отца в императора-августа¹³. В панегириках отразился ряд династических идеологем Константина: его преемственность по отношению к отцу, родственная связь с Клавдием Готским, а также положение внутри династических конструкций сыновей императора. Четыре панегирика посвящены тетрархам (из них два – отцу Константина). Являясь современными тетрархам сочинениями, они отражают климат при дворе того времени и помогают понять, в какой атмосфере формировался сам Константин (это тем более важно, что в нашем распоряжении нет нарративной традиции, современной эпохе тетрархии).

¹² Ориентируемся на следующие публикации: *Nixon C.V.E., Rodgers B.S. In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini*. Berkley; Los Angeles; Oxford, 1994; Латинские панегирики / Вступительная статья, перевод и комментарии И.Ю. Шабаги. М., 2016 (издание снабжено русским переводом; латинский текст и русский перевод в работе приводим по этому изданию). О самом памятнике: *Шабага И.Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия*. М., 1997; *Альбрехт М. фон. История римской литературы*. Т. III. М., 2005. С. 1570–1572.

¹³ Очень точное замечание Б.С. Роджерс: *Rodgers B.S. The Meatomorphosis of Constantine // The Classical Quarterly*. 1989. Vol. 39, № 1. P. 233–234.

В «Речи по случаю тридцатилетия правления Константина» (далее – «Речь 336 года») Евсевий Кесарийский подводит итог правления Константина и, что немаловажно, фиксирует коллегию наследников императора по ситуации на последний год его жизни (336/337 гг.). В контексте вопроса о том, как Константин, тяготеющий к династическому принципу организации власти, видел ситуацию со своими преемниками, этот источник приобретает едва ли не первостепенное значение, так как он мог содержать в себе положения, которые затем могли бы отразиться в завещании самого императора.

с) Данные нумизматики вызывали интерес у многих исследователей эпохи Константина. Первую подборку монет «дома Константина» составил Ш. Дюканж в конце XVII столетия. Наиболее полное собрание монет этой эпохи содержится в соответствующих томах издания «The Roman Imperial Coinage» (далее – RIC)¹⁴. Имеющиеся археологические находки позволяют говорить, что после провозглашения Константин немедленно приступил к чеканке на своей территории монет. Монеты, содержащие портреты императора (и – позже – членов его семьи, привлеченных к власти) и снабженные легендами, отражают официальные установки самого Константина. Как убедительно показывает статья Д. Райта, монетные портреты Константина имеют большое значение для изучения иконографии этого императора и его династии¹⁵; в контексте поиска характерных черт внешности, «роднящих» членов «дома Константина», это может стать основой для дискуссии о наличии выработанной династической

¹⁴ RIC. Vol. VI. London, 1967; Vol. VII. London, 1966. Далее указывается название издания (RIC) и номер тома; при ссылке на чеканку – место (или имя императора) чеканки, страница (или страницы), в случае необходимости – номер конкретного монетного типа. Перевод монетных легенд – наш, по данным указанного издания.

¹⁵ Wright D.H. The True Face of Constantine the Great // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 41. 1987. P. 493–507.

иконографии¹⁶. Чествование монетными легендами и изображениями тех или иных событий (побед, посещений императором городов, основания Константинополя) позволяет также уточнить хронологию. Большое значение монеты имеют для ономастики, так как легенды содержат полные формы (в сокращении – по причине ограниченности длины монетной легенды) имен изображенных на монетах людей. Таким образом, в деле изучения династической ономастики монеты играют большую роль – наравне с...

d) ... данными эпиграфики, которые содержат часто более полные формы имен, развернутое перечисление титулов и эпитетов. Немаловажно, что некоторые надписи несут на себе следы вмешательства, имеющего целью стереть то или иное имя, что позволяет говорить о наглядном доказательстве использования в династической политике Константина механизма *damnatio memoriae* (проклятие памяти). Ценность надписей для изучения деятельности Константина отмечал еще неоднократно обращавшийся к ним в курсе своих лекций по истории римских императоров Т. Моммзен. Отметим интерес к эпиграфике и среди современных исследователей: Т. Грюневальд собрал колоссальный массив эпиграфических свидетельств об этом императоре¹⁷; надписи, посвященные матери Константина, Елене, собраны в монографии Й.В. Дрейверса¹⁸. При работе с этой категорией источников ориентируемся на публикации в *Corpus Inscriptionum Latinarum* (далее – CIL) и в сборнике Г. Дессау *Inscriptiones Latinae Selectae* (далее – ILS)¹⁹.

e) Эпоха Константина Великого известна своими *монументальными сооружениями*, поэтому памятники скульптуры и архитектуры справедливо рассматривать как один из важнейших источников для понимания этой эпохи. Скульптурные портреты запечатлели членов династии Константина

¹⁶ Проблема была затронута нами в статье: *Миролюбов И.А.* Констанций и Юлиан: споры о бороде // Электронный научно-образовательный журнал История. 2017. Т. 8, № 3 (57).

¹⁷ *Grünwald T.* Constantinus Maximus Augustus. Stuttgart, 1990.

¹⁸ *Drijvers J.W.* Helena Augusta. Leiden, 1992.

¹⁹ Перевод надписей – наш, по данным указанных изданий.

(включая его самого); нарративная традиция также фиксирует, что ряд родных Константина (мать Елена, сестра Анастасия etc.) были связаны с крупными строительными проектами в Риме, Константинополе и других городах. При работе с подобным специфическим видом источников мы опираемся на исследовательские работы по истории искусств и топографии городов. Отметим, прежде всего, ставшую классической работу Д. Клейнер по римской скульптуре²⁰, где рассмотрены многочисленные памятники эпохи Константина. Для знакомства с постройками Рима и Константинополя большое значение имеют топографические словари Л. Ричардсона²¹ и В. Мюллера-Винера²² соответственно. Отметим и очерк М. Джонсона, посвященный строительной деятельности Константина²³

Весь этот массив источников позволяет составить некоторое представление о династической политике Константина: он знакомит нас с собственно членами династии, династической ономастикой и иконографией, позволяет составить представление о том, каково было – в динамике – положение того или иного лица в составе правящего дома на основании

²⁰ *Kleiner D. E. E. Roman Sculpture. New Heaven; London, 1992.* В комплексе с этой работой большое значение также имеет монография, посвященная трансформации статуй под влиянием *damnatio memoriae*: *Varner E. R. Mutilation and Transformation: Damnatio Memoriae and Roman Imperial Portraiture. Leiden–Boston, 2004.* Отметим также работу отечественного исследователя: *Сидорова Н.А. Портрет конца III – IV века н.э. // Бритова Н.А., Лосева Н.М., Сидорова Н.А. Римский скульптурный портрет. М., 1975. С. 85–95.*

²¹ *Richardson L. A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. London–Baltimore, 1992.* Эта работа в значительной степени дополняет и расширяет сведения ставшего классическим словаря Платнера и Эшби. Из русскоязычных работ заслуживает особого внимания работа: *Таруашвили Л.И. Рим в 313 году. Художественно-исторический путеводитель по столице древней империи. М., 2010.* Строительной деятельности Константина в Риме посвящена специальная монография: *Holloway R. R. Constantine and Rome. New Heaven; London, 2004.*

²² *Müller-Wiener W. Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Byzantion, Konstantinupolis, Istanbul bis zum Beginn des 17. Jahrhundert. Tübingen 1977.*

²³ *Johnson M. J. Architecture of Empire // The Cambridge Companion. P. 278–297.*

титулаторы. Однако данные источники знакомят нас только с конкретными решениями Константина, никак не объясняя причин, побудивших императора к тому или иному выдвижению члена своей семьи. Потому, разумеется, этот массив источников, документально фиксирующих развитие династии Константина, должен изучаться в комплексе с нарративной традицией, воссоздающей исторический фон эпохи.

Нарративная традиция о Константине огромна и может стать предметом отдельного перспективного исследовательского направления, так как сочетает внутри себя колоссальное количество авторов, распределенных на множество внутренних традиций и охватывающих почти девять столетий (IV–XII вв.). В настоящем очерке, имея в виду его обзорный характер²⁴, мы ставим своей целью распределить авторов по группам, чтобы лучше понять эти самые идейные направления, внутри которых авторы рассматривали деятельность Константина. На наш взгляд, при выделении данных направлений большее внимание исследователь должен обращать на языковые предпочтения авторов и их конфессиональный выбор. Хронологическая ситуация, как кажется, играет меньшую роль: хронологически более близкие к Константину Евтропий и Аврелий Виктор (середина IV века) менее информативны, чем ряд византийских авторов, сохранивших осколки традиции, до нас недошедшей. Однако внутри направлений хронология имеет определенное значение.

Таким образом, чтобы перейти собственно к рассмотрению нарративной традиции, нам представляется возможным выделить следующие ее направления: достаточно емкая и лаконичная **латинская нарративная традиция**; более широкая традиция – **греческая**, разделяемая на **христианское (церковное)** и, соответственно, **языческое направления**; а

²⁴ Практически каждый привлекаемый нами автор становился предметом углубленного изучения, причем разрешение одних проблем влекло за собой постановку новых. Потому вполне резонно, что в настоящем очерке мы сосредоточимся лишь на общей характеристике авторов и их произведений, а также их источниковой базы.

также **miscellanea** – фрагментированные источники, сохранившиеся в переработке позднейших (византийских) эпитоматоров.

а) Латинская нарративная традиция. У истоков нарративной традиции о Константине стоит трактат Лактанция²⁵ *De mortibus persecutorum* («О смерти гонителей»)²⁶. Автор – ритор и христианский апологет; известно, что он был наставником сына Константина, Криспа. Данное известие позволяет быть уверенным в близости Лактанция ко двору Константина, что делает его ценным источником информации. Время написания сочинения – весна 314 года или, самое позднее, последующая зима 314/315²⁷; изложение доведено до осени 313 года. Таким образом, это произведение показывает нам Константина не ретроспективно, а с позиции современника. В центре внимания трактата – гонения на христиан в эпоху тетрархии и воздаяние за них. Условно произведение можно поделить на две части: первая – обзорная история гонений до Аврелиана; вторая, более подробная, рассматривает историю правления последних императоров-гонителей (тетрархов) и приход к власти Константина и Лициния, которые выступают в роли исполнителей Божественной воли. Из особенностей этого апологетического по своему характеру сочинения стоит отметить политическую сатиру – Лактанций нередко критикует тетрархов (Диоклетиана, Галерия, Максимиана Дазу) не только за преследование христиан, но и за провалы во внутренней, в частности, в экономической политике. Лактанций выступает нашим информатором о взаимоотношении Константина с противниками и (на тот

²⁵ О самом авторе, а также о его трактате: PLRE. Vol. I. Firmianus signo Lactantius 2. P. 338; Альбрехт М. фон. Указ. соч. Т. III. 1732–1749; Тюленев В.М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб., 2000.

²⁶ Латинский текст: *Laktanz. De mortibus persecutorum – Die Todesarten der Verfolger*. Turnhout, 2003 (издание снабжено немецким переводом и комментарием А. Шеделе). В своей работе опираемся на собственные переводы трактата Лактанция.

²⁷ О датировке – ставшая хрестоматийной статья Т.Д. Барнса: *Barnes T.D. Lactantius and Constantine* // JRS. 1973. Vol. 63. P. 39.

момент) соправителем – Лицинием, с которым император оформил династический альянс (выдав за него свою сестру, Констанцию).

Особняком в латинской нарративной традиции о Константине стоит его анонимное жизнеописание (т.н. Аноним Вalezия²⁸), известное под заглавием *Origo Constantini imperatoris* («Происхождение императора Константина»). Датировать это произведение не представляется возможным, так как никаких указаний на этот счет сам текст не дает; более того, он испорчен довольно неуклюжими интерполяциями из позднего автора – Орозия, что выдает позднейшую редактуру. Большинство интерполяций характеризуют Константина как «христианского императора»; самому Анониму религиозная политика императора не интересна. Исследователи предлагают даты внутри всего IV столетия, подозревая неоднократные редакции²⁹. На наш взгляд, обилие уникальных и живых подробностей о ранней жизни Константина говорит скорее в пользу того, что в основе трактата действительно лежит некое сочинение, написанное современником императора. Сочинение Анонима Вalezия уникально тем, что это – единственная (из сохранившихся в нашем распоряжении текстов) латинская биография Константина.

²⁸ Под этим названием известны два не связанных тематически, но объединенных в одну рукопись исторических сочинения. Опубликованы они были Анри Валуа (Henricus Valesius), по имени которого получили название. Второе сочинение в рукописи (*pars posterior*) содержит очерк истории Италии в годы падения Западной Римской империи и деятельности Теодориха. В работе с этим источником опираемся на собственный перевод по изданию, снабженному также английским переводом: Anonymi Valesiani Pars Prior // Rolfe J.C. (ed.). *Ammianus Marcellinus*. Vol. III. London, 1986. 508 – 531.

²⁹ Разброс датировок: *Winkelman F. Historiography of the Age of Constantine* // *Greek & Roman Historiography in Late Antiquity*. Leiden; Boston, 2003. P. 15–17. Стоит отметить также статью: *Козлов А. С. К вопросу об авторстве и датировке Origo Constantini Imperatoris* // *Документ. Архив. История. Современность*. Вып. 12. Екатеринбург, 2011. С. 213–232. Отечественный исследователь склонен принять мнение И. Кёнига о датировке произведения (в конечной его редакции, но до интерполяций Орозия) концом IV столетия. Ранняя датировка – сразу после смерти Константина: *Альбрехт М. фон*. Указ. соч. С. 1509.

В 60-ые годы IV века интерес к фигуре Константина обусловлен критикой со стороны императора Юлиана (о чем мы будем говорить в своем месте). Латинская традиция о Константине этого времени представлена такими авторами, как Секст Аврелий Виктор и Флавий Евтропий. Их сближает род занятий (они были представителями римской администрации³⁰), религиозная индифферентность (умеренное язычество?) и общность жанра – оба пишут краткую историю (бревиарий), опираясь на сходный круг источников.

Секст Аврелий Виктор написал свое произведение *De caesaribus* («О цезарях»)³¹ на исходе правления Констанция II в эпоху его противостояния с кузеном Юлианом (360 год). Его сочинение разделено на 42 кратких главы, каждая из которых посвящена императору или группе императоров (соправителей или противников). Жанр бревиария заставляет его урезать материал, обобщать частности (что заметно на примере тех императоров, чьи биографии написаны были Светонием), однако в некоторых случаях он допускает отступления и анекдоты. Упоминания языческих божеств и, вместе с тем, игнорирование современной ему христианизации выдают в нем скорее религиозную индифферентность³². Сочинение Евтропия³³ *Breviarium ab Urbe condita* («Бревиарий от основания Города») является конспектом по

³⁰ Карьера обоих авторов хорошо зафиксирована источниками: PLRE. Vol. I. P. 317; EVTROIIVS 2; Sex. Aurelius Victorius 13. P. 960.

³¹ Об авторе и его произведении: *Бокщанин А.Г.* Источниковедение Древнего Рима. М., 1981. С. 109–110; *Альбрехт М. фон.* Указ. соч. Т. III. С. 1501–1503; *Bonamente G.* Minor Latin Historians of the Fourth Century A.D. // Greek and Roman Historiography. P. 91–99; *Rohrbacher D.* Historians of Late Antiquity. London; New York, 2002. P. 42–48. При работе с текстом этого источника опираемся на свой перевод по классическому изданию Ф. Пихльмайра: *Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus.* Leipzig, 1970.

³² *Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 110.

³³ Об авторе и его произведении: *Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 110–111; *Альбрехт М. фон.* Указ. соч. Т. III. С. 1503–1505; *Bonamente G.* Op. cit. P. 103–112; *Rohrbacher D.* Op. cit. P. 49–56. При работе с этим источником опираемся на свой перевод по изданию: *Eutropii Breviarium ab urbe condita.* Leipzig, 1979.

римской истории для императора Валента. Его религиозная позиция кажется схожей с тем, что мы видим у Аврелия Виктора. Оба автора обнаруживают сходство и в оценке Константина: они свободны от панегирического тона, допускают критику, но в целом оценивают его как великого правителя. Подчеркнем, что замечания о своей жизни обоих авторов позволяют датировать их осознанное детство и отрочество временами правления этого императора, так что какие-то оценочные суждения могут быть основаны на их личных воспоминаниях о климате той эпохи. В целом же их главным источником по времени эпохе Константина считается гипотетический труд, т.н. *Kaisergeschichte*³⁴, существование которой в 1889 году предположил А.Ф. Энманн³⁵ на основе сопоставления трудов Секста Аврелия Виктора, Евтропия и императорских биографий за авторством некоего коллектива, известного как *Scriptores Historiae Augustae* (далее – SHA)³⁶.

В конце IV века сочинение Аврелия Виктора послужило одним из источников (и – в плане структуры – образцом) для создания сочинения *Epitome de caesaribus* («Извлечения о цезарях»). Сочинение включалось в

³⁴ Альбрехт М. фон. Указ. соч. Т. III. С. 1502; С. 1504.

³⁵ *Enmann A. Eine verlorene Geschichte der römischen Kaiser und das Buch De viris illustribus urbis Romae // Philologus. 1884. Supp.-Bd. 4, H. 3. S. 337–501.* За прошедшие почти полтора столетия немало исследователей обращалось к теме этого гипотетического исторического труда. Р.В. Бёрджесс высказал мысль, что автором мог быть некий историк Евсевий Нантский, а само произведение датировал 357 годом: *Burgess R.W. On the Date of the Kaisergeschichte // Classical Philology. Vol. 90. № 2. 1995. P. 111–128.*

³⁶ Это изобилующее анекдотическими подробностями и откровенными анахронизмами собрание жизнеописаний императоров от Адриана до Нумериана (включительно) представляет одну из наиболее серьезных проблем в источниковедении Древнего Рима. В качестве авторов заявлено шесть писателей, чьи имена не фиксируются никакими другими источниками и которые, возможно, были выдуманы настоящим автором произведения (оставшимся анонимным). Об этом сочинении: *Syme R. Historia Augusta Papers. New York, 1983; Бокщанин А.Г. Указ. соч. С. 108–109; Альбрехт М. фон. Указ. соч. Т. III. 1516–1519.* Обращаясь к данным этого источника, опираемся на свой перевод по изданию: *Scriptores Historiae Augustae. In 3 vol. Cambridge; London, 1967.*

круг трудов Аврелия Виктора, но принадлежит некоему компилятору³⁷, потому далее будем именовать его Псевдо-Аврелием Виктором. Этот автор, опиравшийся на те же источники и самих этих авторов, довел канву повествования до современного ему императора Феодосия Великого. Изложение здесь иногда весьма запутано (особенно применительно к интересующему нас периоду), отсутствует характерное для Аврелия Виктора морализаторство, акцентирован интерес к анекдотам. Как и указанные выше авторы, Псевдо-Аврелий Виктор не интересуется вопросами религии, что выдает в нем религиозно-индифферентного (формального) язычника.

В конце IV века к истории обратился Иероним Стридонский. Ему принадлежит перевод на латинский язык и продолжение всемирной хроники Евсевия Кесарийского, которая была доведена до 325 года. Компилируя сведения из светских источников (в частности – Евтропия) и материалы своих собственных наработок, он довел изложение до 378 года. Это произведение страдает от многочисленных неточностей и хронологических ошибок³⁸. Труд Иеронима, попытавшегося составить своего рода всемирную историю, куда был бы вписан и исторический путь христианства, чрезвычайно важен для понимания другого историка, Орозия. Павел Орозий творил в первые два десятилетия V века. Ему принадлежит монументальная *Historia adversus paganos* («История против язычников»)³⁹ – первая всемирная история с христианской точки зрения. Сочинение стало ответом языческой

³⁷ Исследователи справедливо отмечают значительную самостоятельность этого произведения от Аврелия Виктора, который в заголовке самого текста заявлен как источник информации: *Бокищанин А.Г.* Указ. соч. С. 110; *Bleckmann V.* Sources.... P. 27. При работе с текстом источника опираемся на свой перевод по изданию текстов Аврелия Виктора (и приписываемых ему) *Ф. Пихльмайра*.

³⁸ *Альбрехт М. фон.* Указ. соч. Т. III. С. 1510. При работе с этим источником опираемся на свой перевод по изданию: *Eusebi Chronicon libri duo. Vol. II. Berolini, 1866.* Ссылки приводятся на страницу данного издания с указанием буквенного обозначения записи.

³⁹ При работе с текстом источника опираемся на свой перевод по изданию *К. Цангемейстера*: *Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII. Lipsiae 1889.*

оппозиции на обвинения в том, что кризисное положение империи при императоре Гонории (395–423 гг.) есть следствие отказа от языческих культов. Христианин Орозий не отказывается от своих римских корней. Он пишет о себе: «среди римлян я римлянин, среди христиан – христианин, среди людей я – человек» (Hist. V.2.6). При работе с источниками Орозий обращается не только к христианским апологетам II–III века, но и к собственно римским авторам⁴⁰. Важнейшими источниками для Орозия применительно к интересующему нас периоду являются сочинения Евтропия и Иеронима. При создании своего образа Константина Орозий столкнулся с рядом сложностей. Ему необходимо было примирить мрачные моменты биографии Константина (в том числе – и ситуацию внутри семьи) с его славой первого христианского императора. Обращаясь к враждебной, языческой аудитории, которая буквально могла ловить христианского историка за руку, Орозий был лишен возможности искажать факты, поэтому он очень тонко оперирует акцентами и грамотно компилирует факты⁴¹. Примечательно, что, следуя устоявшемуся в латинской традиции принципу, он довольно скупо освещает религиозную деятельность⁴² Константина.

⁴⁰ Альбрехт М. фон. Указ. соч. Т. III. С. 1513–1514.

⁴¹ Компиляторский метод Орозия в вопросах освещения деятельности Константина Великого мы подробно рассматривали в своей статье: *Миролюбов И.А.* Константин Великий в Истории против язычников Павла Орозия // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 4. С. 62–70.

⁴² В.М. Тюленев предположил, что скудное освещение деятельности Константина связано с желанием представить эпоху правления этого императора как время абсолютного мира (в итоге деятельность Ария освещена в рассказе о правлении императора-арианина Констанция): *Тюленев В.М.* Павел Орозий и его «История против язычников» // Павел Орозий. История против язычников. СПб., 2004. С. 70; *Ващева И.Ю.* Константин Великий: вариации образа в христианских историях поздней античности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4 (3). С. 48–49. Это не объясняет, почему в остальном Орозий не мог посвятить христианскому вектору религиозной политики Константина чуть больше строк.

В заключение отметим, что все латинские авторы представляют собой условный срез образованного общества IV века: это ритор (Лактанций), государственные чиновники (Аврелий Виктор и Евтропий; возможно – и Аноним Вalezия⁴³) и клирики (Иероним и Орозий). Время их жизни охватывает ровно столетие: от 313/314 года (время написания трактата Лактанция) до 417 года (когда была готова «История...» Орозия).

б) Греческая нарративная традиция. Грекоязычная традиция о Константине представлена обширными произведениями; в отличие от традиции латинской, она не едина, а подразделяется на две большие группы, которые определяются по четко выраженному конфессиональному признаку – это христиане и язычники.

– *Греческие христианские (церковные) авторы.* Одним из наиболее важных авторов для изучения эпохи и личности Константина, несмотря на исследовательские обвинения в льстивости и искажении фактов в угоду конфессиональным предпочтениям⁴⁴, был и остается⁴⁵ Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской. Его наследию принадлежат такие исторические труды, как «Церковная история», пространная «Жизнь Константина» и «Хроника» (описание всемирной истории от сотворения мира до 20-х г.г. IV века). Первые два сочинения дошли до нас полностью, «Хроника» уцелела в армянском переводе и переложении на латинский язык за авторством Иеронима (о котором мы уже говорили выше).

⁴³ Odahl Ch.M. Op. cit. P. 3–4.

⁴⁴ Негативная оценка Евсевия, как источника информации, еще у исследователей XIX столетия: Буркхадт Я. Указ. соч. С. 253; Моммзен Т. Указ. соч. С. 505.

⁴⁵ Новейшие исследователи эпохи Константина Великого об этом источнике: Odahl Ch.M. Op. cit. P. 2–3; Brandt H. Op. cit. S. 24.

Евсевий сам пережил гонения на христиан эпохи тетрархии и около 313 года стал епископом Кесарии Палестинской⁴⁶. При Константине он набирает влияние и входит в круг советников и корреспондентов императора. Его «Церковная история» в десяти книгах была первым всеобъемлющим сочинением по истории христианской церкви; книги VIII–X, в которых описаны гонения, приход к власти Константина и стабилизация религиозной ситуации в империи, являются свидетельством очевидца. Повествование доведено до 324 года, дальнейшие события правления Константина, с более подробным рассказом о его молодости и приходе к власти, содержатся в «Жизни Константина», дописанной вскоре после 337 года. Этот труд был начат Евсевием еще при жизни императора и, что самое примечательное, частично с его слов. Так, Евсевий ссылается на беседу с императором, как источник информации о видении Константина в 312 году (*Vita Const.* I.28). Сочинение разделено на четыре книги, внутри которых слабо действуют хронологический и тематический принципы, и совмещает жанры панегирика и биографии. Труды Евсевия насыщены документами, что представляет для исследователя отдельную проблему (о чем было сказано выше). При работе с текстами Евсевия следует учитывать то обстоятельство, что Константин в них прославляется. Неудобные моменты – к примеру, убийства родственников, что немаловажно для нашей темы, – здесь затушевываются, что имеет два следствия. С одной стороны, мы должны согласиться с тем, что Евсевий – источник некритический. С другой стороны, само по себе умолчание о тех или иных сложных моментах является показательным, так

⁴⁶ О жизни Евсевия и его сочинения в биографическом контексте – смотри очерк на русском языке: *Ястребов А.О.* Евсевий Кесарийский. Исторический очерк // Богословский сборник. Выпуск III. М., 1999. С. 136–151. Евсевий – довольно сложный автор, чье пышное красноречие иногда труднопереводимо в силу обилия синонимов и метафор. Переводы текстов Евсевия приводим по существующим русскоязычным изданиям: *Евсевий Памфил.* Церковная история. СПб., 2005; *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998.

как помогает понять, каким образом конструировалась официальная биография Константина при его жизни.

В правление Феодосия Младшего (408–450 гг.) жанр церковной истории, заложенный за сто лет до того Евсевием, испытывает подъем⁴⁷; у Евсевия появляется несколько продолжателей, из которых мы выделим Сократа Схоластика и Созомена, представлявших ортодоксальное направление, т.е. приверженцев Никео-Цареградского Символа веры. Сократ был, возможно, адвокат – если так перевести его прозвище⁴⁸. Второй автор, Созомен, был выходцем из Палестины и занимался адвокатской практикой в Константинополе⁴⁹. Оба автора начинают со времени правления Константина Великого, выбирая в качестве исходной точки его разрыв с Лицинием в 324 году. В этом они демонстрируют себя продолжателями «Церковной истории» Евсевия, но, будучи зависимыми от этого автора и в смысле источниковой базы, они, тем не менее, выступают далеко не компиляторами. Имея в виду «Жизнь Константина» за авторством Евсевия, Сократ использует постановления церковных соборов, труды церковных (Руфина, Геласия) и

⁴⁷ Bleckmann B. Sources.... P. 29.

⁴⁸ О Сократе: PLRE. Vol. II. P. 1018–1019: Socrates 2; Urbainczyk T. Socrates of Constantinople: Historian of Church and State. Ann Arbor, 1997. P. 13–40; Leppin H. The Church Historians (I): Socrates, Sozomenus, and Theodoretus // Greek and Roman historiography. P. 220–223. Исследователи признают, что все наши знания о Сократе основаны на его собственном сочинении. Текст сочинения Сократа Схоластика приводим по существующему русскому переводу: Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996.

⁴⁹ PLRE. Vol. II. P. 1023–1024: Salamanes Hermias Sozomenus 2. Составители PLRE допускают возможность идентифицировать его с неким приближенным влиятельного чиновника Антемия Исидора, однако Х. Леппин признает подобное отождествление спекуляцией: Leppin H. Op. cit. P. 223. Мы согласны с этим замечанием, так как ни на чем, кроме сходства имени и хронологической близости, отождествление не основано. В целом, наши знания о Созомене, как и Сократе, основаны на его сочинении. Текст сочинения Созомена приводим по существующему русскоязычному изданию: Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. СПб., 1851.

светских (Евтропия) историков; Созомен же опирается на сочинение Сократа и его источники, а также привлекает немало документов⁵⁰. Как и у Евсевия, задача этих авторов – изобразить Константина подлинно христианским государем. Важно понимать, что они жили через сто лет после смерти Константина, так что в своей идеализации этого императора они не свободны от мифов, возникших вокруг его фигуры после его смерти.

Особняком среди церковных историков этого периода стоит фигура Филосторгия, чья «Церковная история»⁵¹ была написана с позицией арианства. Целиком это сочинение не сохранилось, однако дошло до нас в пересказе Фотия, частично вошло в анонимные византийские сочинения «Жизнь Константина» и «Мученичество святого Артемия», а также словарные статьи в энциклопедии «Суда»⁵². Константину Великому посвящены первые две из двенадцати книг сочинения. Кажется, что изложение было построено по тому же принципу, что и у «ортодоксальных» коллег Филосторгия – в качестве исходной точки автор установление единовластия Константина в 324 году. Однако арианский автор, имея в виду организацию Константином осудившего арианство Никейского собора, отходит от заданного Евсевием идеализированного образа императора и вносит элемент критики⁵³. В частности, он единственный из плеяды

⁵⁰ *Leppin H.* Op. cit. P. 227–228.

⁵¹ При работе с этим источником опираемся на собственный перевод по изданию полного собрания всех фрагментов труда Филосторгия: *Kirchengeschichte, mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines Arianischen Historiographen.* Leipzig, 1913. В ссылке кроме книги и главы приводится также указание страницы по данному изданию.

⁵² *Удальцова З.В.* Филосторгий — представитель еретической церковной историографии // ВВ. 1983. Т. 44. С. 3; *Marasco G.* The Church Historians (II): Philostorgius and Gelasius of Cyzicus // *Greek and Roman Historiography.* P. 258.

⁵³ О неоднозначном отношении Филосторгия к Константину Великому: *Удальцова З.В.* Филосторгий... С. 11–12; *Ващева И.Ю.* Ранневизантийские императоры в «Истории» Филосторгия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. №13 (84). 2010. Вып. 15. С. 21–22.

грекоязычных церковных авторов сообщает об убийстве Константином сына Криспа. Для нас этот момент принципиально важен, так как он ставит вопрос об используемой Филосторгием арианской традиции (до нас недошедшей).

Подводя итоги, следует сказать, что, несмотря на подробность изложения и документальную насыщенность сочинения церковных историков не могут служить основным подспорьем для изучения правления Константина, так как в достаточной степени они освещают лишь церковную политику императора (и то – с учетом своих конфессиональных предпочтений), чему и подчинено как правило изложение всех прочих обстоятельств и подробностей.

– *Греческие языческие авторы.* Поскольку христианские авторы часто получают упреки в искажении образа Константина и превращении его в «святошу», то в языческих авторах соблазнительно увидеть неких обличителей императора, – как это делает современный исследователь Б. Блекманн⁵⁴. По его мнению, языческие «интеллектуалы» ставили своей целью изобличить Константина как устроителя всякого зла. Не говоря уже о том, что еще до знакомства читателя с этими авторами исследователь уже навешивает на них ярлык, в эту категорию «языческих интеллектуалов» включенными оказались Аврелий Виктор, Евтропий и Псевдо-Аврелий Виктор, а также крупный историк конца IV века Аммиан Марцеллин. В подтверждение своей мысли Блекманн обращает внимание только на критику Константина у этих авторов. Неясным остаются и критерии, по которым авторов следует отнести к языческому лагерю – особенно в контексте вышеупомянутой религиозной индифферентности⁵⁵ Аврелия Виктора, Евтропия и Псевдо-Аврелия Виктора. Нам представляется правильным, выделяя отдельную языческую традицию, включать в эту категорию только тех авторов, которые, во-первых, открыто выражают свою языческую

⁵⁴ Bleckmann B. Sources... P. 27.

⁵⁵ О равнодушии язычников к самим культам: Болотов В.В. Лекции по истории Древней церкви. Т. III. История церкви в период Вселенских соборов. СПб., 1913. С. 64–66.

позицию, и, во-вторых, оценивают религиозную политику Константина с позиции именно языческой. Если первое условие в отношении указанных Б. Блекманном авторов выполняется хотя бы через упоминание ими языческих богов, то второе не выполняется вовсе⁵⁶. По таким признакам нам представляется правильным выделить следующих авторов: Праксагора Афинского, императора Юлиана Отступника, Либания, Евнапия и Зосима. Таким образом, наши авторы очень удачно умещаются в хронологические границы поздней Римской империи (IV–V вв.).

Афинянин Праксагор, автор с широкими интересами, написал жизнеописание Константина в двух книгах⁵⁷, дошедшее до нас в пересказе Фотия (IX век). Согласно пересказу, сочинение охватывает хронологический промежуток 305–330 гг., что позволяет предполагать в авторе современника Константина⁵⁸. По мнению Ф. Винкельманна, основание Константинополя Праксагор упоминает «как современник»⁵⁹. Указанный автор считает Константина язычником, – и в этом его заявлении, очевидно, отразился религиозный климат эпохи Константина, характеризующийся

⁵⁶ Возможно, определенная критика могла содержаться в сочинении Аммиана Марцеллина, который открыто высказывает свои языческие убеждения; однако труд его дошел до нас не полностью, и книги, посвященные эпохе Константина Великого, утрачены. В сохранившейся части труда критика Константина с религиозных позиций отсутствует. Обращаясь к его произведению, мы ориентировались на издание: *Ammianus Marcellinus*. In 3 vol. London–Cambridge (MA), 1935–1940. Текст сочинения приводится в переводе Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни по изданию: *Аммиан Марцеллин*. Римская история. М., 2005.

⁵⁷ При работе с фрагментами сочинения Праксагора опираемся на свой перевод по изданию: *Praxagoras Atheniensis* // *FGH*. Vol. IV. P. 1–2. Ссылка содержит указание издания (FGH), номер тома и страницы.

⁵⁸ Составители PLRE принимают за условную точку «расцвета» этого автора середину IV века: PLRE. Vol. I. P. 724: *Praxagoras*. Впрочем, это совершенно неясное определение, так как известно, что Праксагор писал с 19 лет, а сочинение о Константине издал в 22 года.

⁵⁹ *Winkelman F.* Op. cit. P. 14.

веротерпимостью. Все это, в сравнении с позднейшими негативными отзывами языческих авторов, позволяет локализовать время жизни Праксагора в эпохе Константина. Неясны источники Праксагора; передаваемые им сведения вполне укладываются в рамки рассказов латинских историков вроде Евтропия и Аврелия Виктора, что может предполагать использование общего источника или влияние Праксагора на источники указанных авторов. Любопытен анекдот о борьбе Константина с дикими зверями, которую подстроил Галерий, – здесь наш автор обнаруживает связь с Лактанцием (вероятно, через общий источник⁶⁰).

С именем императора Юлиана Отступника (361–363 гг.) связана попытка реставрации язычества; в этом смысле понятно, что он не мог обойти вниманием фигуру дяди – Константина Великого. Аммиан Марцеллин отмечал, что Юлиан, заявив претензию на верховную власть в начале 360 года, немедленно занялся критикой Константина (Res Gest. XXI.10.8). Вероятно, первые памфлеты Юлиана оказали влияние на общественное мнение – нотки критики появляются уже в сочинении Аврелия Виктора, написанном в это время. Из имеющихся в нашем распоряжении сочинений⁶¹ Юлиана огромный интерес представляет его памфлет «Цезари» (также «Пир, или Кронию»), написанный уже в период единовластия этого императора. Сюжет его строится вокруг приглашения на сонм богов римских императоров. В адрес Константина сыплются упреки в тщеславии, изнеженности и отступничестве от традиционных верований. Сочинение Юлиана, не являясь специальным трактатом о Константине, знаменует начало систематической критики⁶² его

⁶⁰ Об этом анекдоте и его изложении у Лактанция и Праксагора – наша статья: *Миролюбов И.А.* Константин Великий в клетке со зверем // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2017. Т. 21. С. 571–579.

⁶¹ При работе с сочинениями Юлиана опираемся на свои переводы по изданию: *The Works of the Emperor Julian*. In 3 vol. London–New York, 1913–1923.

⁶² Ч.М. Одал резонно полагает, что языческая критика в отношении Константина началась именно с периода Юлиана: *Odahl Ch.M.* Op. cit. P. 4.

фигуры с позиции языческой элиты. Тем любопытнее сравнить эти выпады с верноподданническими эскападами, содержащимися в панегириках Юлиана, написанных им некогда в честь своего кузена – сына Константина, Констанция. К фигуре Юлиана тесно примыкает ритор Либаний⁶³. В ряде своих речей, восхваляя Юлиана, он затрагивает тему его происхождения и – неизбежно – семьи Константина. Отметим, что Либаний является ценным источником по взаимоотношению Константина с братьями (один из которых – Юлий Констанций – был отцом Юлиана).

Представителями сугубо исторического направления внутри языческой традиции являются ритор Евнапий и зависимый от него в смысле источника информации Зосим. Первый автор⁶⁴ известен благодаря своим «Жизнеописаниям философов и софистов» и «Истории», которая дошла до нас во фрагментах. Несмотря на уверения Евнапия в строгом следовании принципу поиска истины, мы должны согласиться с В. Либешутцем, что написаны его произведения со «строго языческих позиций»⁶⁵, и это, разумеется, не могло не отразиться на объективности автора. «История» Евнапия стала источником информации для Зосима. Последний, – живший в конце V века⁶⁶ крупный чиновник налоговой сферы, – по выходе в отставку написал «Новую историю»⁶⁷, где изложил события от Августа до правления Гонория (изложение событий обрывается 410 годом). Сочинение Зосима содержит обстоятельный очерк о правлении Константина; среди прочего, автор касается темы личной жизни императора. Я. Буркхардт отмечал ту

⁶³ Его речи цитируем в существующем переводе на русский язык С.П. Шестакова: Речи Либаний. В 2 тт. Казань. 1912–1916. При работе с текстом источника мы ориентировались также на издание Р. Ферстера: *Libanii Opera*. In 10 vol. Lipsiae, 1903–1921.

⁶⁴ PLRE. Vol. I. P. 296. Eunapius 2.

⁶⁵ *Liebeschuetz W. Pagan Historiography and the Decline of Empire // Greek and Roman Historiography*. P. 178.

⁶⁶ PLRE. Vol.II. P. 1206. ZOSIMVS 6.

⁶⁷ При работе с этим данным источником опираемся на свой перевод по изданию: *Zosimi ... Historia Nova*. Lipsiae 1887.

осторожность, с которой исследователь должен относиться к сведениям этого историка⁶⁸, однако оговорки из серии «если мы склонны верить» вряд ли здесь уместны – необходим более глубокий анализ, возможный лишь при сопоставлении данных этого автора с данными из комплементарной по отношению к Константину традиции. Думается, что это правило применимо и ко всей языческой традиции в целом.

с) *Miscellanea*. В эту категорию нам представляется необходимым включить те сведения, которые сохранились в составе позднейших компиляций византийского времени. Б. Блекманн в своем очерке об источниках наших знаний о личности и эпохе Константина Великого уделяет им мало внимания⁶⁹, но исследователи нередко обращаются к таким авторам, как Иоанн Малала и Петр Патрикий (VI век), автор Пасхальной хроники (VII век), Феофан (VIII век), авторы *Patria Constantinopolitana* (X/XI вв.) и Иоанн Зонара (XII век). Ни один из этих авторов, создавших масштабные произведения, не писал специально о Константине, потому мы, конечно, не будем рассматривать их творчество углубленно. Обратим внимание лишь на то, как они могут помочь в раскрытии интересующей нас темы.

Указанных авторов можно разделить на две категории: сугубо историков (Петр Патрикий⁷⁰, Феофан⁷¹ и Иоанн Зонара⁷²) и писателей с уклоном в жанр

⁶⁸ Буркхардт Я. Указ. соч. С. 285, 292, 295, 332.

⁶⁹ Bleckmann B. Sources... P. 28–29.

⁷⁰ Текст этого автора приводим по существующему изданию его перевода на русский язык: Петр Магистр // Византийские историки. СПб., 1860. С. 279–310.

⁷¹ Текст этого автора приводим по существующему изданию его перевода на русский язык: Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. М., 1884. В ссылке обозначается год «от сотворения мира», под которым идет цитируемая запись Феофана.

⁷² Текст этого автора приводим в своем переводе; при работе с ним мы опирались на издание Л. Диндорфа: Ioannis Zonarae Epitome historiarum. Vol. III. Lipsiae 1870. В ссылках кроме номера книги главы обозначены указания страниц по данному изданию.

периегезы (авторы *Patria Constantinopolitana*), причем ко второй категории – в вопросах освещения эпохи Константина – тесно примыкают Иоанн Малала⁷³ и автор Пасхальной хроники⁷⁴. Вторая категория источников сообщает ценные сведения об основании Константинополя, существенно расширяя данные, сохраненные у Зосима. Особо стоит выделить авторов *Patria Constantinopolitana*, так как здесь (в разделе *Παραστάσεις σύντομοι χρονικά*, далее – PSCh.) мы сталкиваемся с перечнем статуй города Константинополя, изображающих – в том числе – и членов семьи Константина Великого. Вместе с тем, это трудный источник, чьи данные иногда выглядят заведомой выдумкой⁷⁵, потому их необходимо сверять с данными других авторов (например – интересующегося застройкой Константинополя Иоанна Малалы⁷⁶) и, наконец, дошедшими до нас памятниками эпохи.

Сугубо историческое направление представлено масштабными работами, в которых Константину уделено место в рамках всемирной (или – в случае с Петром Патрикием – римской) истории. Разумеется, здесь мы имеем дело с компиляциями – это касается и автора Пасхальной хроники, и Феофана, и

⁷³ Текст этого автора приводим в своем переводе, выполненном по изданию Л. Диндорфа: Ioannis Malalae Chronographia. Bonnae, 1831. В ссылках указывается номер книги данного сочинения, а также страница по указанному изданию. При работе с текстом мы опирались также на современный комментированный английский перевод: The Chronicle of John Malalas: A Translation. Melbourne, 1986.

⁷⁴ Текст данного источника приводим в своем переводе, выполненном по изданию Л. Диндорфа: Chronicon Paschale. Vol. I. Bonnae, 1832. В ссылках указывается год от Рождества Христова, под которым идет цитируемая запись данного автора.

⁷⁵ О сложности этого источника – введение издании его текста: Cameron A., Herrin J. Introduction // Constantinople in the Early Eighth Century. Leiden, 1984. P. 1–53. Указанным изданием, снабженным английским переводом и обстоятельным комментарием, мы и пользовались при переводе текста данного источника.

⁷⁶ Интерес к Константинополю и Антиохии (которая, как кажется, была родиной автора) может указывать на использование им недошедших до нас городских хроник. Обзор источников «Хронографии» Иоанна Малалы: Jeffreys E. Malalas' Sources // Studies in John Malalas. Sydney, 1990. P. 167 – 216.

Иоанна Зонары. Пасхальная хроника, зависящая от Иоанна Малалы, содержит следы использования агиографии и, что немаловажно, законодательных документов, а также римских фаст⁷⁷. Автор сообщает ряд ценных сведений о членах семьи Константина. Обширный материал задействовал и Феофан⁷⁸, который в своей «Хронографии» приводит генеалогические таблицы семейства Константина. Большой интерес для нас представляет грандиозная компиляция Иоанна Зонары, византийского чиновника рубежа XI/XII вв. В числе источников по времени Константина этот автор обращался (через посредство уже византийских авторов) к греческому переводу Евтропия и Аммиана Марцеллина (чьё сочинение в дошедшем до нас виде начинается лишь с 353 года); ряд источников не дошел до нас вовсе⁷⁹. Зонара хорошо понимал компилятивный характер своего труда и иногда стремился суммировать различные взгляды имеющихся у него источников на те или иные вопросы. Несколько особняком стоит такой автор, как Петр Патрикий и примыкающий к нему Анонимный продолжатель Диона⁸⁰. Петр Патрикий – видный дипломат эпохи Юстиниана; характерно, что его произведение, сохранившееся во фрагментах, освещает дипломатические переговоры Константина с Лицинием в 316 году, между тем как Анонимный продолжатель Диона характеризует этих императоров рядом анекдотов.

В целом, византийская традиция чрезвычайно ценна для уточнения целого ряда аспектов деятельности Константина, однако переоценивать ее не

⁷⁷ Удальцова З.В. Из византийской хронографии VII в. // ВВ. 1984. Т. 45. С. 61.

⁷⁸ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 17.

⁷⁹ Вопрос об источниках Иоанна Зонары: *Bancich T.M.* Introduction: The Epitome of Histories // *The History of Zonaras*. Abingdon–New York, 2009. P. 8–11

⁸⁰ Б.Г. Нибур предполагал, что этот автор и есть Петр Патрикий: *Нибур Б.Г.* О жизни Петра Магистра // *Византийские историки*. СПб., 1869. С. 286. Мнение это безусловно, но оба автора рассматриваются в комплексе: *Cataudella M.R.* Historiography in the East // *Greek and Roman Historiography*. P. 431–442.

следует по причине того, что все авторы жили в эпоху его активной мифологизации. Задачам этой мифологизации могло быть подчинено у них и компилирование более ранней традиции, до нас недошедшей. Потому сведения их не могут быть восприняты в отрыве от сведений более ранней традиции и деятельности самого Константина, известной по отражениям в его *testimonia* и источникам официального происхождения.

Подводя итоги нашему обзору источниковой базы исследования, можно сказать, что нарративная традиция, разделенная по языковому и конфессиональному признаку, часто весьма противоречива. Если говорить об этом применительно к династической политике Константина Великого и, шире, истории его семьи, то здесь уже древние авторы сталкивались с трудностями в освещении жизненного и карьерного пути большого количества персоналий со стереотипными именами (например: Юлий Констанций – отец⁸¹, брат и сын Константина; Далмаций и Ганнибалиан – братья и племянники Константина). Безусловно и то, что Константин, уже при жизни окруженный легендами, после смерти стал объектом мифологизации, от которой авторы (в значительной степени – поздние) были несвободны. Для работы с источниками нам необходимо серьезнейшим образом применить комплексный метод, т.е. скрупулезно анализируя каждый источник в соответствии с его особенностями, мы должны сопоставлять полученные данные с выводами, к которым мы пришли в ходе работы с другими категориями источников. С учетом этого обстоятельства имеющиеся источники следует признать достаточным основанием для изучения династической политики Константина.

⁸¹ Отец Константина Великого, император Констанций Хлор, был известен под именем Флавий Валерий Констанций: PLRE. Vol. I. P. 227 – 228: Fl. Val. Constantius. Этот набор *nomina* убедительно зафиксирован нумизматикой и эпиграфикой, однако Аврелий Виктор сообщает, что до получения императорского титула он звался Юлий Констанций (De caes. 39.24). *Nomen* Юлий будет неоднократно встречаться в семье Константина, что, на наш взгляд, подтверждает сообщение Аврелия Виктора.

Не стоит забывать и о применении методов исторической географии, важность которой для изучения деятельности Константина отметил современный исследователь Ч.М. Одал⁸². По его мнению, анализ данных нарративной традиции и предметов материальной культуры в отрыве от их окружения, в том числе и географического, ведет к искажению объективной картины. С этим замечанием нельзя не согласиться.

Степень изученности темы. Литература о Константине Великом чрезвычайно обширна. Вниманию исследователей он обязан двумя обстоятельствами⁸³: христианским вектором религиозной политики и основанием Константинополя. Династическая политика императора, которую мы определили как сумму мероприятий, направленных на построение кровнородственной династии, практически не составляла отдельного предмета исследования, хотя еще в научной литературе XVII столетия фигурирует понятие *Familia Constantini Magni* (в значении «семья» или «династия»). Собственно, термин появляется у Ш. Дюканжа⁸⁴, который в 1680 году предпринял попытку систематизировать знания о семействе Константина, опираясь без всякой критики на нарративную традицию⁸⁵; ряд его заявлений⁸⁶ не подкреплён источниками. В целом, работа Дюканжа

⁸² *Odahl Ch.M.* Op. cit. P. VIII.

⁸³ Общеизвестно уже мыслителями XVIII столетия: *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. М., 1999. С. 371; *Монтескье Ш.Л.* Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М., 2002. С. 351; *Гиббон Э.* История упадка и разрушения: Закат и падение Римской империи: в 7 т. Т. 2. М., 2008. С. 261; *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 353.

⁸⁴ *Du Cange C.* *Familia Constantini Magni // Historia byzantina duplici commentario illustrata.* Lutetiae Parisiorum, 1680. P. 42–51.

⁸⁵ Очерк сопровождается прорисовками монет, легенды которых помогают Дюканжу уточнить имена персонажей, однако здесь он не свободен от додумывания. В целом прорисовки играют более декоративную роль.

⁸⁶ Например, о браке сестры Константина, Анастасии, и придворного Оптата: *Du Cange C.* Op. cit. P. 45. Стоит отметить, что это утверждение было повторено Э. Гиббоном: Указ.

является важнейшим просопографическим справочником – вплоть до появления статей «Реальной энциклопедии» Паули-Виссова. Работой Дюканжа нам представляется возможным обозначить начало **раннего этапа в изучении заявленной проблемы.**

Немалое значение семье Константина уделяет в своей «Истории императоров» Л.–С. Тиллемон (1690-ые гг.), но для него она не является специальным предметом исследования. Тиллемон следует хронологическому принципу, затрагивая по годам те или иные события (что, кстати, ставит вопрос уточнения хронологии жизни Константина). От исследовательского взгляда не укрылся ряд проблемных вопросов, обзорное рассмотрение которых он посчитал необходимым вынести в примечания. Так был научно поставлен вопрос о статусе брака родителей Константина Великого⁸⁷, о его личной жизни и степени законности его детей⁸⁸, т.е. те вопросы, которые являются предметом научных дискуссий и сегодня.

Константин привлекал внимание мыслителей эпохи Просвещения. Монтескье, рассматривая политическое развитие и деградацию Римского государства, высказал мысль о преемственности Константина в отношении тетрархических опытов императора Галерия⁸⁹, что ставит вопрос о влиянии на династическую политику Константина Диоклетиана и его преемников. Просвещение относится к Константину в целом критически – Вольтер говорит о многовековой идеализации «женоподобного варвара»

соч. Т. 2. С. 264. Дискуссию относительного этого неподкрепленного источниками утверждения см: *Enßlin W. Optatus (2) // PWRE. Bd. XVIII/35. Sp. 760–761.*

⁸⁷ *Tillemont L.–S. Histoire des empereurs. Vol. IV. Paris, 1692. P. 613–614.*

⁸⁸ *Ibid. P. 617; 623–624.* В этой связи не согласимся, что труд Тиллемона – просто компиляция источников: *Историография античной истории. М., 1980. С. 43.* Несмотря на отсутствие критического научного подхода, исследователь выделял проблемные вопросы, многие из которых представляют исследовательский интерес до сих пор:

⁸⁹ *Монтескье Ш.Л. О причинах... С. 351.*

Константина, «купающегося в крови своих родственников»⁹⁰. Суждение Вольтера оказало большое влияние на последующую историографию о Константине, так как привнесло в исследования элемент критики с этических позиций. Э. Гиббон, историк этого периода и автор монументальной «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776–1789), немало внимания уделяет семье Константина⁹¹, видя в ней основу для организации власти по династическому принципу, однако, уклонившись в этические рассуждения, подчиняет свое изложение достаточно морализаторской задаче – продемонстрировать превращение Константина в «жестокосердного деспота»⁹². От подобного морализаторства не были свободны ни Я. Буркхардт («Век Константина Великого», 1853), ни Т. Моммзен (курс лекций по истории римских императоров⁹³, 1880-ые гг.). Вместе с тем, эти исследователи выделили именно династическую политику в отдельный вектор деятельности Константина. Буркхардт, исходя из мысли о тяготении «любой монархии» к династизму, рассматривал кровнородственную династию Константина как антагонизм построениям Диоклетиана⁹⁴; с этим согласен⁹⁵ и Т. Моммзен. Оба исследователя сходятся во мнении, что Константин придерживался авторитарного стиля управления («султанская

⁹⁰ *Voltaire*. *Portrait de l'empereur Julien* // *Œuvres complètes de Voltaire*. Т. 28. Paris, 1879. P. 2–3. Показательно, что идеалом для Вольтера, в противовес Константину, является его племянник – император-философ Юлиан.

⁹¹ *Гиббон Э.* Указ. соч. Т. 2. С. 264–271.

⁹² *Гиббон Э.* Указ. соч. Т. 2. С. 263.

⁹³ Курс лекций стал основой для конспектов С. и П. Хензелей, которые были прокомментированы и изданы уже в наше время Б. и А. Демандами. По сути, эта публикация заменяет ненаписанную Т. Моммзеном историю императорского Рима: *Моммзен Т.* История римских императоров. СПб., 2002.

⁹⁴ *Буркхардт Я.* Указ. соч. С. 36–40.

⁹⁵ *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 502. Моммзен не скрывает личной симпатии к Диоклетиану.

натура» – по выражению Моммзена⁹⁶), и плачевным итогом его стремления сохранить власть внутри своей семьи становится раздел империи⁹⁷.

Стоит отметить, что именно в курсе лекций Т. Моммзена была обозначена необходимость при изучении деятельности Константина ориентироваться на такие источники, как монеты и надписи⁹⁸, использование которых до того было эпизодическим. Введение в научный оборот большого количества источников (например – начало издания CIL в 1853 году) потребовали новой систематизации знаний, и это стремление выразилось в издании «Реальной энциклопедии» Паули-Виссова⁹⁹ (PWRE). В ней содержится ряд статей о членах семьи Константина – преимущественно, за авторством О. Зеека, ученика Т. Моммзена и автора монументальной «Истории упадка античного мира»¹⁰⁰ (1895–1920). Немецкий исследователь, сосредоточившись на критическом анализе нарративной традиции, научно сформулировал

⁹⁶ Моммзен Т. Указ. соч. С. 502.

⁹⁷ Моммзен видит в разделе империи между сыновьями свидетельство нерешительности самого Константина: Моммзен Т. Указ. соч. С. 509. Точка зрения Буркхардта более экзотична – Константин у него оказывается в заложниках собственной привязанности к идее кровнородственной династии и, предвидя моральное развитие своих сыновей, подготовил все условия для будущей гражданской войны между ними, чтобы хоть один из них уцелел для продолжения рода: Буркхардт Я. Указ. соч. С. 278–279.

⁹⁸ Хотя корпуса надписей существовали еще и в XVI веке, а применительно к эпохе Константина в качестве исторических источников их привлекает уже Дюканж, все же в полной мере надписи были введены в научный оборот с началом издания *Corpus Inscriptionum Latinarum* (CIL) в 1847 году: Федорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. С. 25–29.

⁹⁹ Издание энциклопедии началось еще в первой половине XIX века А. Паули, однако было переработано Г. Виссова для издания, которое началось с 1882 года: *Историография античной истории*. С. 143.

¹⁰⁰ Интерес для нашей проблемы представляет первый том этой работы, где дан общий обзор политической ситуации начала IV века и развиты некоторые положения, которые были отмечены Зееком в сего статьях в составе PWRE: Seeck O. *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*. I. Band. Stuttgart, 1897. S. 143–188.

проблему материнства детей Константина. Еще Т. Моммзен, опираясь на невятное сообщение Зосима, считал всех сыновей императора рожденными от наложницы¹⁰¹; Зеек же обратил внимание на неясность с датой рождения Константина-мл. Несколько произвольная манипуляция с данными источников привела его к мысли о существовании в жизни Константина еще одной женщины¹⁰². Научная дискуссия вокруг происхождения второго сына Константина Великого продолжается и сегодня; в перспективе это допущение поставило вопрос о соотношении статуса детей от законной супруги и наложницы в рамках императорской семьи начала IV века. Оценивая династический план Константина, автор биографической статьи о нем в PWRE К. Бенджамин полагает¹⁰³ его подражанием тетрархии Диоклетиана с привнесением в нее кровнородственного элемента.

Отечественная историография этого периода сравнительно мало обращает внимание на Константина под интересующим нас углом зрения. Ф.И. Успенский в своей «Истории Византийской империи» (1913), вполне в духе Гиббона, Буркхардта и Моммзена, выбирает моменты из семейной жизни Константина для этической критики императора¹⁰⁴. Церковную политику Константина рассматривают В.В. Болотов, А.П. Лебедев, А.А. Спасский и А.И. Бриллиантов. Пожалуй, особенного внимания заслуживает мысль¹⁰⁵ о влиянии на религиозную политику Константина веротерпимости его отца, императора Констанция Хлора. Эта точка зрения, основанная на несколько некритическом следовании христианской нарративной традиции, ставит, однако, важный вопрос о взаимоотношениях Константина с отцом.

¹⁰¹ Моммзен Т. Указ. соч. С. 500.

¹⁰² Seeck O. Constantinus (3) // PWRE. Bd. IV/7. Sp. 1026.

¹⁰³ Benjamin C. Constantinus (2) // PWRE. Bd. IV/7. Sp. 1022–1023.

¹⁰⁴ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. I. СПб., 1913. С. 98.

¹⁰⁵ Спасский А.А. Обращение императора Константина Великого в Христианство // Богословский вестник. 1905. Т. I. № 1. С. 60–62.

Фигура отца Константина – Констанция Хлора, – как предка династии, тесно связана с еще одной важной проблемой, имеющей непосредственное отношение к династии Константина. Обеспечивая легитимность своей будущей династии, Константин объявлял себя потомком – по отцовской линии – императора Клавдия Готского. Нарративная традиция отразила эту генеалогическую претензию, правда – весьма разноречиво. Ранние исследователи – Дюканж, Тиллемон и Гиббон¹⁰⁶ – безоговорочно принимали это родство; однако в 1889 вышла статья Г. Дессау «О времени написания и личности Авторов жизнеописания Августов», в которой этот вопрос был рассмотрен специально. Сопоставление данных SHA об этом родстве с данными панегириков – официальных источников, где сведения о родстве появляются лишь с 310 года, позволило Г. Дессау объявить эту генеалогическую претензию фальсификацией¹⁰⁷, имеющей целью легитимировать положение Константина. Мнение Дессау до сих пор сохраняет свое значение. Персоналии предков династии примечательным образом характеризуют династическую политику Константина, так как указывают на стремление императора упрочить создаваемую им династию не только через потомков, но и через мощную (и, возможно, фиктивную) родословную. За исключением заочного признания Септимием Севером себя в качестве члена династии Антонинов, римская история вряд ли имеет какие-либо аналоги подобной практики.

Подводя некоторые итоги, мы должны сказать, что ранний этап в изучении династической политики Константина Великого отличается некоторой несистематичностью. Сам объект исследования определен достаточно примерно: это семейство Константина и проводимая внутри него политика, направленная на изменение статуса его членов. Признается тяготение

¹⁰⁶ *Du Cange C.* Op. cit. P. 42; *Tillemont L.–S.* Op. cit. P. 76–77; *Гиббон Э.* Указ. соч. Т. I. С. 536–537. Все авторы воспроизводят версию, изложенную у SHA.

¹⁰⁷ *Dessau H.* Über Zeit und Persönlichkeit der Scriptorum historiae Augustae // *Hermes*. 1889. 24. S. 340 sqq.

Константина к организации передачи власти по принципу кровного родства, однако причины подобного тяготения не рассматриваются; они считаются либо свойством натуры Константина, либо его реакцией на искусственные построения Диоклетиана, однако при этом не делается попытки обстоятельно сопоставить две системы. Важно, что на раннем этапе исследований был определен круг источников, на основании которых возможно дальнейшее изучение проблемы, хотя критическое изучение всей массы источников по-прежнему оставалось перспективной задачей.

Итак, историография о Константине Великом в XX веке имела возможность опереться на мощную источниковую базу. Обращение Т. Моммзена и авторов PWRE к памятникам эпохи – данным нумизматики и эпиграфики – обусловило необходимость их научных изданий. Как мы уже отмечали выше, с 1853 года начинает издаваться CIL. В начале XX века в научный оборот вводятся данные нумизматики: в 1908–1912 году выходит обстоятельная работа Ж. Мориса по нумизматике эпохи Константина¹⁰⁸, а с 1923 года начинается издание «The Roman Imperial Coinage» (далее – RIC), и по сей день остающееся самым полным справочником по римской нумизматике (тома, освещающие монетную чеканку интересующего нас периода, вышли уже в 60-ые гг.).

В 20–30-ые гг. выходит немало общих работ о Константине, где центральным вопросом является соотношение иррациональных и прагматических причин, побудивших императора к обращению в Христианство¹⁰⁹. Этот вопрос, уходящий корнями едва ли не в современную самому Константину литературу, и по сей день остается предметом дискуссии, однако не является темой нашего исследования. Отметим, что в контексте споров о сущности религиозных воззрений Константина А. Грегуар проанализировал сочинения Евсевия и пришел к выводу о

¹⁰⁸ *Maurice J. Numismatique constantinienne*. 3 vol. Paris, 1908; 1911; 1912.

¹⁰⁹ Общий обзор мнений исследователей этого периода по данному вопросу: *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 1. СПб., 1998. С. 95–102.

невозможности опираться на них, как на достоверный источник¹¹⁰. Сомнения в надежности свидетельств Евсевия высказывали еще Я. Буркхардт и Т. Моммзен¹¹¹, по мнению которых этот автор был «худшим из льстецов». Высказанное Грегуаром суждение ставит вопрос о необходимости углубленного критического изучения нарративной традиции о Константине.

Специально для нашей темы большое значение имеет статья В. Энслина, посвященная карьере брата Константина – Флавия Далмация (1929). Энслин затронул проблему, которая серьезно усложняла исследовательскую работу (что видно еще на примере Дюканжа): стереотипность имен членов семьи Константина обуславливает путаницу в источниках и, как следствие, путаницу у исследователей¹¹². Реконструируемая Энслином карьера брата Константина позволяет говорить о привлечении членов семьи к управлению государством. Отсюда становится понятно, что «политика внутри семейства Константина» не может рассматриваться лишь как черное пятно в его биографии, как то полагал Т. Моммзен. Более того, научно ставился вопрос о том, какую роль в династических конструкциях Константина играли представители боковой ветви императорской семьи – дети императора Констанция Хлора от брака с Феодорой.

¹¹⁰ Бельгийский исследователь и вовсе отвергал авторство Евсевия: *Grégoire H. Eusèbe n'est pas l'auteur de la «Vita Constantini» dans sa forme actuelle, et Constantin ne s'est pas «converti» en 312 // Byzantion. 1938. Vol. 13. P. 561–583; Grégoire H. La vision de Constantin «liquidée» // Byzantion. 1939. Vol. 14. P. 341–351. Столь критический взгляд не принимался исследователями уже в 40-ые гг.: Гуревич А.Я. Время Константина в освещении современной буржуазной историографии // ВДИ. 1954. № 1. С. 96. Сегодня авторство Евсевия не оспаривается: Козлов А. С. Проблема аутентичности трактата *Vita Constantini* // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 16. Екатеринбург, 2016. С. 120–133.*

¹¹¹ Буркхардт Я. Указ. соч. С. 253; Моммзен Т. Указ. соч. С. 505.

¹¹² *Enßlin W. Dalmatius Censor, der Halbbruder Konstantins I. // RhM. 1929. Bd. 78. S. 299.* Обратим внимание, что еще и Я. Буркхардт путает Далмация-отца и Далмация-сына: Буркхардт Я. Указ. соч. С.

Скромное внимание уделяет Константину отечественная историография этого периода. В общих работах по истории Рима В.С. Сергеева (1938), Н.А. Машкина (1947) и С.И. Ковалева (1948) Константин представлен деспотичным правителем, завершившим установление домината – абсолютистской системы эпохи Поздней империи. В.С. Сергеев уделяет большое внимание «римской конституции», установленной Диоклетианом и Константином¹¹³, однако если принципу наследования в системе Диоклетиана посвящено несколько строк, то точка зрения Константина на аналогичный вопрос игнорируется – при том, что последний назван «преемником и продолжателем» Диоклетиана. С.И. Ковалев, соглашаясь с этим, считает, что Константин установил «единодержавие», однако при этом унаследовал систему Диоклетиана, привнеся в нее кровнородственный элемент¹¹⁴ – само противоречие, заложенное в этом утверждении, требует более углубленного исследования. Примеры из семейной жизни императора становятся основой для критики его авторитарной стилистики управления¹¹⁵. Вместе с тем, указанные работы являются, прежде всего, учебными пособиями, потому невозможно применить к ним в полной мере критерии, применяемые к собственно исследовательским работам.

В 1950 году А. Пиганьоль решает подвести некоторые итоги за прошедшие двадцать лет в статье «Текущее состояние Константиновского вопроса». Французский ученый, завершая очередной этап исследовательской работы, обозначил наиболее важные моменты в изучении жизни и деятельности Константина. Вопрос об организации династического правления среди них отсутствует, хотя в качестве перспективного направления обозначена¹¹⁶

¹¹³ Сергеев В.С. Указ. соч. Ч. 2. С. 667–674.

¹¹⁴ Ковалев С.И. Указ. соч. С. 784.

¹¹⁵ Машкин Н.А. Указ. соч. С. 602.

¹¹⁶ Piganiol A. L'état actuel de la question constantinienne 1930/1949 // *Historia*. 1950. Bd. I. N. 1. P. 90. Показательно, что какое-либо внимание к вопросу отсутствует и в обобщающей

ситуация внутри семьи императора через призму убийства сына и жены в 326 году. Отечественная наука отзывается на эту статью публикацией А. Гуревича (1954), который упрекает западных исследователей в излишнем преклонении перед фигурой Константином и предлагает перейти к рассмотрению социально-экономических проблем этого периода Римской истории в целом¹¹⁷. В целом, обе эти статьи характеризуют особенность второго периода – слабое внимание исследователей к династической политике Константина Великого.

Вторая половина XX века характеризуется появлением большого количества частных работ по разным вопросам, в том числе – и по вопросам, связанным с семейной жизнью Константина и организации его династии. В этом смысле нам представляется верным обозначить этот период как **третий этап в рассмотрении заявленной проблемы**. Знаковым событием этого периода является издание (с 1971 года) «Prosopography of the Later Roman Empire» (далее – PLRE), которое и по сей день сохраняет научную актуальность. Стоит отметить, что этот справочник, поставивший своей целью собрать воедино все свидетельства источников о лицах, проживавших в Римском мире в период поздней античности¹¹⁸, не свободен от сугубо исследовательских реконструкций. Так, приняв предположение О. Зеека о существовании у Константина наложницы¹¹⁹ (якобы матери Константина-мл.), исследователи включили ее в число реально существовавших персонажей под условным наименованием «Анонима 25»¹²⁰ – при том, что ни один источник не говорит о существовании этой женщины (между тем как

работе А.Х.М. Джонса о Константине, впервые вышедшей в 1949 году: *Jones A.H.M. Constantine and the Conversion of Europe. London, 1965.*

¹¹⁷ Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 92–93; 100.

¹¹⁸ В PLRE не вошли простые солдаты и ряд других категорий лиц, что делает этот сборник до некоторой степени неполным: PLRE. Vol. I. Cambridge, 1971. P. VI.

¹¹⁹ Seeck O. Constantinus (3). Sp. 1026.

¹²⁰ PLRE. Vol. I. P. 1040: Anonyma 25.

реконструкция реального исторического персонажа требует, как кажется, каких-то внятных свидетельств).

Важнейшей фигурой этого историографического этапа является Т.Д. Барнс, который чрезвычайно много сделал для просопографических и источниковедческих исследований по эпохе Константина. В 1981 году выходит его монография «Константин и Евсевий», где исследователь затрагивает династическую политику императора в контексте остальной его деятельности. По мнению Барнса, Константин тяготел к тетрархической системе с привнесением в него кровнородственного элемента. Особое внимание исследователя привлекает эпизод 315/316 гг., когда Константин, согласно данным Анонима Вalezия, вознамерился дать титул цезаря своему зятю Бассиану, что в итоге привело к войне с Лицинием. Барнс довольно смело (при молчании источника) реконструирует план Константина по установлению тетрархии в лице двух августов (самого Константина и Лициния) и двух цезарей – Бассиана и сына Константина, Криспа¹²¹. Данная реконструкция, однако, безусловна; с точки зрения историографии она примечательна как стремление исследователей, даже при молчании источников, навязать Константину пристрастие к тетрархической модели.

Развитие просопографических исследований обусловило интерес к семье Константина Великого, которая, естественно, была и инструментом, и объектом его династических опытов. Исследователи поставили задачу уточнить состав семьи и ряд проблемных моментов генеалогического и хронологического характера. Самым популярным по числу обращений сюжетом семейной жизни Константина становится убийство его жены и сына в 326 году. В 1966 году выходит статья П. Гатри «Казнь Криспа», в которой автор предлагает рассматривать это убийство не в контексте «личной морали» Константина, а с точки зрения «абсолютистской теории

¹²¹ Barnes T.D. *Constantine and Eusebius*. Cambridge–London, 1981. P. 65–67.

императора»¹²². Хотя вывод исследователя о связи казни Криспа с его происхождением от конкубины (в противовес сыновьям Константина от жены Фаусты) и являет предмет обстоятельной дискуссии, все же нельзя не отметить, что исследователь отказывается от морализаторства и признает за Константином некую сформулированную концепцию власти, где важнейшее место занимал династический аспект (передача власти от отца к сыну / сыновьям) и где существовал такой механизм, как исключение из династии некоторых ее членов. Дискуссия продолжилась статьей Н. Остина «Константин и Крисп в 326 году» (1980), которая содержит предположение мнимого заговора в придворной среде¹²³, в то время как Д. Вудс в статье «О смерти императрицы Фаусты» (1998), обратив внимание на специфический вид смерти Фаусты (в раскаленной бане), высказал мнение¹²⁴ о возможной неудачной попытке аборта. Сравнение исследовательских реконструкций причин, побудивших Константина казнить сына и жену, позволяет в целом согласиться с вцвешенным мнением Й.В. Дрейверса (в статье «Флавия Максима Фауста: несколько замечаний», 1992¹²⁵) о том, что это – загадка, которая никогда не будет разгадана.

Интерес представляют и прочие члены семьи Константина. Так, в контексте изучения личности императора Юлиана Отступника, исследователи обращаются к фигуре его отца, Юлия Констанция, брата Константина. В своей работе о Юлиане (1976) Р. Браунинг, значительно расцвечивая реальные сообщения источников, рисует картину неприятия и

¹²² Guthrie P. Execution of Crispus // *Phoenix*. 1966. Vol. 20, № 1. P. 327.

¹²³ Austin N.J.E. Constantine and Crispus, 326 A.D. // *Acta Classica*. 1980. № 23. P. 135–136. Это мнение в общих чертах было высказано еще Э. Гиббоном: Указ. соч. Т. 2. С. 266–268.

¹²⁴ Woods D. On the Death of the Empress Fausta // *Greece & Rome*. 1998. Vol. 45. № 1. P. 76–80. Ценно то, что Вудс собрал все свидетельства нарративной традиции о смерти Фаусты.

¹²⁵ Drijvers J.W. Flavia Maxima Fausta: Some Remarks // *Historia*. 1992. Bd. 41. H. 4. P. 505–506.

подозрительности Константина¹²⁶ в отношении своего брата. Более взвешенный взгляд представил в своей работе опять же о Юлиане (1978) Г.В. Боуэрсок, который считал¹²⁷, что Константин в вопросах отношения с братьями долгое время находился под влиянием своей матери. Однако оба исследователя игнорируют вопрос места братьев и их потомства – за исключением констатации факта включения в состав коллегии наследников двух племянников – в династических построениях Константина. Между тем отметим, что Константин оказался в нетипичной для римских императоров ситуации: у него было несколько братьев и сестер, которые превосходили его рожденным статусом. Так, они были детьми от брака, факт которого не подвергался сомнению, и, в соответствии с провозглашаемым Константином принципом династизма, имели больше прав на императорский титул, нежели он. Однако со времен Энслина, по сути поставившего этот вопрос своей статьей о Флавии Далмации, проблема участия братьев в политической деятельности Константина и его династической политике в частности остается неразработанной. Характерна в этом смысле ситуация в обобщающей работе по истории империи К. Криста (1988): анализируя эпизод с браками между детьми Константина и детьми его братьев, немецкий исследователь видит в этом попытку присоединить к генеральной линии императорской семьи линию боковую¹²⁸, однако не только не объясняет причин подобной деятельности, но и не задается вопросом о них. Между тем хотя бы сам факт браков между кузенами и кузинами должен был бы обратить на себя внимание исследователей.

Внимание исследователей в этот период обращено и к женщинам императорских фамилий – в частности женщинам семьи Константина. Знаковой и даже образцовой монографией в этом смысле является монография

¹²⁶ *Browning P.* The Emperor Julian. Berkley; New York, 1976. P. 31–33.

¹²⁷ *Bowersock G.W.* Julian the Apostate. Cambridge, 1978. P. 21.

¹²⁸ *Крист К.* История времен римских императоров. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1997. С. 435.

Й.В. Древерса о матери Константина, Елене (1992)¹²⁹, где рассмотрена не только ее биография и церковная деятельность, но и положение при дворе и в династических конструкциях сына. Вопрос о положении женщин семьи Константина внутри династических конструкция, их титулов и функций затрагивается в работе об императрицах династии Феодосия Г. Холума (1989)¹³⁰ и в статье Б. Блекманна о мятеже Ветраниона (1994). Второй исследователь, полемизируя с Холумом относительно возможности получения титула августы дочерью Константина, обозначает¹³¹ в качестве вероятной цели династической политики Константина установление правящей «гексархии» в составе трех сыновей и двух племянников, один из которых – Ганнибалиан-мл. – носил титул «царя царей» и был женат на отмеченной титулом августы дочери Константина. Таким образом, подвергается сомнению существующее положение о том, что Константин, распределив титулы и сферы влияния в 335 году, поставил точку в своей династической политике и сформировал тетрархальную коллегию.

Особенного внимания, на наш взгляд, заслуживает малозаметная работа – диссертация Э.Д. Уилсона (Университет Британской Колумбии) «Исследование о жизни сыновей Константина» (1977), в которой, пожалуй, впервые четко сформулирована проблема династической политики Константина Великого. Исследователь видит ее как попытку с помощью кровнородственного элемента установить стабильную власть, невозможную ни при господстве военщины (как то было в III веке), ни при искусственных построениях Диоклетиана. Главной проблемой династических построений Уилсон считает авторитарный характер Константина, который обусловил

¹²⁹ *Drijvers J.W. Helena Augusta. Leiden, 1992.*

¹³⁰ *Holum K.G. Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity. Berkley; Los Angeles; London, 1989.*

¹³¹ *Bleckmann B. Constantina, Vetrano, und Gallus Caesar // Chiron. 1994. № 24. S. 39–40.*

возможность существования единого главы династии и правителя, между тем как с его смертью такая фигура исчезала¹³².

Отечественная историография уделяет скудное внимание династической политике Константина Великого. В научно-популярной работе А. Каждана «От Христа к Константину» (1965), рассказывающей раннюю историю Христианства и имеющей ярко выраженный антирелигиозный характер, отношения внутри семьи Константина вновь используются для критики императора с морально-этических позиций¹³³. Большое значение для истории изучения правления Константина имеют очерки З.В. Удальцовой об экономическом, социальном и политическом развитии в IV – первой половине VII века и Г.Л. Курбатова о политической теории ранней Византии – в составе первого тома капитальной работы «Культура Византии» (1984). Исследователи рассматривают Константина как основателя христианской монархии¹³⁴, однако вопросы организации династии и механизма передачи власти не поднимаются. Та же ситуация наблюдается и в очерке В.Д. Нероновой о Поздней Римской империи в обобщающей работе «История Древнего мира» (1989), где Константин рассматривается как завершитель начатого Диоклетианом процесса установления неограниченной монархии¹³⁵.

¹³² *Wilson E.G. Studies in the Lives of the Sons of Constantine. A Thesis ... for the Degree of Doctod of Philisophy. – University of British Columbia, 1977. P. 1–63.*

¹³³ Характерны при этом спекуляции – перечисляя убитых родственников Константина (Максимиана Геркулия, Лициния, сына Лициния, Криспа и Фаусту), автор вырывает их убийства из исторического контекста, практически никак не поясняя причины, двигавшие Константином: *Каждан А.П. От Христа к Константину. М., 1965. С. 20–21.*

¹³⁴ *Удальцова З.В. Особенности экономического, социального и политического развития Византии (IV – первая половина VII в.) // Культура Византии IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 32–33; Курбатов Г.Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Там же. С. 102–108.*

¹³⁵ *Неронова В.Д. Поздняя Римская империя (III – V вв.) // История Древнего мира. Кн. 3. Упадок древних обществ. М., 1989. С. 308.*

Таким образом, третий этап характеризуется попыткой сформулировать саму проблему династической политики, однако попытка эта не была завершена. Под собственно династической политикой понимается либо отношение Константина к своим родственникам (что обуславливает просопографические исследования), либо принципы наследования власти, сформулированные Константином (что приводит исследователей к стремлению поставить Константина в зависимое от тетрархической модели положение). Вместе с тем – во многом благодаря работам о женщинах семьи Константина – ставится вопрос о положении в династических конструкциях тех членов императорской семьи, которые не входили непосредственно во властную вертикаль. Все это приводит к мысли о том, что понятие династия можно расширить до пределов состава семьи Константина в целом.

Новейший, т.е. четвертый, этап в изучении жизни и деятельности Константина (начиная с 2000-ых гг.) характеризуется появлением обобщающих работ о жизни и правлении императора. Заслуживают внимания монографии Ч.М. Одала («Константин и христианская империя», первое издание – 2004, второе – 2010¹³⁶), Р. Ван Дама («Революция Константина Великого», 2007¹³⁷), Д. Поттера («Император Константин», 2013¹³⁸) и Т.Д. Барнса («Константин: династия, религия и власть в Поздней Римской империи», 2011¹³⁹). Знаковым явлением представляются коллективные работы, обобщающие труды многих ученых: «Кембриджский справочник по эпохе Константина Великого» под редакцией Н. Ленски (2006)¹⁴⁰ и большая энциклопедия «Константин I» (2013), в которой

¹³⁶ *Odahl Ch.M.* Constantine and the Christian Empire. London; New York, 2010.

¹³⁷ Пользуемся изданием: *Van Dam R.* Roman Revolution of Constantine. New York, 2008.

¹³⁸ *Potter D.S.* Constantine the Emperor. New York, 2013.

¹³⁹ Пользуемся изданием: *Barnes T.D.* Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Malden; Oxford; Chichester, 2014.

¹⁴⁰ *Lenski N. (ed.).* Cambridge Companion to the Age of Constantine. New York, 2006.

содержится специальный раздел «Семья и династическая политика Константина Великого», написанный Й. Винандом¹⁴¹.

Ч.М. Одал, признавая династическую политику как один из векторов деятельности Константина, соглашается¹⁴² с уже высказанной ранее точкой зрения о том, что конечной целью династической политики Константина было создание тетрархии, основанной на кровнородственном элементе. Однако само провозглашение четырех цезарей к 335 году еще не являлось доказательством формирования Константином тетрархической коллегии, так как последняя должна была состоять из двух пар – августов и цезарей. Вопрос о том, кто должен был занять положение августов, исследователями оставался нерешенным – вплоть до появления статьи Д. Бёрджесса «Лето крови» (2008), посвященной разделу власти после смерти Константина в мае 337 года. По мнению исследователя, по ситуации на 330-ые гг. Константин планировал формирование тетрархии, позиция августов внутри которой предназначалась его старшим сыновьям – Константину-ст. и Констанцию. Любопытна мысль о том, что все три сына, по мнению Бёрджесса, выказали враждебность по отношению к четвертому участнику этой якобы планируемой тетрархии – племяннику Константина Далмацию¹⁴³. Все эти соображения исследователь подкрепляет нумизматическими данными¹⁴⁴:

¹⁴¹ *Wienand J.* La famiglia e la politica dinastica di Costantino // *Costantino I. Enciclopedia Costantiniana sulla figura e l'immagine dell'imperatore del cosiddetto Editto di Milano 313–2013. Vol. I. Rom, 2013. P. 23–52.*

¹⁴² *Odahl Ch.M.* Op. cit. P. 263–265.

¹⁴³ *Burgess R.W.* The Summer of Blood: The "Great Massacre" of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine // *Dumbarton Oaks Papers. 2008. Vol. 62. P. 41–42.*

¹⁴⁴ Стоит отметить, что в этом Бёрджесс не новатор. Х. Брандт в своей монографии о Константине (2006) приходит к схожим мыслям о внутреннем устройстве якобы планируемой Константином «тетрархии», основываясь на медальонных изображениях, где фигуру императора окружают четыре человека, двое из которых (Константин-мл. и Констанций) высоки, между тем как двое других – ниже среднего роста: *Brandt H.* Konstantin der Grosse: der erste christliche Kaiser. München, 2007. S. 153–154.

старшие сыновья часто появляются на золотых монетах; находящиеся же на контролируемых ими территориях (по разделу 335 года) монетные дворы не выпускают золотые монеты в честь Далмация. Подобный вывод ставит Константина в зависимое положение от модели, созданной Диоклетианом, а также указывает на политическую слабость, коль скоро сыновья в последние два года его жизни публично отвергали его династические планы. Что касается второго вывода, то сам же Д. Бёрджесс, по меткому замечанию Д. Вудса¹⁴⁵ («Нумизматические доказательства и наследование Константина I», 2011), признает слабое место своей гипотезы¹⁴⁶: плохая сохранность монет с изображением Далмация может быть связана также с тем, что после смерти он был предан проклятию памяти. Разумно и другое возражение Д. Вудса¹⁴⁷: золотые чеканки в честь старших сыновей могут быть связаны с их успехами в военных кампаниях, ведение которых было поручено им отцом.

«Решенная» исследователями проблема конечной цели династической политики Константина, тем не менее, оставила неразрешенным вопрос о том, почему сам император не произвел распределение полномочий внутри той самой тетрархической коллегии? Т.Д. Барнс связывает возникший после смерти императора «политический вакуум»¹⁴⁸ с тем, что Константин планировал решить вопрос организации династического правления во время персидского похода, который должен был состояться в 337 году, однако не состоялся по причине смерти самого императора 22 мая 337 года. Этот взгляд разделяет и Д. Поттер¹⁴⁹, полагая, что для династических планов Константина «был важен персидский поход». Однако это не дает ответа на вопрос, почему Константин все же не определился с выбором перед лицом той ситуации,

¹⁴⁵ Woods D. Numismatic Evidence and the Succession to Constantine I // Numismatic Chronicle. 2011. № 171. P. 190.

¹⁴⁶ Burgess R.W. The Summer of Blood... P. 13.

¹⁴⁷ Woods D. Numismatic Evidence... P. 190–191.

¹⁴⁸ Barnes T.D. Constantine: Dynasty... P. 165–167.

¹⁴⁹ Potter D.S. Constantine... P. 289.

которая сложилась. Важнейший наш источник – Евсевий – изображает императора умирающим в полном сознании. Между тем, исследователи упорно игнорируют этот факт, принимая распределение сфер влияния и титулов к 335 году как заверченный Константином план наследования. На наш взгляд, эта проблема требует углубленного рассмотрения, так как выбор наследника (наследников) был бы завершением всей династической политики Константина, и вряд ли император мог проявить столько нерешительности в этом вопросе (если только не принимать ультимативный тезис Т. Моммзена о «колеблющемся характере» Константина¹⁵⁰).

Интерес вызывают у новейших исследователей и сугубо генеалогические проблемы, благодаря решению которых удастся окончательно определить состав семьи Константина и, как следствие, очертить круг лиц, задействованных в династической политике императора. Знаковой работой является монография Ф. Шоссона «*Stemmata aurea*» (2007)¹⁵¹, которая содержит многочисленные вольные трактовки источников и смелые «редакции» родословных линий – А. Молиньер-Арбо в своей комплементарной рецензии¹⁵² особенно высоко оценивает «интеллектуальную дерзость» автора. Шоссон в своей работе вновь поднял вопрос о родстве Константина с Клавдием Готским¹⁵³, а также «исправил» структуру семьи самого императора. К примеру, на основании указания в одном из поздних писем Константина тещи императора и сообщения Юлиана

¹⁵⁰ Моммзен Т. Указ. соч. С. 509.

¹⁵¹ Chausson F. *Stemmata Aurea*. Roma, 2007.

¹⁵² Molinier-Arbo A. François Chausson, *Stemmata aurea*: Constantin, Justine, Théodose. Revendications généalogiques et idéologie impériale au IVe siècle ap. J.-C., 2007 [compte-rendu] // *L'Antiquité Classique*. 2009. № 78. P. 559–560.

¹⁵³ Этот вектор исследования имеет, кроме всего прочего, и источниковедческий аспект, так как в своей работе Ф. Шоссон полемизирует с устоявшимся мнением Г. Дессау о фиктивности родственной связи между семьей Константина и императором Клавдием Готским и о невозможности опираться на данные SHA.

о «многих женах» императора, Ф. Шоссон заявляет¹⁵⁴ о существовании у Константина третьей жены, которой он приписывает рождение дочери; существование этой дочери Константина – третью по счету – Ф. Шоссон обосновывает встречающимися в источниках именами «Констанция» и «Константи(а)на»¹⁵⁵, между тем как ранее исследователи¹⁵⁶ видели здесь путаницу в имени одного и того же человека. Против масштабных спекуляций Шоссона решительно выступил Т.Д. Барнс¹⁵⁷.

Отечественная историография по заявленной проблеме новейшего периода отметилась рядом важных работ. Проблемы династизма в политическом опыте Позднего Рима рассматриваются в статьях П.В. Рубцова, посвященных собственно династизму (2005) и представлениям о легитимности императорской власти¹⁵⁸ (2007). Интересна мысль исследователя¹⁵⁹ о том, что определенное влияние на тяготение Константина к династизму оказала тетрархическая модель Диоклетиана, который через браки младших соправителей привнес в свою меритократическую модель кровнородственный элемент. В своей статье о противостоянии Константина и Максенция (2016) И.Ю. Шабага, которой принадлежит первый полный и перевод на русский язык «Латинских панегириков», показывает в числе методов политической борьбы апелляцию к происхождению¹⁶⁰, что свидетельствует о значении для Константина династического фактора в рамках становления его единовластия.

¹⁵⁴ *Chausson F.* Op. cit. P. 107–116.

¹⁵⁵ *Ibid.* P. 115–116.

¹⁵⁶ Например – составители PLRE: Vol. I. P. 222: Constantina 2.

¹⁵⁷ *Barnes T.D.* Constantine: Dynasty... P. 150–152.

¹⁵⁸ *Рубцов П.В.* Представления о легитимности императорской власти в IV в. // Война и мир в истории Европы. Барнаул, 2007. С. 35–43.

¹⁵⁹ *Рубцов П.В.* К вопросу о династизме... С. 74.

¹⁶⁰ *Шабага И.Ю.* Константин и Максенций: методы политической борьбы // Труды кафедры древних языков. М., 2016. С. 188–192.

Подводя итоги нашего историографического обзора, мы должны констатировать слабую разработанность проблемы династической политики Константина Великого. Его стремление опираться в вопросах легитимации своей власти и власти своих преемников исключительно на кровнородственный элемент позволяет безусловно согласиться с тем, что Константин – жесткий династ¹⁶¹. Однако, хотя само понятие «династическая политика» и фигурирует в работах исследователей (особенно применительно к новейшему этапу), его четкое определение не дано. Изучением династической политики именуют либо рассмотрение отношений внутри семьи Константина, либо организации им принципов наследования. В этой связи нам представляется выделить следующие перспективные векторы развития научных исследований по заданной проблематике:

1) Признавая тяготение Константина к династическому принципу организации власти, необходимо уяснить причину такого тяготения – в виде конкретных факторов, которые могли повлиять на формирующиеся политические воззрения Константина Великого (особенно – опыт Диоклетиана и его соправителей; в частности – отца Константина, императора Констанция Хлора). Вряд ли допустимо, следуя опыту исследователей XVIII – XIX вв., воспринимать это тяготение, как нечто само собой разумеющееся и присущее «монархии».

2) Вопрос о связи между понятиями «династия» и «семья», а также участие членов семьи в династических конструкциях императора поднимает целый ряд вопросов, связанных с просопографическими и генеалогическими исследованиями. Наиболее серьезный вопрос – каким образом Константин, легитимируя свое положение через принцип династизма, определил положение своих братьев и сестер, чье положение статусно превосходило его положение.

¹⁶¹ Рубцов П.В. К вопросу о династизме... С. 76.

3) Наконец, важнейший вопрос – это принципы, которые были положены Константином в систему наследования. Безусловно то, что Константин инкорпорировал сыновей и племянников во властную вертикаль, наделяя их императорскими титулами. Из этого следует, что именно в них он видел своих преемников и, как следствие, продолжение своей династии. Как по его мысли династия должна была существовать после него? Вряд ли, вслед за Буркхардтом, допустимо предполагать в Константине трикстера, который намеренно «сравливал» своих преемников; вряд ли допустимо и навязывать, игнорируя или компилируя данные источников, Константину слепое следование тетрархической модели только на том основании, что он выделил четырех цезарей.

а) **Проблема хронологии эпохи Константина.** Рубеж III/IV вв. является достаточно бурной эпохой. Противоречивость источников поставила перед исследователями еще одну важную проблему – хронологическую последовательность событий. Не имея возможности специально останавливаться на этом моменте, тем не менее, считаем необходимым указать, на какие исследования мы опирались при указании дат. Ряд хронологических вопросов затронул в своих статьях в составе PWRE О. Зеек; позже этой проблемы касались составители PLRE и Т.Д. Барнс¹⁶². основополагающей новейшей работой для нас являлась монография Д. Кинаста¹⁶³, посвященная хронологии императорского Рима. Исследователем было привлечено большое количество источников (данные нумизматики, эпиграфики, а также сообщения нарративной традиции). Большое значение

¹⁶² Например: *Barnes T.D. Constantine and Eusebius. P. 277–279.*

¹⁶³ *Kienast D. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt, 2004.* Стоит отметить, что исследователь учитывает не только данные источников, но и новейшие хронологические реконструкции, не принимая, впрочем, их безоговорочно, но представляя их вниманию читателя.

имеют также хронологические экскурсы К. Сазерленда¹⁶⁴ и П. Брууна¹⁶⁵, включенные ими в предисловие к VI и VII томам RIC соответственно.

Таким образом, в вопросах хронологии опираемся, прежде всего, на эти работы. Обращения к другим исследованиям и к первоисточникам по вопросам датировки, а также спорные моменты в хронологии будут оговариваться в работе особо.

Положения, выносимые на защиту. Представленная работа является первым комплексным исследованием династической политики императора Константина Великого (306–337 гг.) как отдельного вектора его деятельности. В ходе исследования были выработаны следующие положения:

- при безусловном влиянии политического опыта тетрархии Диоклетиана на династические конструкции Константина Великого, последние являются не естественным продолжением или развитием тетрархического принципа организации власти, а ответом на его кризис и постепенную деградацию;
- крах тетрархии был обусловлен не «узурпациями» Константина и Максенция в 306 году, а непродуманным и запутанным принципом передачи власти, который был сформулирован императором Диоклетианом;
- между участниками первой тетрархии – Констанцием Хлором, отцом Константина, с одной стороны и Диоклетианом с прочими соправителями с другой – существовали противоречия, которые сподвигли Констанция к выдвижению своего сына в императоры;
- схема раздела сфер влияния в 335 году между сыновьями и племянниками не была итоговым решением Константина Великого и не может рассматриваться как его политическое завещание. Последнее, в свою очередь, не только не может быть реконструировано, но и, с большой долей вероятности, представляется никогда не существовавшим;

¹⁶⁴ *Sutherland C.H.V.* Introduction // RIC. Vol. VI. P. 9–10.

¹⁶⁵ *Bruun P.M.* General Introduction // RIC. Vol. VII. P. 26.

– Константин Великий не только не сформулировал итогового принципа передачи власти, но и отказался от него в виду невозможности определиться с фигурой наследника / наследников, нереализованного плана по переустройству Римского мира (по результатам планировавшегося персидского похода), а также по личным причинам;

– главной целью династической политики Константина Великого являлось обеспечение бессмертия (в идейно-политическом смысле) его собственной фигуре, которая была центральной внутри династических конструкций и на которой сходились линии предков и потомков.

Апробация исследования. Основные положения представленного диссертационного исследования содержатся в 9 публикациях автора, 6 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности «Всеобщая история» (07.00.03). Общий объем публикаций по теме – 5 п.л.

Кроме того, ряд положений был сформулирован в докладах автора на всероссийских и международных научных конференциях, в т.ч. на XIX и XX Сергеевских чтениях на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (2015; 2017 гг.); на XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (2014–2018 гг.); на XXI конференции «Индоевропейское языкознание и классическая филология» (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург; 2017 г.).

Работа была обсуждена на заседании кафедры Истории древнего мира МГУ имени М.В. Ломоносова и получила рекомендацию к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.03 – Всеобщая история).

Глава I. Истоки династической политики Константина Великого

Константин Великий стал императором в возрасте примерно 30 лет, т.е. уже зрелым человеком со сложившимся характером. Ранняя его биография восстанавливается по смутным данным¹⁶⁶, среди которых есть сообщение о пребывании его в юности при дворе Диоклетиана и Галерия. Евсевий, знакомя читателя со своим главным героем, пишет: «... он сидел во внутренних, принадлежавших тиранам (*императорам Диоклетиану и Галерию – И.М.*), покоях, и, однако же, несмотря на свою молодость, не унаследовал ничего свойственного нравам этих безбожников» (Vita Const. I.12). Оставляя в стороне затронутую Евсевием проблему нравственного воспитания, не можем не отметить того факта, что юность и молодость Константин провел при императорском дворе, где он, несомненно, должен был пройти определенную политическую школу. Потому справедливо будет рассматривать его политические мероприятия – в том числе и заявленную в качестве основной темы нашего исследования династическую политику – не в вакууме, а в контексте опыта предшествующего поколения правителей – императоров-тетрархов¹⁶⁷. Сосредоточим внимание на династических опытах внутри системы тетрархии и рассмотрим, какое влияние они имели на молодого императора – будущего Константина Великого.

§ 1. О принципах наследования внутри тетрархии Диоклетиана

Придя к власти после деградации императорской власти, наблюдавшейся в III веке, Диоклетиан естественным образом должен был поставить перед

¹⁶⁶ Остроумным кажется замечание Х. Брандта о том, что Константин по сути «родился» в 306 году, когда был провозглашен императором: *Brandt H. Op. cit. S. 28.*

¹⁶⁷ Это тем более важно в контексте устоявшейся точки зрения о том, что Константин был преемником и продолжателем многих начинаний Диоклетиана: *Сергеев В.С. Указ соч. Ч. II. С. 667; Неронова В.Д. Указ. соч. С. 308.*

собой задачу по построению прочной системы управления государством. Таковая система была им создана и, по количеству совместно правящих императоров, необходимых для ее нормального функционирования, получила в историографии наименование тетрархии. На ее детальном устройстве мы, разумеется, не имеем возможности останавливаться специально, так как тема эта, во-первых, широко освещена в научной литературе и, во-вторых, не связана напрямую с проблемой нашего исследования. Для нас же важно обратить внимание на венец всей этой системы – четверную императорскую коллегия. Власть оказалась сосредоточена в руках двух старших императоров – Диоклетиана и Максимиана Геркулия – с титулами августов (соправительство было оформлено в 286 году¹⁶⁸) и двух младших соправителей-наследников – Констанция Хлора и Галерия – с титулом цезарей (они были провозглашены в 293 году¹⁶⁹). Само по себе количество совместно правящих (т.е. не противоборствующих) императоров было беспрецедентно для римской истории. Современник тетрархии, Лактанций, с негодованием пишет, что «круг [земной] был разделен на четыре части» (*De mort. pers.* 7.1). Это следует трактовать как закрепление за каждым участником четверной коллегии определенной в территориальном смысле сферы влияния.

Оценивая саму тетрархию Диоклетиана через полстолетия после ее краха, император Юлиан уподобил управлявшую ей коллегия императоров «некому хору», центром (и руководителем) которого был Диоклетиан (*Caes.* 315b). Эта оценка находит параллели и у Аврелия Виктора, говорящего о почитании Диоклетиана его соправителями «как отца» (*De caes.* 39.29). Эти в целом положительные по своему тону замечания приводят нас, однако, к

¹⁶⁸ Kienast D. *Op. cit.* S. 272: 1 апреля 286 года (по данным *Consularia Constantinopolitana*); у Ф. Кольба приведены различные исследовательские датировки – от декабря 285 года до сентября 286 года: Kolb F. *Diokletian und die erste Tetrarchie. Improvisation oder Experiment in monarchischer Herrschaft?* Berlin, 1987. S. 24.

¹⁶⁹ Kienast D. *Op. cit.* S. 280; 283.

неутешительному выводу: залогом слаженной работы четырех соправителей было присутствие у власти самого Диоклетиана. Однако для функционирования тетрархии и превращения ее в систему в долгосрочной перспективе в ее основу должно было быть положено нечто большее, нежели личный авторитет Диоклетиана. В связи с этим резонен вопрос – на каких идейных основаниях стояла власть императоров-тетрархов и по какому принципу ее следовало передавать?

Важно отметить, что из историописателей, которые были бы современниками тетрархии и дали общий ее обзор, мы можем назвать лишь Лактанция и Евсевия¹⁷⁰. Однако указанные авторы, писавшие уже после краха тетрархии, не ставили себе задачей исследовать этот политический феномен. Более того, к Диоклетиану, будучи христианскими апологетами, они не могли питать никакого уважения в силу его религиозной политики. Не имея внятной повествовательной традиции, современной тетрархам, мы, вместе с тем, располагаем рядом панегириков в их честь. Эти источники, ввиду их официального характера, содержат идеологемы¹⁷¹, на которые нам следует обратить внимание в поисках ответа на поставленный вопрос.

¹⁷⁰ В. Кухофф отмечает в качестве базовых источников Аврелия Виктора, Евтропия, Лактанция и Евсевия, а также Латинские панегирики: *Kuhoff W. Aktuelle Perspektiven der Diokletian-Forshung // Diokletian und die Tetrarchie*. Berlin; New York, 2012. S. 14. Не можем не отметить, что первые два автора, несмотря на безусловную ценность сообщаемых ими сведений, все же писали о тетрархии ретроспективно, что и следует иметь в виду при обращении к их сведениям. В этой связи вряд ли возможно отдавать им преимущество по сравнению с современниками тетрархии – пусть и довольно предвзятыми. Б. Лидбеттер признает важнейшим источником трактат Лактанция (отмечая его оппозиционность тетрархии Диоклетиана и предвзятость): *Leadbetter B. Galerius and the Will of Diocletian*. London; New York, 2009. P. 7–12.

¹⁷¹ По верному замечанию М. фон Альбрехта, эти панегирики, хотя и не обладают «преимуществом достоверности», но передают дух самой эпохи: *Альбрехт М. фон*. Указ. соч. Т. III. С. 1570. Касательно латинских панегириков Б. Лидбеттер остроумно замечает, что они являются не тем материалом, который хотел услышать император-адресат

Панегирик, датируемый 291 годом, т.е. за два года до окончательного формирования тетрархической коллегии, содержит обращение к Диоклетиану и его соправителю, Максимино Геркулию, в котором отмечается, что императоров делают братьями «военные лагеря, сражения и равные победы». Пояснив «родственную связь», автор продолжает: «между вами существует обоюдное согласие <...>. Никто из вас не отдает предпочтения своему собственному характеру, но каждый хочет быть таким, как его брат» (Pan. Lat. III.7.6–7). «Верную дружбу» между соправителями отмечает и современник Лактанций (De mort. pers. 8.1), и писавший через полстолетия Аврелий Виктор (Максимиан был *fidus amicitia*, т.е. «верен дружбой», Диоклетиану – De caes. 39.17). Итак, в основе со-правительства Диоклетиана и Максимиана Геркулия, двух августов, лежали товарищеские (даже дружеские) отношения, основанные на совместной военной службе. Между товарищами существует согласие, которое обеспечивает совместное правление, а не соперничество. Обратим внимание, что понятия братства, дружбы и согласия находят параллели и в других типах источников. Во-первых, монеты, выходящие по всей территории империи, прославляют «согласие» (*concordia*) участников тетрархии¹⁷². Во-вторых, от эпохи тетрархии мы имеем два памятника (из Венеции и Рима¹⁷³), которые изображают императоров-тетрархов. Они представлены здесь без индивидуальных черт, объединенными взаимными объятиями, в которых Г.

конкретного панегирика, но тем, что должны были по желанию императора слышать другие люди: *Leadbetter B. Galerius...* P. 15–17. Таким образом, мы можем говорить о программном характере этих панегириков. Подробнее об этой проблеме: *Шабига И.Ю.* Слава, император! С. 56–99. Впрочем, нельзя отрицать и того факта, что некоторые программные установки панегириков являются отражением интересов тех социальных групп, чьими выразителями являются сами панегиристы.

¹⁷² RIC. Vol. VI. P. 698: данные индекса.

¹⁷³ *Сидорова Н.А.* Указ. соч. С. 89–90; *Kleiner D.E.E.* Op. cit. P. 401–405.

Хафнер¹⁷⁴ совершенно справедливо видит проявление «гармонии взглядов». Современник эпохи Лактанций отмечает, что основатели тетрархии «изображались по большей частью вместе» (*De mort. pers.* 42.1), что указывает на типовой характер дошедших до нас изображений и повсеместное их распространение на территории империи. Таким образом, идею внутреннего согласия на основе товарищеских отношений и во имя идеи разумного управления государством можно считать основополагающей идеологемой тетрархии¹⁷⁵.

Однако если сама идея согласия определяла отношения между императорами, то для существования во внешнем мире они нуждались в легитимации своей власти. Повествуя через полстолетия после краха тетрархии Аврелий Виктор сразу после сообщения о провозглашении Максимиана Геркулия отмечает, что ему «по причине поклонения божеству [Геркулесу] подошло прозвище Геркулий, равно как и Валерию [Диоклетиану] – Иовий» (*De caes.* 39.18). Итак, оба императора выбирают себе покровителей – Юпитера Диоклетиану и Геркулеса Максимиану. Однако в изложении Аврелия Виктора это обстоятельство представлено как довольно незатейливая иллюстрация личных предпочтений. Современник же тетрархов, панегирист 291 года, отмечает, что императоры «именами доказывают, что рождены богами» (*Pan. Lat.* III.2.4). Новые именованья императоров зафиксированы официальными источниками. Например, надпись из Рима сообщает о ремонте Элием Дионисием портика Помпея и посвящения его гениям «Иовия Августа» (*CIL VI.255 = ILS 622*) и «Геркулия Августа» (*CIL VI.256 = ILS 623*). Отметим, что эти божественные прозвища становятся эквивалентами личных имен императоров, а за Максимианом

¹⁷⁴ Хафнер Г. Выдающиеся портреты античности. М., 1984. С. 128. О родственности понятий «similitudo» и «concordia» в идеологии тетрархии: Brenk B. Mit was für Mitteln kann einem physisch Anonymen auctoritas verliehen werden? // *East and West: Modes of Communication*. Leiden, 1999. P. 145–147.

¹⁷⁵ Leadbetter B. *Galerius...* P. 65; 73.

прозвище Геркулий закрепилось даже в нарративной традиции. Конечно, выбор божества-покровителя не является чем-то новым для римской истории. Вероятно, именно поэтому Аврелий Виктор, писавший через полстолетия после краха тетрархии, не увидел в этом какого-то примечательного факта. Известно пристрастие, к примеру, Августа к образу Аполлона, и даже закрепившееся за ним, согласно данным Светония, шуточное прозвание «Аполлона-мучителя»¹⁷⁶ (Suet. Aug. 70.2). Но внутри идеологии тетрархии это покровительство играло более серьезную роль: императоры объявляют себя «рожденными богами». До них нечто подобное на мы встречаем у императора Аврелиана¹⁷⁷, монетная чеканка в честь которого из Сердики¹⁷⁸ именует его «*deus et dominus natus*». На наш взгляд, справедливо замечание С. Уильямса¹⁷⁹, полагавшего, что признание богов предками снимало сразу два вопроса: Диоклетиану и Максимиану Геркулию не нужно было ни декларировать свою связь с земной династией, ни связывать себя особыми отношениями с армейскими кругами, роль которых резко возросла в III веке. Отметим также и то, что божественное происхождение обуславливало меритократию внутри самой тетрархии Диоклетиана, так как потомком богов мог стать любой достойный и пригодный для управления государством человек независимо от происхождения¹⁸⁰ – как это было в ситуации с самим Диоклетианом¹⁸¹ и Максимианом Геркулием¹⁸².

¹⁷⁶ Об этом факте в контексте почитания императором Августом Аполлона: Лосев А. Ф. Античная мифология греков и римлян. М., 1996. С. 646–647.

¹⁷⁷ Watson A. Aurelian and the Third Century. London; New York, 1999. P. 187–188.

¹⁷⁸ RIC. Vol. V. Part. I. Aurelian. P. 299.

¹⁷⁹ Уильямс С. Указ. соч. С. 76.

¹⁸⁰ Т.Д. Барнс довольно удачно определяет императоров в данном контексте как «орудия богов»: Barnes T.D. Constantine and Eusebius. P. 11–12.

¹⁸¹ Относительно происхождения Диоклетиана есть различные сообщения, однако все они сводятся к тому, что он был выходцем из низов (сын писца или вольноотпущенника): PLRE. Vol. I. P. 253 – 254; C. Aur. Val. Diocletianus 2.

В свете этого логичен вопрос о принципе наследования внутри тетрархии Диоклетиана. В 289 году, т.е. еще за четыре года до окончательного формирования первого состава тетрархической коллегии, анонимный оратор после похвал Диоклетиану и Максимиану Геркулию упоминает «сына [Максимиана Геркулия], рожденного всеми дарованиями таланта» (Pan. Lat. II.14.1). Итак, оратор делает осторожную попытку обозначить в качестве наследника сына Максимиана Геркулия – малолетнего Максенция. Была ли это его личная инициатива или отражение некой официальной установки? Предположить второе довольно затруднительно, так как один Максенций вряд ли мог рассматриваться как наследник сразу двух императоров¹⁸³. Ни нумизматика, ни эпиграфические источники не фиксируют применительно к этому моменту никакой попытки утвердить Максенция в качестве наследника. Вероятно, что сам по себе механизм наследования еще не был разработан, и оратор решил выразить свое мнение. Отметим также, что выступал оратор на территории, контролируемой Максимианом Геркулием (в

¹⁸² Относительно Максимиана Геркулия мы имеем уникальное свидетельство из официального источника – опять же панегирика. Оратор отмечает, что детство этого выходца из Паннонии прошло под «грохот оружия» (Pan. Lat. II.2.2–5). Отсюда следует, что Максимиан Геркулий происходил из варварской периферии. Сведения источников: PLRE. Vol. I. P. 573–574; M. Aur. Val. Maximianus signo Herculus 8.

¹⁸³ Ф. Кольб полагает, что панегирик является отражением мнения самого Максимиана Геркулия о принадлежности его сына к *domus divina*, что в дальнейшей перспективе могло подкрепить претензию на власть: *Kolb F. Op. cit. S. 140*. Это замечание представляется возможным, тем более что панегирик произносился на территории Максимиана Геркулия (в Августе Треверов) и в его присутствии: *Шабига И.Ю. Слався, император! С. 119*. Впрочем, на наш взгляд, мы не можем видеть здесь официальной установки, так как в дальнейшем Максимиан Геркулий ни разу не обнаружит попытки возвести своего сына в императорское достоинство и, более того, будет с ним соперничать. По мнению Моммзена, Максимиан Геркулий и вовсе был лишен политической воли: *Моммзен Т. Указ. соч. С. 464*.

Августе Треверов¹⁸⁴), то есть здесь мы можем увидеть лесть в отношении его отцовских чувств. Однако выше мы уже говорили о значении Диоклетиана в тетрархальной коллегии, потому, разумеется, решающее слово оставалось за ним. В 293 году титул цезарей получили Констанций Хлор и Галерий. Панегирика по случаю нового провозглашения у нас нет. Евтропий отметет, что причиной привлечения Диоклетианом к власти соправителей была внутренняя нестабильность: «по всему кругу земному было беспокойно» (Brev. IX.22.1). С этим согласен и Аврелия Виктор, который предпосылает сообщению о провозглашении цезарей небольшой экскурс по ситуации в государстве и на его границах (De caes. 39.19–24). Б. Лидбеттер¹⁸⁵ подчеркивает, что многие перечисляемые авторами признаки кризиса в 293 году еще не произошли, а ситуация с узурпацией в Британии складывалась «успешно», так как узурпатор Караузий был убит Аллектом, человеком из своего же окружения. Но это не отменяет того факта, что Диоклетиан мог оценивать ситуацию в целом. Кроме того, смена Караузия Аллектом еще не означала окончательного устранения узурпации.

Итак, к власти в качестве второго поколения правителей, в обход юного Максенция, были привлечены взрослые и состоявшиеся люди, которые завершили формирование четверной императорской коллегии. Аврелий Виктор, перечисляя совместно правящих императоров, пишет: «Их (*m.e. тетрархов – И.М.*) согласие лучше всего доказало, что природная склонность к доблести и военный опыт, который они получили при Аврелиане и Пробе, вполне достаточен [для управления государством]» (De caes. 39.28). Диоклетиана и Констанция Хлора в числе вышедших из полководческой «школы» императора Проба упоминает его биограф из числа SHA (SHA Prob. 22.3). На основании этих сообщений мы можем сделать вывод, что Диоклетиан, сообразуясь с обстановкой в государстве, сделал

¹⁸⁴ Шаблага И.Ю. Славься, император! С. 119.

¹⁸⁵ Leadbetter B. Galerius... P. 64–65.

выбор в пользу умелых полководцев – в обход родственников¹⁸⁶. Надпись этого периода освещает расширенный состав императорской коллегии: «Геркулесу Августу – Иовий [[и Геркулий]] августы и Геркулий и Иовий знатнейшие цезари» (CIL III.12310 = ILS 634). Таким образом, Констанций Хлор и Галерий так же, как и старшее поколение императоров, получили «божественное» происхождение. Монетные чеканки прославляют «здравствующих августов и цезарей»¹⁸⁷. Итак, мы видим формирование «божественных династий» (Иовиев и Геркулиев), правящих совместно по принципу взаимного согласия. Как уже было сказано, упомянутые выше памятники, изображающие четырех тетрархов во взаимных дружеских объятиях, являются ярким подтверждением этой идеи согласия.

В надписях Диоклетиан неоднократно титулуется «*providentissimus*», т.е. наиболее прозорливый, предусмотрительный¹⁸⁸ (CIL III.5810 = ILS 618; CIL III.7069; VI.36945; совместно с Максимианом: VI.1242 = ILS 5894; CIL VI.40716). Через полстолетия после смерти Диоклетиана Евтропий с некоторой иронией отметил его «подозрительное благоразумие» (*suspecta prudentia* – Brev. X.1.3). Можем предположить, что Диоклетиан гордился своей предусмотрительностью, и от его предусмотрительного взгляда, конечно, не могла укрыться хрупкость всей его системы, основанной на идеальных представлениях. Обращает на себя внимание, что вместе с

¹⁸⁶ Впрочем, традиция не фиксирует родственников Диоклетиана, которые могли бы рассматриваться как потенциальные претенденты на власть. Мы знаем только его дочь Валерию: PLRE. Vol. I. P. 937: *Galeria Valeria*. Этот фактор, как важнейший для понимания династических конструкций Диоклетиана: *Southern P. The Roman Empire from Severus to Constantine*. London; New York, 2001. P. 136–137.

¹⁸⁷ RIC. Vol. VI. Carthago. P. 428.

¹⁸⁸ Титул этот присваивался многим императорам в период со II по IV вв.; греческий эквивалент его встречается один раз, применительно к Диоклетиану и Максимиану Геркулию: *Davenport C. Imperial Ideology and Commemorative Culture in the Eastern Roman Empire, 284-450 CE // Byzantium, Its Neighbours and Its Cultures*. Leiden, 2017. P. 55.

титолом цезаря Констанций Хлор получает в жены дочь (падчерицу)¹⁸⁹ Максимиана Геркулия, а Галерий – Диоклетиана; по мнению Евтропия оба брака Диоклетиан предпринял, чтобы «связать родством по браку» новых соучастников власти (Brev. 22.1). Очевидно, этот шаг должен был упрочить императорскую коллегию¹⁹⁰, связать ее членов, подкрепив несколько абстрактную идею согласия вполне конкретными родственными взаимоотношениями. Насколько целесообразно было это привнесение родственных элементов в систему тетрархии? Оба цезаря к этому моменту уже состояли в браке, причем Констанций для брака с дочерью (падчерицей) Максимиана Геркулия оставил жену (Елену), родившую ему сына (Константина). В браках у цезарей должны были родиться дети – в конечном итоге Констанций от второй жены имел трех сыновей. Каково должно было быть их место в династических схемах тетрархии? И каково было будущее сына Максимиана Геркулия, Максенция? Браки цезарей являют собой не только нелогичность¹⁹¹ в построении Диоклетиана, но и обнаруживают определенные угрозы для самой тетрархии. По сути, тетрархия оставалась

¹⁸⁹ PLRE. Vol. I. P. 895: Theodora I. Признание ее падчерицей Максимиана Геркулия преобладает среди исследователей, однако не имеет безусловного характера. Т.Д. Барнс отказывается от категоричного выбора: Barnes T.D. Constantine: Dynasty... P. 38–39. Для нас, впрочем, вопрос этот не столь принципиален.

¹⁹⁰ Традиционная датировка брака – 293 год, т.е. брак синхронизирован с провозглашением цезарей. Впрочем, исследователями предполагается более ранняя датировка (289 год): Leadbetter B. The Illegitimacy.... P. 75–77; Kienast D. Op. cit. S. 281. Б. Лидбеттера, скептически настроенного к объяснению возвышения цезарей через кризисную ситуацию в империи (Евтропий, Аврелий Виктор), это приводит к мысли, что именно брак (т.е. повышение статуса) стало причиной оформления коллегии цезарей (чтобы зятья получили гарантированный ранг): Leadbetter B. Galerius... P. 65. На наш взгляд, это довольно спорное замечание.

¹⁹¹ Об цезаря, таким образом, одновременно являлись «сыновьями» (в рамках династических усыновлений) и зятьями стоящих над ними августов, заявлявших о своем «братстве»: Sutherland C.H.V. Op. cit. P. 9–10.

меритократической системой, где «наилучших» определяли в качестве наследников, легитимируя их положение не только через включение в семью «Иовиев» или «Геркулиев», но и через брак с дочерью старшего императора, августа. Судьба императорских сыновей Диоклетианом предусмотрена не была. Показательно, что, когда Диоклетиан собрался отойти от власти и призвал к тому же своего соправителя Максимиана Геркулия, тот, по выражению Евтропия, последовал этому примеру «неохотно» (Brev. IX.27.2). Это подтверждает не только Аврелий Виктор (De caes. 39.48), но и дальнейшие попытки Геркулия вернуться к власти в период гражданских войн (307–310 гг.). Если сам Диоклетиан в вопросах политических концепций проявил себя больше идеалистом, то таковыми не были его соправители. Иными словами, в тетрархии Диоклетианом были заложены механизмы ее разрушения, а сама императорская коллегия представляет скорее конкретный ответ на текущую ситуацию в государстве, чем собственно организованную систему власти с каким-либо политическим будущим¹⁹². Перейдем, однако, к рассмотрению, как решили вопрос передачи власти наследники Диоклетиана.

§ 2. Второе поколение тетрархов и принцип династизма

Диоклетиан отрекся от власти 1 мая 305 года¹⁹³. Четкого понимания причин отречения у исследователей, — опирающихся на противоречивые данные нарративной традиции, — нет¹⁹⁴, однако синхронизированное с

¹⁹² Показательно мнение Аврелия Виктора, считавшего, что Диоклетиан отошел от власти, когда «обнаружил, что судьбой готовятся внутренние усобицы и словно бы крах Римскому государству» (De caes. 39.48). Хотя автор и восхищается Диоклетианом, его замечание несколько анекдотично, так как изображает императора отступившим перед трудностями (в лице строптивых соправителей), созданными им самим.

¹⁹³ Kienast D. Op. cit. S. 267.

¹⁹⁴ Leadbetter B. Galerius... P. 135–140.

отречением Диоклетиана отречение Максимиана Геркулия придает этому шагу характер определенной закономерности. Очевидно, что императорская коллегия, по задумке Диоклетиана, должна была подвергаться ротации. Античная традиция хвалит Диоклетиана за этот жест¹⁹⁵, который был новым для истории римских императоров. Однако каково было влияние этого жеста на созданную им колледию; как «хор» императоров функционировал без своего руководителя?

С уходом Диоклетиана и, как следствие, Максимиана Геркулия их места заняли цезари – Констанций Хлор и Галерий, на прежнее место которых, в свою очередь, были выбраны новые лица. Ближайший к описываемым событиям автор, информирующий нас о процессе выработки этого решения, – Лактанций, который представляет вниманию читателя доверительную беседу Диоклетиана и Галерия незадолго до отречения первого. В уста Диоклетиану автор вкладывает слова: «Необходимо, чтобы [цезарями] были провозглашены их (*т.е. Максимиана Геркулия и Констанция Хлора*) сыновья (*т.е. Максенций и Константин*)» (De mort. pers. 18.7). Однако под давлением Галерия выбор падает на протеже Галерия – Флавия Севера, которого Диоклетиан в указанном диалоге характеризует как «танцора и пьяницу» (De mort. pers. 18.12), и Максимиана Дазу¹⁹⁶, «свойственника» Галерия (De mort. pers. 18.14), которого сам Лактанций называет «молодым полуварваром» (De mort. pers. 18.13), «вышедшим от скота и лесов» (De mort. pers. 19.6).

¹⁹⁵ Об этом: Гиббон Э. Указ. соч. Т. 1. С. 568–569; Князький И.О. Император Диоклетиан и заказ античного мира. СПб., 2010. С. 111–112.

¹⁹⁶ Лактанций называет имя этого персонажа как Daia; эта форма широко принята в исследовательской среде: Seeck O. Daia // PWRE. Bd. IV/8. Sp. 1986–1990; PLRE. Vol. I. P. 579; Galerius Valerius Maximinus Daia. К. Макей, однако, в своей небольшой заметке весьма убедительно доказывает ошибочность передачи этого варварского имени и отстаивает форму Daza: Mackay C.S. Lactantius and the Succession of Diocletian // Classical Philology. 1999. Vol. 94. № 2. P. 207–209. Принимаем эту форму, тем более что она широко распространена в русскоязычной литературе: Сергеев В.С. Указ. соч. Ч. II. С. 668; Шаблага И.Ю. Славься, император! С. 88.

Исследователю следует воспринимать беседу двух императоров, красочно описанную Лактанцием в лицах, с осторожностью, так как сама по себе форма диалога должна подразумевать, что автор либо в точности передавал то, что лично услышал, либо прибег к литературным средствам¹⁹⁷. Предполагать первое невозможно по той причине, что доверительная беседа на высшем уровне столь большого значения вряд ли могла стать достоянием придворного преподавателя риторики. Нелишним будет отметить, что и объединение Максенция и Константина в пару (как потенциальных наследников) характерно для концепции Лактанция по противопоставлению этих личностей¹⁹⁸, которое прослеживается через весь его труд. Никакой другой источник не подтверждает это гипотетическое намерение Диоклетиана. Некоторой зацепкой может быть ситуация с браками двух императорских сыновей. Известно, что Максенций был женат на дочери Галерия, Валерии Максимилле¹⁹⁹. Что касается Константина, то, прославляя в панегирике его женитьбу на Фаусте, дочери Максимиана Геркулия, в 307 году анонимный оратор сообщает о факте их помолвки чуть ли не в детстве²⁰⁰ (Pan. Lat. 6.6.2). Однако в целом это может восприниматься как определенная попытка «зацементировать»²⁰¹ связи между участниками императорской коллегии на текущий момент – без выдвижения сыновей в дальнейшей перспективе. Помолвка Константина и вовсе вызывает сомнение,

¹⁹⁷ Еще Гиббон считал этот диалог литературным вымыслом: *Гиббон Э.* Указ. соч. Т. 1. С. 586; 629, прим. 4; *Буркхардт Я.* Указ. соч. С. 39.

¹⁹⁸ О противостоянии Константина и Максенция: *Тюленев В.М.* Лактанций... С. 168; *Шабига И.Ю.* Константин и Максенций... С. 178–179.

¹⁹⁹ PLRE. Vol. I. P. 576: Valeria Maximilla 2. Время их брака неизвестно, но Лактанций уже применительно к 304–305 гг. называет Максенция зятем Галерия (De mort. pers. 18.9).

²⁰⁰ Панегирист сообщает, что факт помолвки зафиксирован на картине, представленной в Аквилейском дворце, которой он, однако не видел, но о которой слышал (ut audio – Pan. Lat. 6.6.2). Пересказ сюжета картины, о которой автор знает понаслышке, вызывает сомнения в правдивости сообщаемых им сведений.

²⁰¹ *Leadbetter B.* Galerius... P. 67.

так как до 307 года никаких сведений²⁰² о ней нет. В целом же, слабое упоминание Максенция в панегирике 289 года и полное отсутствие упоминаний о Константине на официальном уровне²⁰³ только убеждают нас в том, что после формирования тетрархической коллегии эти императорские сыновья оказались несколько за пределами императорских линий.

Гораздо важнее обратить внимание на то обстоятельство, что цезарями становятся протеже Галерия²⁰⁴, один из которых был его родственником: Лактанций говорит о свойстве Галерия и Максимиана Дазы (т.е. родстве через брак), Аврелий Виктор считает второго сыном сестры первого (*De caes.* 40.1). В этом проявляется некоторая деградация тетрархии Диоклетиана: в коллегию, основанную на согласии, вносится кровнородственный элемент.

Полный состав новой императорской коллегии демонстрирует эпиграфический источник – надпись из терм Диоклетиана в Риме (CIL VI.1130 = ILS 646). Отрекшиеся Диоклетиан и Максимиан Геркулий названы

²⁰² В 350-ые гг., произнося панегирик в честь своего кузена Констанция II, Юлиан отметит, что брак его родителей (Константина и Фаусты) был согласован между Максимианом Геркулием, отцом невесты, и Констанцием Хлором, отцом жениха (*Iul., Orat.* I.7 d). Однако это свидетельство очевидно позднее. К тому же следует учитывать, что Юлиан обращался к Констанцию, для которого факт статусной помолвки брака его родителей мог иметь важную роль. Т.Д. Барнс считает помолвку анахронизмом: *Barnes T.D. Constantine: Dynasty...* P. 56. Й.В. Дрейверс остроумно замечает, что в случае помолвки оскорбительными по отношению к невесте (Фаусте) и тестю (Максимиану Геркулию) выглядят отношения, в которых Константин состоял до брака и от которых имел сына Криспа: *Drijvers J.W. Flavia Maxima Fausta...* P. 502.

²⁰³ Кольб скептически оценивает шансы Константина получить императорский титул ввиду его «незаконного» происхождения: *Kolb F. Op. cit.* S. 139. Однако еще Моммзен подчеркнул, что никто из тетрархов не относился к Константину, как к «нежданному гостю», а само понятие «незаконности» в отношении императорских детей не может быть применено в силу господства императора над правом: *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 489.

²⁰⁴ Возможно согласиться с мнением Гиббона и, опять же, Моммзена, которые считали, что решение о выборе новых цезарей было отдано на откуп Галерии: *Гиббон Э.* Указ. соч. Т. I. С. 586–587; *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 488–489.

здесь «старшими (*seniores*) августами, отцами августов и цезарей»; затем указаны «господа наши Констанций и Максимиан (*m.e. Галерий – И.М.*) непобедимые августы, [[Север]] и Максимин знатнейшие цезари». Надпись эта указывает формальное старшинство Констанция Хлора в рамках правящей коллегии тетрархов²⁰⁵. Однако как проявил себя Констанций при перераспределении власти в мае 305 года? Источники первой половины IV века (Евсевий, Праксагор, Аноним Вalezия) не фиксируют никакой его активности по этому поводу; лишь у Евтропия сообщается, что сфера влияния Констанция включала «Галлию, Италию и Африку», однако он, «довольный достоинством августа, отказался от заботы по управлению Италией и Африкой» (*Brev. X.1.1–2*). Очевидно, что эти слова следует понимать в том смысле, что с титулом августа Констанций Хлор получал полный контроль над западом Римской империи, однако предпочел остаться в Галлии, где он и находился с 293 года. Источники не фиксируют его пребывания в Африке ни до, ни после 305 года²⁰⁶; что касается Италии, то Аноним Вalezия прямо указывает на ее нахождение под контролем Севера (*Origo 2.4*), что подтверждает и Зосим (*Hist. Nov. II.8.1*). Таким образом, сообщение Евтропия заслуживает доверия. Итак, Констанций, как кажется на первый взгляд, обнаружил удивительную пассивность, которую, в принципе, можно было бы объяснить его верностью системе Диоклетиана. Однако уже через год, 25 июля 306 года, при поддержке армии умирающего (или уже умершего) Констанция императором будет провозглашен его сын, Константин. Провозглашение это положит начало продолжительному

²⁰⁵ Это старшинство подтверждает и Евсевий (*Vita Const. I.18*). Моммзен полагал, что причиной формального старшинства Констанция была возможность обособления Галлии, где он правил: Моммзен Т. Указ. соч. С. 488–489. К. Сазерленд полагает, что старшинство Констанция восходит еще к 293 году, так как его провозглашение состоялось раньше (с разницей в несколько месяцев), чем провозглашения Галерия: Sutherland C.H.V. *Op. cit.* P. 9. Рассмотрим этот момент в своем месте.

²⁰⁶ Хронология деятельности Констанция Хлора: Kienast D. *Op. cit.* S. 280.

политическому кризису. Степень участия Констанция в этом провозглашении нам представляется правильным рассмотреть особо.

Самый ранний биограф Константина – его современник Лактанций – отмечает, что его герой провел свою юность при дворе Диоклетиана и Галерия. Если первый утвердил его в звании «трибуна первого порядка» (*De mort. pers.* 18.10), то второй подвергал различным издевательствам, включая травлю зверями (*Ibid.* 24.4). Военная карьера Константина подтверждается Евсевием, который упоминает его в свите Диоклетиана во время его восточного похода (*Vita Const.* I.19), а также Анонимом Вalezия, который даже сообщает два анекдота из времен военной службы «храбро сражавшегося» Константина (*Origo* 2.2–3). Что касается звериной травли, то следы этого анекдота мы находим у Праксагора (*FHG: Vol. IV*, р. 1) и в позднейшей византийской традиции²⁰⁷. Само пребывание Константина при восточном дворе, в то время как его отец находился в Галлии, довольно примечательно. Какая была в этом необходимость? Праксагор отмечает, что «Константин был отправлен отцом к Диоклетиану в Никомедию для обучения» (*FHG: Vol. IV*, р. 1), однако вряд ли можно предполагать, что двор Диоклетиана и Галерия был самым выдающимся центром образования этого времени²⁰⁸. Первый автор, который прямо говорит о цели пребывания Константина здесь – Аноним Вalezия, называющий его «заложником при

²⁰⁷ На наш взгляд, от этого сообщения нельзя отмахиваться, как от простого анекдота. Об этом – наша статья: *Миролюбов И. А.* Константин Великий в клетке со зверем. С. 571–579. Неприятие Галерия к Константину подтверждает и Феофан, который прямо указывает, что первый испытывал зависть и страх в отношении последнего (*Theoph. Chron.* А.М. 5793).

²⁰⁸ Впрочем, Н. Ленски видит в этом обучении большой плюс для Константина от возвышения его отца: *Lenski N.* The Reign of Constantine // *The Cambridge Companion*. Р. 59. Считается, что Константин учился у преподававшего в Никомедии Лактанция: *Альбрехт М. фон.* Указ. соч. Т. III. С. 1732. Нельзя не согласиться с тем, что Константин превосходил уровнем образования многих императоров-современников. Подробнее об образовании Константина: *Миролюбов И. А.* Об образовании императора Константина Великого // *Аристей.* 2016. Т. 13. С. 90–95.

Диоклетиане и Галерии» (*obses – Origo 2.2*). То же самое, но применительно только ко времени самостоятельного правления Галерия (с 1 мая 305 года), мы встречаем у Аврелия Виктора (*Caes. 40.2*) и Псевдо-Аврелия Виктора (*Epitome de caes. 41.2*). Некоторые современные исследователи – например, Т.Д. Барнс и С. Уильямс²⁰⁹ – относятся к этим сведениям с некоторой долей скепсиса. Сразу оговоримся, что в данном случае исследователи отвергают нарративную традицию несколько ультимативно. Попробуем понять, насколько можно принять их мнение.

Подтвердить или опровергнуть статус Константина в качестве заложника мы можем на основании рассмотрения положения другого императорского сына – Максенция. В нашем распоряжении имеется надпись, обнаруженная в четырнадцати милях по Лабиканской дороге от Рима, которая содержит посвящение Максенцию от имени его сына, Валерия Ромула: «Господину отцу, Марку Валерию Максенцию, славнейшему мужу...» (*CIL XIV.2825 = ILS 666*²¹⁰). Надпись не содержит императорских титулов, что дает возможность датировать ее до 28 октября 306 года²¹¹, когда Максенций был провозглашен императором. Однако в таком случае из надписи следует, что до 306 года Максенций носил титул, присущий сенаторам. Место обнаружения надписи также примечательно: Евтропий сообщает, что Максенций по ситуации на октябрь 306 года жил «недалеко от Города на государственной вилле» (*Brev. X.2.3*); Псевдо-Аврелий Виктор помещает эту виллу «в шести милях от Города, по Лабиканской дороге» (*Epitome de caes.*

²⁰⁹ Барнс полагает, что сообщение это восходит к самому Константину, который стремился таким образом отмежеваться от своих связей с тетрархами: *Barnes T.D. Constantine: Dynasty...* P. 54; С. Уильямс категорически не согласен с тем, что Константин был заложником: *Уильямс С. Указ. соч. С. 266*.

²¹⁰ Точно такая же надпись адресована матери Ромула и супруге Максенция, Валерии Максимилле. К ней применен титул *nobilissima femina*, обычный для женщины императорской фамилии (*CIL XIV.2826 = ILS 667*).

²¹¹ *Kienast D. Op. cit. S. 291.*

40.2). Таким образом, сын Максимиана Геркулия по ситуации на 305–306 гг. вел вполне респектабельный образ жизни в Италии близ Рима²¹². Мог ли он быть заложником до этого? По такой логике ему, сыну западного августа, следовало находиться на востоке. Однако Лактанций, подробно рассказывающий о пребывании Константина при восточном дворе и бегстве оттуда, ничего подобного не сообщает о Максенции. Нет никаких данных такого рода и у других авторов. Из этого следует, что правила тетрархии не предусматривали практики брать сыновей участвующих в коллегии императоров в заложники, и ситуация с Константином, описанная в источниках, была уникальна. Можно было бы предположить, что положение Константина и Максенция до некоторой степени было равно, так как, в то время как второй вел жизнь частного лица, первый с честью проходил военную службу²¹³. Однако примем во внимание важное обстоятельство: в 306 году мы застаем Максенция, женатого на дочери тетрархического императора, живущим на вилле в Италии, между тем как Константин вынужден добираться до своего отца как беглец. Попробуем понять положение Константина, опираясь на традицию о нем и его отце.

Из сообщения Праксагора о посылке Константина отцом к Диоклетиану в Никомедию «для обучения» следует, что Константин был отправлен туда юным (в 293 году ему должно было быть около 20 лет²¹⁴). Если допустить,

²¹² Т.Д. Барнс полагает, что Максений «занял стратегическую позицию»: *Barnes T.D. Constantine and Eusebius*. Р. 27. Однако это мнение должно основываться на четком понимании того, что Максений заселился на виллу около 305 года и готовился к провозглашению. Наши источники не дают нам таких данных.

²¹³ Это – основной аргумент С. Уильямса: *Уильямс С.* Указ. соч. С. 266.

²¹⁴ Дата рождения Константина представляет собой сложную исследовательскую задачу. Мы знаем, что он родился 20 февраля неизвестного года. Источники несколько невнятно сообщают, что на момент смерти ему было 60 с лишним (опять же, единой точки зрения нет) лет. В этом случае, во время прихода к власти ему должно было быть за тридцать. Таким образом, год рождения должен был прийтись на первую половину 270-ых гг., однако панегирики представляют Константина чуть ли не юношей. Обзор сообщений

что он был отправлен в заложники, то вряд ли можно предполагать, что его удержание было мерой, направленной против него самого – Диоклетиан не мог опасаться двадцатилетнего юноши. Представляется, что эта мера (все еще допуская ее) была применена к его отцу, Констанцию Хлору, который должен был, в виду удержания его сына в заложниках, поддерживать идею тетрархического согласия. Поскольку ни в отношении Максимиана Геркулия, ни в отношении Галерия (у которого был от наложницы сын Кандидиан²¹⁵) такая мера применена не была, то нам следует лучше разобраться с положением самого Констанция внутри тетрархии.

Выше мы уже выяснили, что тетрархи были выходцами из военной школы времен императоров Аврелиана и Проба. Однако прохождение военной службы в одно время не является гарантией их товарищеских отношений. Что касается совместной службы Диоклетиана и Максимиана Геркулия, то она, подтверждаемая сообщениями источников, являлась одной из официально заявленных идеологией. Карьера Галерия нам неясна в виду отсутствия источников²¹⁶. Карьера Констанция представляет особый интерес, так как она зафиксирована достаточно (в сравнении с данными о других

источников: *Schmitt O.* Op. cit. S. 84–86. О. Зеек полагал, что Константин родился в 288 году: *Seeck O.* Geschichte des Untergangs... Bd. I. P. 47; *Benjamin C.* Constantinus (2). Sp. 1014. На основании сообщений большинства источников о возрасте Константина на момент смерти в районе 60 с лишним лет, мы склоняемся к более ранней датировке (в районе 270–275 гг.), которая принимается рядом исследователей: PLRE. Vol. I. P. 223–224; Fl. Val. Constantinus 4; *Lenski N.* The Reign of Constantine. P. 59; *Kienast D.* Op. cit. S. 298; *Odahl Ch.M.* Op. cit. P. 15–16; *Barnes T.D.* Constantine: Dynasty... P. 2–3.

²¹⁵ По логике вещей, если бы взятие сыновей в заложники было системой, этот сын Галерия должен был бы переехать к Констанцию Хлору. Сведения о нем сохранились только у Лактанция: PLRE. Vol. I. P. 178: Candidianus 1.

²¹⁶ Кроме службы при Аврелиане и Пробе нам ничего неизвестно о карьере Галерия до 293 года: PLRE. Vol. I. P. 574–575: C. Galerius Valerius Maximianus 9; *Kienast D.* Op. cit. S. 283.

тетрархах²¹⁷) подробно. Важнейший наш источник – Аноним Вalezия, который сообщает, что Констанций Хлор был «вначале протектором, затем трибуном, а после – президом Далмации» (Origo 1.1). Особого внимания заслуживает последняя должность²¹⁸, так как она – сугубо административная. Ни Максимиан Геркулий, ни Галерий такой позицией в своем послужном списке, насколько мы знаем, не располагали. Относительно Диоклетиана имеется позднее сообщение Иоанна Зонары – он назван здесь «дуксом (δοῦξ) Мёзии» (Zon. Epit. hist. XII.31, col. 1081), однако это звание опять же относится к военной администрации. Один из SHA датирует наместничество Констанция правлением императора Кара (282–283 гг.) и пишет по этому поводу следующее: «Он (*император Кар – И.М.*) решил определить Констанция, провозглашенного впоследствии цезарем, а тогда бывшего наместником (praeses) Далмации, на его (*своего сына и наследника Карина – И.М.*) место, так как не было тогда человека лучше» (SHA Car., Carin. et Num. 17.6). Итак, автор изображает Констанция влиятельным членом администрации императора Кара, пользовавшегося его доверием. Сведения автора из числа SHA не могут приниматься к сведению безоговорочно, однако фиксация должности Констанция в другом источнике все же может служить некоторой гарантией того, что мы имеем дело не с абсолютной выдумкой²¹⁹. Д. Поттер, опираясь на эти данные, полагает²²⁰, что Констанций

²¹⁷ Если не считать сатирического пассажа Лактанция о карьере Максимиана Дазы, которую он сделал едва ли не в несколько дней (De mort. pers. 19.6). Подробнее о карьере Дазы: Christensen T. C. Galerius Valerius Maximinus: Studies in the Politics and Religion of the Roman Empire AD 305–313. København, 2012. P. 14–16.

²¹⁸ Подтверждение этой должности в послужном списке Констанция Хлора дает надпись, опубликованная еще в 1882 году (CIL III.9860), однако подлинник ее обнаружен не был; этот источник считался фальсификацией еще в конце XIX века. Убедительный разбор причин так считать дает Т. Барнс: Barnes T.D. Constantine: Dynasty... P. 28–30.

²¹⁹ Р. Сайм столь скептичен по отношению к SHA, что даже подтверждение данных о наместничестве Констанция в Далмации Анонимом Вalezия приводят его к сдержанному

– представитель администрации императора Кара – в 285 году перешел от его сына, Карина, на сторону Диоклетиана, чем и объясняется его дальнейшее возвышение. Подобная реконструкция нуждается в подтверждении источниками, которых, однако, у нас нет. Взаимоотношение же Констанция с прочими тетрархами, в том числе и со старшим поколением правителей – Диоклетианом и Максимианом Геркулием, может быть понято лишь через призму его деятельности, которую нам и представляется рассмотреть. Поскольку правление Констанция не является собственно темой нашего исследования, то обратимся к этому вопросу в первом приближении, достаточном для понимания стилистики правления Констанция.

Сразу после провозглашения цезарем 1 марта 293 года Констанций начинает военную экспедицию в Британию, целью которой было устранение сепаратистского движения в Британии, подавление которого не удалось до этого Максимиану Геркулию. Этой победе²²¹ Констанция Хлора, завершившей процесс восстановления единства Римской империи после кризиса III века, был посвящен специальный панегирик (Pan. Lat. 4). Даже если допустить, что непосредственно на Констанции лежало не само ведение операции, а общее ею руководство²²², мы должны признать, что поручение этого проблемного региона именно ему со стороны Диоклетиана и Максимиана Геркулия имеет большое значение и свидетельствует о его организационных способностях, которые могли быть применены и при обороне сложного Рейнского рубежа.

Однако кроме вопросов войны, Констанций вел и внутреннюю политику. По сообщениям Евсевия (Vita Const. I.14) и Евтропия (Brev. X.1.2)

замечанию, что оно «могло быть»: Syme R. Op. cit. P. 73. На наш взгляд, это пример довольно произвольного обращения с источником.

²²⁰ Potter D.S. The Roman Empire at Bay AD 180–395. London–New York, 2004. P. 280.

²²¹ О самой кампании: Уильямс С. Указ. соч. С. 93–98.

²²² Принято считать, что большую роль в покорении Британии сыграл префект претория Асклепидот: PLRE. Vol. I. Op. cit. P. 115–116: Iulius Asclepidotus 3.

Констанций придерживался принципа – чтобы «деньги имелись у частных лиц, а не сохранялись под замком». Эта его мысль, иллюстрируемая занятными анекдотами о займе им столового серебра в виду скромности собственной обстановки, приводит нас, между тем, к пониманию им налоговой политики. Еще Т. Моммзен обратил внимание, что Констанций, по сути, выступал против политики тезаврирования, проводимой Диоклетианом²²³. Обращает на себя внимание также и христианская традиция – два современника Констанция, а именно Лактанций (*De mort. pers.* 15.6) и Евсевий (*Vita Const.* I. 14; 16–17), отмечают его отказ от преследования христиан, между тем как оно имело важное значение в религиозной политике Диоклетиана и его соправителей.

Наконец, примечательно и свидетельство представителя интеллектуальной элиты этой эпохи – оратора Евмения – по вопросам, связанным с профилем его деятельности. В 298 году он в специальной речи благодарит Констанция за заботу о городе Августодуне и особенно отмечает его «великую способность во всяком виде красноречия» (*Pan. Lat.* 5.1.1). Проблема образованности среди императоров-тетрархов может являться перспективной темой для дальнейших исследований, и, конечно, само свидетельство Евмения не может быть достаточным доказательством исключительной образованности Констанция. Однако показательно, что другой галльский оратор, обращаясь к Максимиану Геркулию с рассказом о перенесении Сципионом Африканским боевых действий в Африку, считает нужным задать вопрос: «Ты слышал об этом, император?» (*Pan. Lat.* 2.8.2). Иными словами, на официальном уровне допускалось, что император-тетрарх может не знать элементарных основ римской истории.

Все эти обстоятельства дают понять, что Констанций Хлор отличался самостоятельностью суждений и далеко не во всем был согласен с политикой Диоклетиана. Как реагировал тот? Обращает на себя внимание анекдот,

²²³ Моммзен Т. Указ. соч. С. 465.

сохраненный Евсевием. Рассказывая о мягкой позиции Констанция в вопросах налоговой политики, Евсевий сообщает, что Диоклетиан прислал ко двору галльского тетрарха послов с упреками (*Vita Const.* I.14). Суммируя имеющиеся данные, мы видим, что Констанций был опытным военным и государственным деятелем, который делал карьеру при тех же императорах, что и Диоклетиан с Максимианом Геркулием, однако вряд ли был с ними в близких товарищеских отношениях. Более того, Констанций имел в своем послужном списке административную должность, что, возможно, указывает на большую его опытность в делах управления государством²²⁴. Мы можем допускать его высокое положение в администрации императоров из династии Кара, которая была свергнута Диоклетианом. По каким-то причинам, в числе которых логично предполагать личные способности, Констанций был включен в тетрархальную коллегия, однако не очень соответствовал идее согласия²²⁵. Отличался он, как видно, и в культурном плане (религиозный вопрос, образование), и в вопросах государственного управления (налоговая политика). Если всерьез воспринять свидетельство автора из числа SHA о намерении императора Кара провозгласить наследником Констанция, то в Констанции можно предполагать какие-то личные амбиции, явно не укладывающиеся в схемы Диоклетиана. Все это приводит нас к мысли, что Диоклетиану, с одной стороны, Констанций был нужен (в конечном итоге он справился с задачей, которая оказалась не по силам Максимиану Геркулию), но, с другой, необходимо было чем-то привязать Констанция к тетрархии. Здесь уместно вспомнить о присвоении ему формального старшинства в паре

²²⁴ Показательно, что гонения на христиан, которые сам Констанций признавал нецелесообразными, в 311 году признал бесперспективным и ярый их сторонник Галерий.

²²⁵ Здесь резонно отметить и то, что скульптурный портрет, который идентифицируется как изображение Констанция и известен в двух копиях (сейчас – в Берлине и Копенгагене), отличается ярко выраженными индивидуальными чертами, что до некоторой степени вступает в противоречие с иконографией тетрархов: *Kleiner D.E.E. Op. cit.* P. 406–407.

цезарей и затем августов (что могло быть ответом на амбиции); в этом же контексте, очевидно, следует воспринимать и его брак с Феодорой, дочерью (падчерицей) Максимиана Геркулия (впрочем, династический брак заключил и Галерий). Ни то, ни другое не могло быть действенным способом по принуждению Констанция следовать положением Диоклетиана, и в этом смысле очевидным решением выглядит давление на Констанция через его сына. Таким образом, мнение Барнса и Уильямса о том, что пребывание Константина на востоке было связано с почетом, не кажется состоятельным (тем более что оно отменяет прямое сообщение нарративной традиции).

Каково было отношение Констанция к сложившейся ситуации? Военная карьера Константина позволяет предполагать, что отец каким-то образом влиял на его положение²²⁶, однако в целом терпел разлуку с сыном. Каков был ее нижний рубеж? Лактанций, сообщая о болезни и близящейся смерти Констанция, пишет: «...он послал письма, в которых просил, чтобы [Галерий] отправил к нему Константина, дабы он увидел того, кого он уже давно требовал прислать» (*De mort. pers.* 24.3). Из текста Лактанция ясно только, что эти письма к Галерию были написаны между 1 мая 305 года, когда Констанций и Галерий стали августами, и летом 306 года, когда Константин уже точно был у отца. При учете того, что Констанций у Лактанция был болен уже на момент получения титула августа (*De mort. pers.* 20.1), более конкретной датировки переговоров о возвращении Константина у этого автора мы не найдем. Требование Констанция, впрочем, подтверждает Аноним Вalezия, который датирует его «после отречения Диоклетиана и [Максимиана] Геркулия» (*Origo* 2.2). Последняя датировка, помещающая начало переговоров о возвращении Константина на май 305 года, представляется обоснованной, так как объясняет политическую пассивность Констанция: отказ от территорий и согласие признать протекже Севера должны были быть уравновешены немедленным возвращением ему

²²⁶ Так считает Н. Ленски: *Lenski N. The Reign of Constantine*. P. 60.

сына. Впрочем, Галерий очевидным образом тянул с окончательным ответом, так как почти вся традиция единодушно сообщает о бегстве Константина²²⁷.

Прибытие Константина к отцу четко увязывается традицией с фактом его провозглашения. Однако насколько синхронизированы два этих события? В данном случае нам могут помочь свидетельства ближайших авторов. Самым ранним информатором является панегирист 307 года, который описывал события буквально по горячим следам, однако в его изложении нет подробностей о пребывании Константина при восточном дворе и его бегстве. В 310 году, прославляя Константина, анонимный оратор сообщает, что он «в самый момент отплытия отца (*императора Констанция Хлора – И.М.*) в Британию неожиданно <...> явился перед распускавшим паруса флотом» (Pan. Lat. 7.7.5). Отсюда следует, что Константин прибыл к отцу летом 305 года и участвовал в его походе против пиктов. Последующие авторы панегириков не добавляют никаких сведений. Рассмотрим, однако, какие еще версии выдвигаются авторами современными или близкими к Константину. Представители более ранней традиции – Лактанций, Евсевий, Праксагор и Аноним Вalezия. Итак, вот их сообщения:

Лактанций	313 год	Здесь Константин «с невероятной быстротой прибыл к слабеющему отцу, который, представив его солдатам, передал ему из своих рук власть» (De mort. pers. 24.8).
Евсевий	320-ые гг.	В «Церковной истории» Евсевий лишь указывает, что Констанций, умирая, оставил своего сына наследником (Hist. Eccl. VIII.13.12).
	После	В «Жизнь Константина» Евсевий отмечает, что его

²²⁷ Не разделяем скепсиса Т.Д. Барнса относительно этого эпизода; исследователь предлагает видеть в практически единодушном свидетельстве традиции влияние пропаганды самого Константина: Barnes T.D. Constantine and Eusebius. P. 27.

	337 года	герой «нескоро прибыл» к умирающему отцу, который встретил сына с великой радостью. Передав ему «по закону природы жребий царствования», он умер (Vita Const. I.20). В принципе, здесь Евсевий более цветисто излагает версию Лактанция.
Праксагор	330-ые гг.	Константин «бежит к отцу; когда тот ушел из жизни, сын унаследовал власть» (FHG: vol. IV, p. 1). Из пересказа Фотия неясно, какой промежуток времени Праксагор расположил между встречей Константина с отцом и его провозглашением, однако события эти явно не произошли одновременно, как у Лактанция и следующего ему Евсевия.
Аноним Вalezия	После 337 года	Константин, «перейдя Альпы, прибыл к отцу в Бононию <...>. После победы над пиктами Констанций, отец [Константина], умер в Эбораке, и Константин, по согласию всех воинов, был провозглашен цезарем ²²⁸ » (Origo 2.4).

На основании этих данных мы можем сделать следующие выводы. Наиболее ранний автор – Лактанций – синхронизирует встречу Константина с отцом, провозглашение первого и смерть последнего чуть ли не одним днем. С ним соглашается Евсевий. Мнение Праксагора до конца неясно в виду отсутствия у нас его полного текста, но в целом он обнаруживает большую солидарность с Анонимом Вalezия, который, следуя панегиристу 310 года, синхронизирует встречу Константина с отцом с началом похода Констанция против пиктов (305–306 гг.²²⁹), а уже смерть Констанция – с провозглашением его сына. На наш взгляд предпочтительнее выглядит

²²⁸ Ситуацию с титулом Константина при провозглашении рассмотрим ниже.

²²⁹ Последний поход Констанция Хлора – против пиктов – не датирован точно: *Sutherland C.H.V. Op. cit. P. 27; Kienast D. Op. cit. S. 280.*

вторая датировка. Во-первых, вряд ли Констанций занимался бы перепиской с Галерием касательно возвращения сына непосредственно во время боевых действий в Британии; более вероятно, что он озвучил свои требования в мае 305 года, и уже летом и ему, и самому Константину должна была быть очевидна бесперспективность этих требований. Во-вторых, вся традиция свидетельствует о деятельном участии в провозглашении Константина войск Констанция²³⁰. Однако вряд ли Константин, служивший под началом восточных императоров, мог снискать славу среди западных частей сразу по прибытии. Участие же в походе отца против пиктов давало ему возможность проявить себя. Дополнительным аргументом может служить и религиозный вектор внутренней политики Константина. Лактанций отмечает, что, придя к власти, Константин сразу же официально прекратил гонения (*De mort. pers.* 24.9), по сути продолжая и развивая политику веротерпимости своего отца. Это позволяет предполагать, что у Константина было время обсудить с отцом, которого он, судя по всему, не видел с 293 года, различные вопросы.

Итак, нам представляется возможным подвести некоторые итоги касательно кризиса второй тетрархии. Констанций Хлор может рассматриваться как несколько посторонняя фигура в числе императоров-тетрархов: привлечение его к власти было, как кажется, обусловлено, его личными качествами, однако удерживание его сына в заложниках, а также его личные инициативы, идущие в разрез с позицией того же Диоклетиана, довольно показательны, чтобы представить его человеком самостоятельным. Можем предполагать, что, учитывая его опыт и способности, тетрархи сохраняли его положение в коллегии – более того, во второй паре августов ему было определено почетное первое место. Однако на деле его сын продолжал оставаться заложником, а цезарем ему был определен протеже Галерия (Флавий Север). В принципе, обоих этих обстоятельств Констанцию могло быть достаточно, чтобы возмутиться, и у нас есть все основания

²³⁰ *Sutherland C.H.V. Op. cit. P. 27; Barnes T.D. Constantine and Eusebius. P. 27; Odahl Ch.M. Op. cit. P. 78–80.*

полагать, что в его планы могло входить выдвижение своего сына²³¹. Подобное решение безусловно бы нарушило и без того хрупкое равновесие тетрархии. Однако, как мы видели, своим поведением в предшествующие годы Констанций не выказал себя деятельным поборником идеи согласия императоров. Согласимся также с мнением Т.Д. Барнса²³², который отмечал право Констанция, в силу его старшинства, назначить члена императорской коллегии. В 305 году оно было у него отнято при содействии Диоклетиана Галерием, однако теперь он мог им воспользоваться в силу того, что ввиду его близящейся смерти и сдвигов в составе императорской коллегии одно место должно было бы высвободиться. Отметим, впрочем, что включение в императорскую коллегию сына было очевидным новшеством в соответствии с практикой, принятой при Диоклетиане. Впрочем, мы не можем утверждать, что Констанций думал о видимости сохранения установлений Диоклетиана.

Итак, если допустить, что инициатива приведения к власти Константина принадлежала его отцу (что выглядит вполне возможным и реальным обстоятельством), то нам следует признать, что именно он заложил основы для династической политики своего сына. Утверждать это безусловно нельзя, однако сам по себе вопрос представляется достаточно перспективным для дальнейшего исследования. Это тем более актуально в свете скромного внимания, которым пользовался Констанций Хлор у исследователей. Наша

²³¹ Уильямс С. Указ. соч. С. 271. Ч.М. Одал полагает, что этой задаче были подчинены все действия Констанция. Например, поиск популярности на подконтрольной ему территории, появление на его монетах солярного божества (*Sol Invictus*), т.е. оппозиция устоявшемуся пантеону тетрархии (Юпитер, Геркулес – покровители императоров), перенесение столицы августа запада из Медиолана в Августу Треверов (фактически, придание столичных функций его постоянной ставке), где он ощущал себя более комфортно. Об этом: *Odahl Ch. M. Op. cit. P. 76–77.* О. Шмитт выдвигает версию, что между Констанцием и Галерием по вопросу выдвижения сына первого была определенная договоренность, однако это противоречит данным традиции, указывающей на скверные отношения между императорами и на бегство Константина к отцу: *Schmitt O. Op. cit. S. 101.*

²³² *Barnes T.D. Constantine: Dynasty... P. 63.*

же следующая задача состоит в том, чтобы понять: сразу ли Константин начал реализовывать программу легитимации своей власти через принятие власти из рук отца? Вопрос о выборе Константина между искусственными построениями Диоклетиана и принципом кровнородственного династизма на первом этапе своего правления нам представляется целесообразным рассмотреть в следующем параграфе.

§ 3. Константин выбирает между конституцией тетрархии и кровнородственным династизмом

Я. Буркхардт в свое время отметил узурпаторский – «согласно букве установлений Диоклетиана»²³³ – характер прихода к власти Константина. С этим мнением спорили²³⁴, отмечая в первые годы правления Константина его участие в политических компромиссах, пришедших на смену тетрархии Диоклетиана и имевших целью сохранить ее хотя бы в измененном виде. Проследим его взаимоотношение с тетрархической конституцией.

Единственный современный приходу Константина к власти и имеющий официальный характер источник, которым мы располагаем, – это монетная чеканка 306 года. Отметим, что сразу после смерти Констанция Хлора в его честь выпускаются коммеморативные монеты; наиболее ранние примеры зафиксированы в конце 306 – начале 307 гг. в галльском Лугдуне²³⁵: император здесь назван «Божественным Констанцием августом», а легенда «Обожествление» (Consecratio) окружает изображение орла. Поскольку Лугдун находился на территории, подконтрольной Константину, а время

²³³ Узурпатор «согласно букве установлений Диоклетиана»: *Буркхардт Я.* Указ. соч. С. 256. С этим согласен и Манфред Клаусс: *Klauss M. Konstantin der Grosse und Seine Zeit.* München, 1996. S. 21–22.

²³⁴ О вхождении Константина в состав третьей тетрархии: *Odahl Ch. M.* Op. cit. P. 78–80; *Уильямс С.* Указ. соч. С. 271–272.

²³⁵ RIC. Vol. VI. Lugdunum. P. 256. № 202.

чеканки приходится на самое начало его правления, то логично полагать, что именно Константин инициировал обожествление отца. Это, как верно заметил М. Клаусс²³⁶, давало Константину возможность стать «сыном божества». Очевидно, эта акция может рассматриваться как первая династическая претензия. Она дает нам возможность согласиться с Т. Моммзенем, отмечавшим²³⁷ восприятие Константином Великим самого себя в качестве «кронпринца».

Тетрархия Диоклетиана подразумевала строгую систему получения титулов: положению августов предшествовала нижняя ступень младших соправителей – цезарей. Потому взаимоотношение Константина с тетрархическими установлениями может быть понято через его титул. Обратим внимание, что самого Константина его монеты (из Лондиния, Августы Треверов и Лугдуна) этого периода именуют «знатнейшим цезарем»²³⁸, то есть используется младший тетрархический титул. Причину этого объясняет Лактанций, ближайший к описываемым событиям автор: «Несколько дней спустя (*после провозглашения Константина – И.М.*) увенчанное лаврами изображение [Константина] доставлено было злому зверю (*т.е. Галерию – И.М.*)» (De mort. pers. 25.1). Несмотря на то, что сам автор пытается представить этот эпизод как торжество и даже издевку Константина, заявляющего свои права на власть, мы не можем не увидеть здесь, что Константин, хотя и ставит своей посылкой Галерия перед фактом, все же просит его о признании²³⁹. Каков был ответ Галерия? Придя в

²³⁶ Klauss M. Op. cit. S. 21.

²³⁷ Моммзен Т. Указ. соч. С. 500; также: Крист К. Указ. соч. С. 410–411.

²³⁸ RIC. Vol. VI. Londinium. P. 127; Treveri. P. 206; 210; Lugdunum. P. 254.

²³⁹ Панегирист 310 года подает этот эпизод несколько иначе, сообщая, что после смерти Констанция Хлора Константин «обратился к Старшим принцепсам для того, чтобы узнать, что следовало делать в интересах государства», между тем как «разгоряченные воины приняли решение, которое те вскоре утвердили» (Pan. Lat. VII.8.2). Далее оратор сообщает, что Константин пытался убежать (!) от солдат, облачивших его в пурпурные

бешенство и даже попытавшись казнить послов, он все же «против воли принял изображение и отправил самому [Константину] пурпур, чтобы казалось, будто он принял его в товарищество добровольно <...> Он приказал провозгласить Константина не императором (*imperator*), каковым его на самом деле провозгласили, но цезарем вместе с Максиминем [Дазой], чтобы со второго места сбросить его на четвертое» (*De mort. pers.* 25.3–5).

Таким образом, становится ясно, что Константин был вначале провозглашен воинами (при поддержке или по рекомендации, как мы полагаем, отца) августом²⁴⁰. Затем он согласился на участие в тетрархической коллегии с титулом цезаря, младшего соправителя при получившем в порядке очереди титул августа Флавии Севере²⁴¹. Все это приводит нас к невозможности согласия с мнением Я. Буркхардта об узурпаторском характере власти Константина. Последний, несмотря на свой приход к власти через переворот, легитимировал²⁴² свое положение максимально в соответствии с установками тетрархии. Отметим также любопытную деталь. Лактанций подчеркивает, что даже с титулом августа Константин должен

одевания. Э. Гиббон, вольно трактуя источник, полагал, что Константин в своем письме к Галерию ссылками на своеволие солдат оправдывал факт захвата власти: *Гиббон Э.* Указ. соч. Т. I. С. 589–590. Текст предполагаемого Гиббоном (и, вероятно, реально существовавшего) письма мы не имеем, потому судить о нем достаточно сложно. Не можем не согласиться с английскими исследователями латинских панегириков в том, что здесь мы, скорее всего, имеем дело с очевидной натяжкой: *Nixon C.E.V., Rodgers B.S.* *Op. cit.* P. 229–230, ft. 35. Цель оратора – подчеркнуть скромность прославляемого в панегирике императора – определяет изложение им реальной информации: Константин обратился к Галерию (который на тот момент и был старшим августом) за признанием титула, врученного ему солдатами (при вполне допустимой поддержке умирающего отца).

²⁴⁰ Это подтверждает и Евсевий, который для большей ясности записывает латинский титул августа греческими буквами (*Vita Const.* I.22).

²⁴¹ *Крист К.* Указ. соч. С. 412.

²⁴² Как верно заметил Т.Д. Барнс – Константин «исключил любое возможное сомнение в легитимности его правления»: *Barnes T.D.* *Constantine and Eusebius.* P. 29; *Шабза И.Ю.* Константин и Максенций... С. 180.

был бы занять второе место (т.е. после Галерия), однако, по воле Галерия, занял в итоге четвертое (как второй, после Максимиана Дазы, цезарь). Все это позволяет говорить, что Константин изначально в сложившейся ситуации не считал возможным публично заявлять о претензии на абсолютную и единоличную власть. Конечно, это не является свидетельством в пользу того, что Константин имел намерение и в перспективе придерживаться тетрархической конституции. Скорее, это указывает на неуверенность его в своих силах и стремлении закрепить успех. Однако в контексте рассуждений о совершенной или не совершенной им узурпации это важный момент.

26 октября 306 года в Риме²⁴³ состоялось провозглашение Максенция, сына Максимиана Геркулия; вскоре к власти вернулся и последний. Присутствие на политической арене избыточного количества императоров²⁴⁴ было наглядным свидетельством кризиса тетрархии Диоклетиана, в условиях которого Константин должен был выстраивать некую собственную линию поведения. Т. Моммзен в свое время определил позицию Константина как «пассивного зрителя»²⁴⁵. Стоит отметить, что в период 306–310 гг. мы действительно не видим Константина участвующим в гражданских войнах. За это время он успевает провести две кампании против франков (306/307 гг.; 310 г.) и одну против бруктеров (308 г.)²⁴⁶, наращивая, таким образом, политический вес. Павел Орозий, описывавший эпоху Константина по

²⁴³ Sutherland C.H.V. Op. cit. P. 27; Kienast D. Op. cit. S. 291.

²⁴⁴ Лактанций, описывая ситуацию в 308 году, пишет: «Одновременно было шесть [императоров]» (De mort. pers. 29.2). На тот момент императорские титулы носили (в порядке провозглашения): Галерий (август в период 305–311 гг.), Максимиан Даза (цезарь до 310; затем август), Константин (титулуется августом с 307 года), Максенций (титулуется августом с 307 года), Максимиан Геркулий (вернувшись в большую политику, претендует на титул августа), Лициний (провозглашен августом в 308 году). До середины 307 года титул августа носил Флавий Север; следует отметить также неуказанного Лактанцием карфагенского узурпатора Домиция Александра (308–309/310 гг.).

²⁴⁵ Моммзен Т. Указ. соч. С. 490–492.

²⁴⁶ Kienast D. Op. cit. S. 298–299.

прошествии целого века, предваряет известие о провозглашении Максенция императором и начале пост-тетрархических войн следующим сообщением: «Пока Константин в Галлиях весьма деятельно управлял государством...» (Hist. VII.28.5: Constantino in Galliis strenuissime rempublicam procurante ...). Вся парадоксальность этой фразы заключается в том, что Константин, контролировавший на тот момент только «Галлии» (Галлию и Британию), у Орозия одновременно с этим «управляет государством». Иными словами, автор противопоставляет «деятельного» Константина враждующим между собой императорам, которые привели империю в кризисное состояние. Надо полагать, тонкое замечание Орозия удачно отражает реальную установку самого Константина на тот момент времени.

Однако было бы ошибкой считать Константина просто «пассивным зрителем». К 307 году относится его первый политический союз – он сочетается браком с дочерью Максимиана Геркулия, Фаустой. Тесть при этом одарил зятя титулом августа. По случаю свадьбы²⁴⁷ анонимным

²⁴⁷ Дата свадьбы – предмет научной дискуссии. Календарь Полемиа Сильвия V века датирует 31 марта *natalis Constantini*. День рождения Константина известен (27 февраля), потому, очевидно, имеется в виду *natalis imperii*. Первое провозглашение состоялось 25 июля 306 года; соответственно, речь может идти о принятии титула августа из рук Максимиана Геркулия и, как подкреплении этого акта, свадьбе. Дата принимается рядом исследователей: PLRE. Vol. I. P. 325–326: Fl. Maxima Fausta; *Шабига И.Ю.* Славься, император! С. 8. На основании данных нумизматики предложены и другие датировки – от апреля до конца (осень–зима) 307 года: *Sutherland C.H.V.* Op. cit. P. 12–14; *Barnes T.D.* Lactantius and Constantine. P. 41, ft. 143; *Clauss M.* Op. cit. S. 23; *Brandt H.* Op. cit. S. 34–35; *Odahl. Ch. M.* Op. cit. P. 87–88. На наш взгляд, получение Константином титула августа и свадьбу следует датировать второй половиной 307 года. Эта датировка объясняет причину союза Константина с Максимианом Геркулием. Экспедиция Севера и экспедиция самого Галерия (датируемые весной–летом 307 года: *Kienast D.* Op. cit. S. 284; 290) против узурпации Максенция и Максимиана Геркулия провалились. Север был низложен и убит; с его низложением титул августа должен был перейти к Константину. Галерий же приберег титул для своего друга Лициния. Это дало повод Т. Моммзену упрекнуть Галерия в конституционной несправедливости»: *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 491. Таким

оратором был произнесена торжественная речь. Адресована она была совместно Максимиану Геркулию и Константину, при этом автор неоднократно подчеркивал статусное превосходство первого (Pan. Lat. VI.1.1; 2.1; 3.2 etc.). Однако произносилась она на территории, подконтрольной Константину (Августа Треверов²⁴⁸), да и реальным политическим влиянием Максимиан Геркулий уже не обладал²⁴⁹, потому мы должны признать, что в большей степени панегирик отражает программу именно Константина. Среди прочего анонимный оратор говорит ему: «...когда твой отец (*Констанций Хлор – И.М.*) оставил тебе (*Константину – И.М.*) власть, ты, довольствуясь званием цезаря, предпочел ждать, чтобы августом тебя провозгласил именно тот (*т.е. Максимиан Геркулий – И.М.*), кто дал этот титул и твоему отцу» (Pan. Lat. 6.5.4). Указанный отрывок в высшей степени примечателен тем, что фиксирует компиляцию Константином элементов тетрархической легитимности и династических претензий. Рассмотрим этот момент подробнее.

Константин, признавая за Максимианом Геркулием право распоряжаться титулами, ставит его в формальное положение *senior augustus* и источника легитимности. Анонимный оратор, патетически сетуя об уходе от власти Диоклетиана (что характерно, не называя его по имени: *is princeps* – Pan. Lat. 6.9.5), говорит о том, что Максимиан Геркулий не имеет никакого морального права оставлять кормило государственной власти (Pan. Lat. 6.9).

образом, Константин, прежде чем принять титул августа из рук Максимиана Геркулия, должен был убедиться в невозможности получить его из рук Галерия, который был *senior augustus* третьей тетрархии.

²⁴⁸ Шабига И.Ю. Славься, император! С. 119; Nixon C.E.V., Rodgers B.S. Op. cit. P. 184–185. Т. Грюневальд полагает, что свадьба произошла в Арелате: Grünwald T. Op. cit. S. 33–38. Для нас, впрочем, это не имеет принципиального значения – оба города находились на территории, подконтрольной Константину.

²⁴⁹ Моммзен Т. Указ. соч. С. 490; С. Уильямс справедливо и довольно остроумно назвал Максимиана Геркулия применительно к этому периоду «ценным символом тетрархии»: Уильямс С. Указ. соч. С. 274.

Оратор также неоднократно подчеркивает принадлежность Константина к линии Геркулиев через отца, Констанция Хлора, и собственно Максимиана Геркулия, тестя, деда (через церемониальное усыновление Максимианом Констанция Хлора в 293 году) и *auctor imperii* (Pan. Lat. 6.2.5; 8.2; 11.3). Это тем примечательнее на фоне общего не-упоминания линии Иовиев: Диоклетиан, как уже было сказано, не называется по имени и представлен давно ушедшим на покой; его преемники – Галерий и Максимин Даза – не упомянуты вовсе, что ставит вопрос об их легитимности. Вместе с тем, несмотря на признание элементов тетрархической идеологии, достаточно жестко оратором обозначен акцент на кровнородственном династизме: Константин получил власть от отца (что продемонстрировано в указанном выше отрывке), и лишь по своей (несомненно, доброй) воле решил получить и без того причитающийся ему титул августа из рук играющего почетную роль Максимиана Геркулия. Констанций Хлор при этом занимает особое положение. Оратор, подчеркивая факт его обожествления (Pan. Lat. 6.3.3), восклицает: «О, как счастлив ты был во время своего правления и насколько счастливее после него, божественный Констанций (ибо ты, конечно, слышишь и видишь это); ты, кого на почти зримой колеснице забрало само солнце, устремившееся на небо, чтобы поскорее пройти путь от заката до своего нового восхода!» (Pan. Lat. 6.14.3). Тем самым оратор демонстрирует божественное покровительство отца своему сыну, развивая линию, начатую самим Константином с обожествлением отца в 306 году. Отметим кстати и появление здесь солярного божества²⁵⁰, которое в будущем займет важное место в идеологии Константина. Его появление примечательно еще и тем,

²⁵⁰ Очерк об интересе Константина к этому культу: *Bardill J. Constantine, Divine Emperor of the Christian Golden Age. New York, 2012. P. 326–337.* Солярный культ будет прочно взят на вооружение Константином с 310 года: *Шабига И.Ю. Славься, император! С. 88.*

что знаменует возможный в перспективе отказ от тетрархических божеств²⁵¹ (т.е. Геркулеса, бывшего покровителем Максимиана Геркулия).

Таким образом, Константин обозначил свою оппозицию по отношению к Галерии, заявил себя наследником тетрархической системы (правда, внося в понимание этой системы свои коррективы и признав источником ее легитимности Максимиана Геркулия) и, вместе с тем, четко обозначил возможность легитимировать свое положение через кровнородственную связь с обожествленным императором – Констанцием Хлором.

В 308 году Галерий созвал Карнунтскую конференцию²⁵², на которую был приглашен Диоклетиан. Характерно, что Галерий, по сути следуя примеру Константина, в рамках усиления легитимности своего положения, обратился к Диоклетиану²⁵³, основателю и столпу тетрархии. По итогам работы конференции августом запада был определен протеже Галерия, Лициний²⁵⁴, в то время как Константин по-прежнему оставался на нижней ступени императорской коллегии. Согласимся с Т. Моммзеном, который определил это выдвижение как «конституционную несправедливость»²⁵⁵ со стороны Галерия. На наш взгляд, именно этой конференцией попытки сохранения хотя бы видимости тетрархической конституции исчерпали себя, и после них Константин мог совершенно свободно обратиться к легитимации своего положения через кровнородственный династизм.

²⁵¹ Собственно, это и произошло после разрыва Константина с Максимианом Геркулием в 310 году: *Odahl Ch.M. Op. cit. P. 95.*

²⁵² *Sutherland C.H.V. Op. cit. P. 14–15.*

²⁵³ Диоклетиан получил совместное с Галерием ординарное консульство (десятое по счету) в этом году: *Bagnall R.S., Cameron A., Schwartz S.R., Worp K.A. Consuls of the later Roman Empire. Atlanta, 1987. P. 150–151; Kienast D. Op. cit. S. 267.* Константин признал это консульское назначение, т.е. в начале 308 года он еще выражал некие надежды на компромисс с Галерием.

²⁵⁴ Дата провозглашения Лициния августом определяется точно – это 11 ноября 308 года: *Sutherland C.H.V. Op. cit. P. 14; Kienast D. Op. cit. S. 294.*

²⁵⁵ *Моммзен Т. Указ. соч. С. 491.*

Последней нитью, которая связывала Константина с тетрархическими установками, был тесть Максимиан Геркулий. Однако в 310 году он порвал с ним ввиду заговора, организованного последним; тесть был низвержен и предан смерти, за которой последовало официальное проклятие памяти²⁵⁶. В августе 310 года, основываясь на этих событиях, анонимный оратор вновь затрагивает тему источника легитимности власти Константина, однако с соответствующими коррективами. Он повторяет озвученную в 307 году мысль о том, что Константин, будучи первенцем августейшего отца, «был уже рожден императором», при этом возвращается к этой теме неоднократно (Pan. Lat. 7.2.5; 3.1–2; 4.1). Однако особого внимания заслуживает следующий пассаж: «Мне, по крайней мере, кажется, что наилучший и высочайший подарок бессмертных богов – это быть счастливым с самого рождения и получать в качестве представителя императорского дома то, чего другие с трудом добиваются всю свою жизнь» (Pan. Lat. 7.3.2). Для тетрархов, предшественников Константина Великого, была характерна нарочитая безродность, акцентируемая через божественное происхождение от Юпитера и Геркулеса. Возможно, что в этих словах панегириста содержится определенная степень презрения по отношению к этим «безродным» императорам²⁵⁷. Но тетрархом был и отец Константина, Констанций Хлор. Впрочем, говоря о нем, оратор сообщает об «издавна существующем преимуществе принадлежности к императорскому дому» (Pan. Lat. 7.2.4). Иными словами, Констанций Хлор в этом панегирике также заявлен происходящим из императорской династии. Подробно описывая его деяния (Pan. Lat. 7.5–7), автор ни словом не обмолвился о существовании коллегии тетрархов, благодаря которой Констанций оказался у власти. Причину возвышения и Константина, и его отца оратор формулирует так: «Я начну с

²⁵⁶ Kienast D. Op. cit. S. 273–274.

²⁵⁷ Вновь, вслед за Т. Моммзенем, подчеркнем важность восприятия Константином самого себя в качестве «кронпринца»: Моммзен Т. Указ. соч. С. 500; Крист К. Указ. соч. Т. II. С. 410–411.

божественного [основателя] твоего рода – этого многие до сих пор, возможно, не знают, но те, кто тебя (*Константина – И.М.*) любят, знают многое. Ведь родственные узы связывают тебя со знаменитым божественным Клавдием [Готским]» (Pan. Lat. 7.2.1–2). Оговорка оратора о том, что многие еще не знают об этой родственной связи, довольно красноречива – перед нами явное генеалогическое новшество, знаменующее, как верно заметил Ч.М. Одал²⁵⁸, начало построения Константином линейной династии уже вне всяких формальных связей с тетрархией и ее идеологией. Состояние письменных источников позволяет утверждать, что это первое (как установили еще Г. Дессау и О. Зеек²⁵⁹) известное нам упоминание указанного родства. Таким образом, мы можем утверждать, что, обозначив тягу к кровнородственному династизму, Константин стал реализовывать программу построения династии лишь с 310 года. До этого, как мы видели, он вел осторожную политику, для которой была характерна легитимация своего положения через установления тетрархии (306 год), внесение в них некоторых коррективов (307 год) и, наконец, разрыв с идеологией тетрархии (308–310 гг.).

Обращаясь к Максимиану и Константину на свадьбе последнего в 307 году, анонимный оратор, среди прочего, неоднократно говорит о детях, которые должны были родиться от заключаемого брака (Pan. Lat. 6.2.2; 2.3; 14.7). Создание династии требовало от Константина в будущем серьезно подойти к вопросу о наследниках, однако пока что, для подкрепления легитимности будущей династии, ему необходимо было создать исторический базис в виде галереи предков. Как мы увидели, в число таковых попали отец, Констанций Хлор, и заявленный предок, Клавдий Готский. То, какую роль они играли в династических построениях Константина, мы рассмотрим в следующем параграфе.

²⁵⁸ Odahl Ch. M. Op. cit. P. 94–95.

²⁵⁹ Dessau H. Op. cit. S. 342; Seeck O. Constantius (1) // PWRE. Bd. IV/7. Sp. 1040.

§ 4. Предки Константина Великого

а) Предок – император Клавдий Готский.

Панегирист 310 года, объявляя Клавдия Готского предком Константина, не дает четкого ответа на вопрос, какова была степень этого родства. Само родство он обозначает «*avita cognatio*» (Pan. Lat. 7.2.2), т.е. Клавдий Готский – либо дед Константина, либо его предок в общем смысле. В дальнейшем авторы панегириков не возвращаются более к этой теме, потому за разъяснением нам следует обратиться к другим видам источников.

Клавдия Готского не упоминают современники Константина – Лактанций и Праксагор. Если молчание второго можно списать на тот факт, что сочинение его дошло до нас в кратком пересказе Фотия, который мог опустить этот момент, то молчание первого автора требует особого внимания. Создавая трактат «*De mortibus persecutorum*» в 313 году, он должен был знать о генеалогии своего главного героя, озвученной, как мы видели, еще в 310 году. Впрочем, на наш взгляд, его молчание может объясняться логикой самого произведения, которое имеет апологетический характер. Клавдий Готский был человеком из того отрезка истории Римской империи, который он излагает конспективно, исключительно в связи с гонениями. Последние он датирует правлением императоров Нерона, Домициана, Деция, Валериана и Аврелиана. Долгий период относительно терпимого (хотя и не без гонений) отношения римских властей к христианам между правлением Домициана и Деция Лактанций называет «долгим миром» (De mort. pers. 3.5). Фигура Клавдия Готского располагается в череде императоров между Валерианом и Аврелианом. По поводу пленения первого персами Лактанций с некоторой иронией пишет: «После того как Бог подверг нечестивцев таким наказаниям, не удивительно ли, что впоследствии никто не дерзал не только сделать, но даже помыслить против величия единого Бога, правящего и владычествующего мирами?» (De mort. pers. 5.7). Иными

словами, императоры, чье правление укладывается в отрезок времени между пребыванием у власти Валериана и Аврелиана (неназванные Галлиен, Клавдий Готский и Квинтилл), относятся Лактанцием к условно положительным персонажам, не-гонителям, однако они не интересуют его в этой конспективной части произведения, посвященной массовым гонениям. Что касается второй части произведения, посвященной краху тетрархии, то центральный герой здесь – Константин. Однако для Лактанция он положительный герой не столько в силу своего происхождения²⁶⁰, а по той причине, что он человек, которому «покровительствовала длань Божия» (De mort. pers. 24.5). Упоминание Клавдия Готского в данной ситуации выглядело бы излишней информацией.

Еще один важный современник Константина – Евсевий, его официальный христианский биограф – дважды обращается к родословной своего героя. Никаких имен он не называет, говоря лишь в контексте противостояния Константина и Лициния о «царственном благородстве предков» Константина (Hist. Eccl. X.8.4; Vita Const. I.50). Клавдий Готский известен Евсевию как император, однако он упоминает его без всяких оценок в своей «Церковной истории» – исключительно как промежуточную фигуру между Галлиеном и Аврелианом (Hist. Eccl. VII.28.4). Мы могли бы сделать осторожное предположение, что Евсевий мог упоминать родство в своей «Хронике», так как указание на родство содержится в «Хронике» Иеронима. Однако при

²⁶⁰ И.М. Никольский в своей диссертации, посвященной образу императора в трактате Лактанция, отмечает, что образ отца Константина все же важен для этого автора в рамках идеи передачи сыну его добродетелей, однако справедливо подчеркивает, что образ отца в сочинении не должен заслонять сына: *Никольский И.М.* Образ правителя в сочинениях раннехристианских историков (на примере «О смертях гонителей» Луция Фирмиана Лактанция). Дисс. канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2011. С. 101–104. На наш взгляд, значение персоны Констанция Хлора для Лактанция преувеличивать не нужно: его появление в трактате контекстуально обусловлено описанием самого периода.

ближайшем рассмотрении текст Иеронима оказывается цитатой из Евтропия²⁶¹, который от Евсевия, конечно, никак не зависит:

Евтропий (Brev. IX.22.1): Diocletianus <...> fecit Constantium et Maximianum Caesares, quorum Constantius per filiam nepos Claudii traditur...	Иероним (Chron. P. 187 k): ... Constantius et Galerius Maximianus Caesares adsumuntur in regnum: quorum Constantius Claudii ex filia nepos fuit...
Диоклетиан ... сделал цезарями Констанция и [Галерия] Максимиана, из которых Констанций, как передают, был внуком Клавдия по дочери...	Констанций и Галерий Максимиан привлекаются к власти: из них Констанций был внуком Клавдия по дочери...

Пожалуй, самое значительное упоминание Клавдия Готского – после речи 310 года – содержится в стихах придворного поэта Публилия Оптатиана Порфирия²⁶². Победы Константина заставляют его вспомнить о «непобедимом в войнах Клавдии» (Opt. Carm. VIII.27–28); прославляя же старшего сына Константина, Криспа, он отмечает, что тому «Клавдий суровый ... по божественной воле дает чистую власть» (Opt. Carm. X.29–31). Итак, здесь вновь фигура Клавдия использована для легитимации династии Константина, однако на этот раз – уже применительно к ее второму (начиная с Константина) поколению. О степени родства между Клавдием Готским и членами правящей династии поэт молчит. Впрочем, это можно объяснить самым законом поэтического текста, который не требует конкретных фактов.

Итак, современная Константину традиция – в том числе и официальная – довольно молчалива о его родственной связи. Ситуация с Лактанцием,

²⁶¹ Сообщение Евтропия мы специально рассмотрим ниже.

²⁶² Цитаты из Оптатиана приводим в собственном переводе, выполненном по изданию: Publilii Optatiani Porphyrii Carmina. Lipsiae, 1877.

Праксагором и Оптатианом более-менее объяснима; наибольшую трудность вызывает сообщение Евсевия. Усердствуя в восхвалении Константина всеми возможными способами, он дважды (то есть вполне сознательно) размыкает вопрос о его генеалогии, которая ему, несомненно, известна (иначе он вряд ли стал бы намекать на неких «предков»). Особенно это бросается в глаза на фоне того, что в официальных надписях периода правления Константина император назван «сыном божественного Констанция и перос божественного Клавдия» (CIL XI.9 = ILS 699; CIL VI.31564 = ILS 709). Следует учесть, что слово *peros* может обозначать как внука, так и племянника. Основываясь на сообщении панегириста об «*avita cognatio*» и линейной схеме, представленной в надписи (Константин, сын Констанция, перос Клавдия), здесь *peros* следует перевести как «внук». Следует ли из этого, что Клавдий Готский считался отцом Констанция?

Первое внятное сообщение о степени родственной связи появляется у Анонима Вalezия, писавшего после смерти Константина. Этот автор, дающий обстоятельный отчет о жизни своего героя, называет его отца Констанция Хлора «перос – по брату – лучшего принцепса, божественного Клавдия» (*Origo* 1.1), т.е. возводит родословие к брату Клавдия Готского. Как здесь следует перевести *peros*? Отметим, что автор этого же века – Евтропий – называет Октавиана Августа «перос Цезаря» (*Brev.* VII.1), хотя тот приходился ему внучатым племянником. Таким образом, Констанций представлен здесь либо племянником (сыном брата), либо внучатым племянником (внуком брата) Клавдия. Примечательно, что если официальная версия самого Константина, отраженная в панегирике и надписях, тяготела к прямой линейности, то Аноним Вalezия говорит о родстве по боковой линии, со стороны некоего брата. Традицией надежно зафиксирован только один брат Клавдия – Квинтилл²⁶³, который после его смерти некоторое время безуспешно пытался удержать императорскую власть. Однако автор из числа

²⁶³ О нем: *Henze W. Aurelius* (84) // *PWRE*. Bd. II/4. Sp. 2462–2463.

SHA несколько расширяет наши сведения о семье Клавдия Готского: «Клавдий, Квинтилл и Крисп были братьями. У Криспа была дочь, Клавдия; от нее и Евтропия, знатнейшего мужа народа дарданского, был рожден цезарь Констанций» (SHA Claud. 13.2). Здесь, Констанций – внучатый племянник Клавдия. Отметим, что Крисп (а равно и Клавдия, и ее муж Евтропий)²⁶⁴ не зафиксирован ни одним другим источником, а его имя обнаруживает явную параллель со старшим сыном Константина, Криспом. Все это заставляет подозревать – обычную для SHA – выдумку и вновь вернуться к исходному для нас сообщению Анонима Вalezия, который считает Констанция Хлора (внучатым) племянником Клавдия Готского со стороны некоего неназванного брата²⁶⁵.

Иной вариант родственной связи озвучен в середине IV века Евтропием: «Констанций, как передают, был перос Клавдия по дочери» (Brev. X.22.1). Итак, здесь слово *peros* без всякого сомнения означает уже внука: Констанций – сын дочери Клавдия Готского. Дочь этого императора не зафиксирована традицией, не говоря уже о ее муже. Однако сообщение Евтропия заслуживает у последующих авторов доверия – его, как мы отмечали, почти дословно цитирует Иероним (Chron. p. 187 k), а затем воспроизводит более поздняя греческая традиция – Феофан и цитирующий его Зонара: «Констанций был сыном дочери (θυγατρίδοϋς) императора Клавдия» (Chron. A.M. 5796; Zon. Epitome hist. XII.31 col. 1084). Отметим, что греческим авторам удалось выпутаться из сложной ситуации, связанной с многозначностью латинского слова *peros*.

²⁶⁴ Все эти лица: PLRE. Vol. I. P. 206: Claudia 1; P. 232: Crispus 1; P. 316: Eutropius 1. Составители PLRE, отмечая уникальность их фиксации – только в SHA, полагают возможным считать их вымышленными персонажами.

²⁶⁵ М. Грант, на основании высокой характеристики Квинтиллы у Евтропия (Brev. IX.12), считает именно его «предком» Константина Великого. Впрочем, Евтропий, предлагающий альтернативную схему родства Константина с Клавдием Готским, ничего не говорит о детях Квинтиллы: *Грант М. Римские императоры*. М., 1998. С. 210–211.

Итак, после Константина появляется две версии родства его отца с Клавдием Готским: он либо потомок брата, т.е. (внучатый) племянник (Аноним Вalezия, SHA), либо сын дочери, т.е. внук (Евтропий, Иероним, Феофан и Зонара). На наш взгляд, мы имеем дело с авторскими спекуляциями при отсутствии внятной источниковой базы. Более ранние, латинские, авторы произвольно толковали заявленное в официальном пространстве слово *peros* (которое – применительно к Константину – упоминается надписями и может означать племянника, внука и внучатого племянника). Довольно занятно, что параллельно с Анонимом Вalezия и Евтропием существовала официальная позиция семейства Константина, которая нашла отражение в трудах Юлиана – он упоминает Клавдия в качестве «предка» (πρόγονος – Orat. I.6d; II.51c) и родоначальника династии Константина (Caes. 313d). Иными словами, двор и через много лет после смерти Константина сохранял тактичное молчание относительно статуса родства правящей династии с императором Клавдием Готским.

Эта родственная связь является научной проблемой с большой историей. Ш. Дюканж и Л.–С. Тиллемон и Э. Гиббон²⁶⁶ принимают сведения об этом родстве. Такое позитивное отношение к данным источников сохранялось до Я. Буркхардта²⁶⁷, однако уже Т. Моммзен²⁶⁸ считал всю родословную «мошенничеством». Г. Дессау²⁶⁹, впервые подвергнув имеющиеся данные

²⁶⁶ *Du Cange C.* Op. cit. P. 43–43; *Tillemont L.–S.* Op. cit. P. 76–77; *Гиббон Э.* Указ. соч. Т. I. С. 536–537. Надо сказать, что Л.–С. Тиллемон лишь приводит данные источников, однако тональность подачи им информации заставляет думать, что он не склонен безоговорочно этим данным верить.

²⁶⁷ *Буркхардт Я.* Указ. соч. С. 37.

²⁶⁸ *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 318.

²⁶⁹ *Dessau H.* Op. cit. S. 340–344. Г. Дессау обосновывал мнение, что *Historia Augusta*, в которой содержатся многочисленные упоминания о родстве Клавдия Готского с династией Константина, написана уже в конце IV века, между тем как в самом источнике имеются обращения к императорам эпохи Диоклетиана и Константина. Вопрос датировки этого источника, однако, не решен до сих пор, хотя мнение Г. Дессау принимаются

серьезному рассмотрению в своей статье, посвященной SNA, установил, что датой появления это генеалогии можно считать 310 год; уже О. Зеек²⁷⁰ считал ее безусловной фикцией, выдуманной в рамках династической политики Константина. Эту точку зрения разделял и Р. Сайм²⁷¹; в целом она преобладает в современной историографии²⁷². А. Липпольд в специальной статье²⁷³ изыскивает параллели между «Жизнью Клавдия» за авторством SNA и панегириком в честь Констанция 297 года, что приводит его к мысли о существовании генеалогии уже в правление самого Констанция Хлора, однако его предположение не было принято исследователями²⁷⁴.

Рассмотрев сообщения источников, мы присоединяемся к мнению большинства исследователей, считающих, что родство это было сфабриковано. Серьезным тому подтверждением можем быть разноречивость в вопросе о степени этого родства. Однако кажется справедливым замечание

значительным количеством исследователей. Е.М. Штаерман выдвинула компромиссную версию о написании *Historia Augusta* на рубеже III/IV вв. с последующей переработкой и редактурой: *Штаерман Е.М.* SNA как исторический источник // ВДИ. 1957. № 1. С. 241–245. На наш взгляд, сообщение относительно родства Клавдия Готского и династии Константина в любом случае следует отнести к более позднему времени (принимая правоту Г. Дессау), так как видно, что автор (или авторы?) используют уже хорошо разработанный материал, между тем как анонимный оратор 310 года сознает новизну сообщаемых им данных.

²⁷⁰ Seeck O. Constantius (1). Sp. 1040; Henze W. Aurelius (82) // PWRE. Bd. II/4. Sp. 2458.

²⁷¹ Syme R. Op. cit. P. 63–75.

²⁷² Johnes A.H.M. Op. cit. P. 65–66; Leadbetter B. Illegitimacy... P. 79–81; Brandt H. Op. cit. S. 37; Lenski N. The Reign of Constantine. P. 66; Barnes T.D. Constantine: Dynasty... P. 72–73.

²⁷³ Lippold A. Die Historia Augusta. Stuttgart, 1998. S. 160–182.

²⁷⁴ Nixon C.E.V., Rodgers B.S. Op. cit. P. 219, ft. 5. Недоказанной фиктивностью родственной связи считает Ф. Шоссон: *Chausson F.* Op. cit. P. 25–95. Собранные им свидетельства – данные нумизматики, эпиграфики, а также сообщения нарративной традиции – все же относятся ко времени более позднему, чем 310 год. Т.Д. Барнс саркастически заметил, что Ф. Шоссон путает критерии, используемые историками, с доказательствами, которые используются в современном суде: *Barnes T.D.* Constantine: Dynasty... P. 208. Ft. 15.

Т. Моммзена²⁷⁵: само существование такой генеалогической спекуляции доказывает ее необходимость. В 307 году Константин сам выбрал Максимиана Геркулия на роль *auctor imperii* и открыто признал, что тот был *auctor imperii* и для его отца. Разрыв с конституцией тетрархии в 307–308 гг., а затем и с Максимианом в 310 году рушил эту и без того надуманную схему. Константин вновь обратился в сына своего отца, однако подобным преимуществом располагал и противник Константина – Максенций, родной сын Максимиана Геркулия. Максенций, несмотря на сложные отношения с отцом, теперь выпускает в его честь коммеморативную чеканку с посвящением «Божественному Максимиану старшему, отцу [и] августу»²⁷⁶. Очевидно, что Константин решил выпутаться из паутины тетрархических родственных связей и найти обоснование своей династии в эпохе, предшествовавшей периоду Диоклетиана и его соправителей. Так и был выбран Клавдий Готский, который, по верному замечанию Х. Брандта²⁷⁷, стал фактически *auctor imperii* всей династии Константина.

Почему выбор пал именно на фигуру Клавдия Готского? На наш взгляд, этому можно найти несколько объяснений. Во-первых, из трех результативных императоров второй половины III века – Клавдий, Аврелиан и Проб – Клавдий был единственным, кто погиб не в результате переворота²⁷⁸. Во-вторых, на время краткого правления Клавдия Готского (268–270 гг.) приходится победа над готами. Военная слава Клавдия Готского находит отражение и в военных походах Констанция Хлора и в кампаниях самого Константина, который с 310 года, судя по монетной чеканке, усваивает себе

²⁷⁵ Моммзен Т. Указ. соч. С. 318.

²⁷⁶ RIC. Vol. VI. Roma. P. 381–382. Из Аминтерна происходит также надпись на постаменте недошедшей до нас статуи: «Божественному Марку Аврелию Валерию Максимиану-старшему...» (CIL IX.4516 = ILS 647).

²⁷⁷ Brandt H. Op. cit. S. 37.

²⁷⁸ Источники сообщают о его смерти то ли от чумы, то ли в результате подвига на поле брани: Henze W. Aurelius (82) Sp. 2462; Грант М. Указ. соч. С. 208–209.

титул «победителя всех народов»²⁷⁹. В-третьих, важным фактором выглядит известность Клавдия Готского. В наших руках есть нумизматические данные, которые подтверждают факт обожествления этого императора сразу после его смерти – большинство монет отчеканены в западных областях империи (Рим, Медиолан, Аквилея, Лугдун, Августа Треверов, Сисция), однако есть монеты предположительно кизикской и антиохийской чеканок²⁸⁰. Это гарантирует некоторую известность Клавдия. Однако при этом вся имеющаяся у нас традиция о Клавдии Готском была создана уже после Константина; единственным современным этому императору автором был Геренний Дексипп, однако в сохранившихся фрагментах его исторического труда о Клавдии не сказано ничего. Отсюда мы можем сделать вывод, что биография Клавдия Готского, при некоторой его популярности в силу военных побед, была известна слабо, что облегчало возведение родословия к нему. Вместе с тем, Клавдия Готского от эпохи Константина отделяло полстолетия, что несколько ограничивало возможность для простора в области генеалогических спекуляций. Потому Константин довольно осторожен – никаких конкретных сведений относительно степени родства заявлено не было, а сам факт в 310 году был преподнесен как хорошо известный лишь знающим людям.

Рассмотрим, насколько часто Константин прибегал к образу Клавдия Готского. Выше мы уже подчеркнули, что появление этого персонажа в панегирике 310 года является единственным его упоминанием в официальных речах в честь Константина. Ситуация с упоминанием Клавдия в письменной традиции времен Константина нами также освещена выше. Упоминание Клавдия в связи с прославлением сына Константина, Криспа, указывает на то, что фигура Клавдия использовалась в качестве средства легитимации сыновей – будущих преемников – Константина. Обратимся к другим, современным Константину, источникам – монетам и надписям.

²⁷⁹ RIC. Vol. VI. Treveri. P. 222.

²⁸⁰ RIC. Vol. V. Part. I. P. 233–237.

Монетная чеканка в честь Клавдия Готского выходит при Константине единственный раз – в 317–318 гг., при этом охватывает города, непосредственно находящиеся на территории влияния Константина: Августа Треверов²⁸¹, Арелат²⁸², Рим²⁸³, Аквилея²⁸⁴, Сисция²⁸⁵ и Фессалоники²⁸⁶. При этом память Клавдия прославляется наравне с Констанцием Хлором и Максимианом Геркулием. Появление последнего нас не должно смущать – после рождения его дочерью Фаустой сыновей Константину опальный тесть был посмертно реабилитирован и вновь включен в родословную семьи Константина. Дата 317–318 гг. также неслучайна: 1 марта 317 года Константин, официально завершив войну с Лицинием, провозгласил двух своих сыновей – Криспа и Константина-мл. цезарями, в то время как Лициний выставил лишь одного сына. Очевидно, что Константин вознамерился подкрепить провозглашение акцией по прославлению предков своих сыновей-цезарей. Обратим внимание на уже упоминавшееся заявление Оптатиана о передаче власти от Клавдия – Криспу, а также на тот факт, что Константин-мл. носил *помен* «Клавдий». Впрочем, самостоятельных надписей в адрес Клавдия ни от времен Константина, ни от времен правления его сыновей мы не имеем, что доказывает несамостоятельность его фигуры. В целом, он может рассматриваться как «запасной» предок на случай необходимости обосновать легитимность правящей династии.

Из всей традиции о Клавдии особого внимания исследователя заслуживает сообщение Псевдо-Аврелия Виктора: «Этот [Клавдий] был рожден, как многие полагают, от Гордиана, когда он в юном возрасте наставлялся опытной женщиной [для общения] с женой» (*Epitome de caes.* 34.1). Сам

²⁸¹ RIC. Vol. VII. Trier. P. 180.

²⁸² Ibid. Arles. P. 252.

²⁸³ Ibid. Roma. P. 310–312.

²⁸⁴ Ibid. Aquileia. P. 394–395.

²⁸⁵ Ibid. Siscia. P. 429–430.

²⁸⁶ Ibid. Thessalonica. P. 502–503.

автор – компилятор конца IV века – ссылается на мнение «многих», что подразумевает некую распространенность сообщаемой версии. Сообщение это, впрочем, уникально и не подтверждается никакими другими источниками²⁸⁷. Можем предположить, что мы имеем дело с неудачной попыткой «удревнить» происхождение Клавдия Готского, возводя его к семейству Гордианов, из которого вышло сразу три римских императора III века. Однако этот вариант был очевидно неудачен уже хотя бы в силу того обстоятельства, что мать Клавдия здесь названа по сути проститутка.

Подводя итог, мы согласиться с мнением Б. Лидбеттера²⁸⁸: вне зависимости от степени достоверности генеалогической связи династии Константина с Клавдием Готским она, благодаря усилиям Константина, стала реальностью. Ее принимали и сыновья Константина, и его критик Юлиан, и последующие авторы. Клавдий Готский, как мы увидели, являл собой наиболее компромиссную фигуру на роль предка и *auctor imperii* всей династии: он был одновременно прославленным и малознакомым императором относительно недавнего прошлого. Родство с ним позволяло Константину выйти за границы тетрархических построений, между тем как все его соперники так или иначе в поисках легитимации²⁸⁹ апеллировали к ее принципам. Это указывает на дальновидность и оригинальность мышления

²⁸⁷ *Hekster O. Emperors and Ancestors: Roman Rulers and the Constraints of Tradition. New York, 2015. P. 225.*

²⁸⁸ *Leadbetter B. Illegitimacy... P. 81.*

²⁸⁹ Имеется, впрочем, не подтвержденная никакими другими источниками сообщение автора из числа SHA о стремлении Лициния представить себя происходящим от императора Филиппа Араба (SHA. Gord. tres 34.5). Автор рассказывает об уничтожении императором надписи, свидетельствующей об убийстве этим императором Гордиана III и установленной на границе с Персией. Даже если принять это сообщение, то территория, обозначенная в источнике, перешла под контроль Лициния лишь после 313 года, когда он победил Максимиана Дазу. Соответственно, в этом случае Лициний подражает Константину.

Константина, который в некотором смысле повторил то, что некогда сделал Север, связав себя с династией Антонинов.

б) Отец, Констанций Хлор.

Констанций Хлор был более реальной фигурой, нежели Клавдий Готский. Его родственная связь с Константином была вполне понятна и очевидна²⁹⁰, а факт передачи (мнимой или реальной) власти из его рук выводил его на позицию *auctor imperii* Константина. В панегирике 307 года он, как мы видели, делил эту позицию с Максимианом Геркулием, причем уступал ему статусом (он получил власть из его рук), но превосходил его в том смысле, что по ситуации 307 года был уже не человеком, а официальным божеством²⁹¹.

После постепенного разрыва Константина с традициями тетрархии и падения Максимиана в 310 году Констанций Хлор единолично занимает положение *auctor imperii* для своего сына. Панегирист 310 года, обращаясь к Константину, пространно рассказывает о правлении его отца (Pan. Lat. 7.4–8). Панегирист 313 года при сравнении Константина с Максенцием особенно подчеркивает, что первый был «сыном благочестивого Констанция» (Pan. Lat. 9.4.3; также 9.4.1; 4.4; 24.4). Важным элементом является акцент, сделанный панегиристами на внешнем сходстве Констанция и Константина (Pan. Lat. 6.14.5; 7.4.3–4). Панегирист 310 года доходит даже до того, чтобы

²⁹⁰ Проблема законности брака родителей Константина и влияния этого вопроса на его статус мы рассмотрим в своем месте. Пока ограничимся исключительно взглядом самого Константина и его пропаганды, которая безусловно подчеркивала связку «отец–сын».

²⁹¹ Евтропий отмечает, что среди галлов Констанций Хлор «был почитаем» (*venerabilis fuit* – Brev. X.1.3). Не можем не отметить религиозный смысл глагола «*veneror*» (и, как следствие, прилагательного «*venerabilis*»): Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968. P. 2027–2028. Если принять перевод, то можно предполагать существование культа Констанция Хлора на территории Галлии уже при его жизни.

подчеркнуть присутствующий на лице Константина тот же «стыдливый румянец» (Pan. Lat. 7.4.4), который в 297 году прославил его коллега в панегирике Констанцию (Pan. Lat. IV.19.3). Нельзя не обратить внимания на тот факт, что сохранившиеся портреты Константина Великого действительно содержат характерные черты, которые мы можем обнаружить в идентифицируемых портретах Констанция Хлора – нос с ярко выраженной горбинкой (ставший, по замечанию Дж. Бардилла, своего рода «визитной карточкой» дома Константина²⁹²) и тяжелый подбородок.

Монеты Константина, впрочем, нечасто обращаются к образу Констанция. После его прославления в связи с обожествлением (о чем мы говорили выше), он вновь появится на монетах в 317–318 гг. в той же самой серии монет²⁹³, что и Клавдий Готский и Максимиан Геркулий. Монетные легенды именуют его *optimus imperator* (наилучший) и *pius* (благочестивый). Первый эпитет в равной степени применялся к Клавдию Готскому и Максимиану Геркулию; *optimus* величался и сам Константин²⁹⁴. Эпитет *pius*, как кажется, был связан персонально с Констанцием, так как его несколько раз применяют по отношению к этому императору панегиристы (Pan. Lat. 7.14.4; 9.4.3). Встречаем мы его и в надписях, где Константин назван сыном «божественного Констанция Благочестивого» (AE 2011, 709; CIL V.8109; CIL IX.5987; X.6937; 6843; 6856; 6874 etc.).

Самостоятельных надписей в честь Констанция Хлора мы от времени правления его сына не имеем – это тем более примечательно на фоне наличия надписей в честь матери Константина, Елены (о которых поговорим в своем месте). Монетная чеканка 317–318 гг. становится последней массовой акцией, в которой образ Констанция был широко задействован. Далее мы

²⁹² Bardill J. Op. cit. P. 11. Смотри также: Сидорова Н.А. Указ. соч. С. 89; Kleiner D.D.E. Op. cit. 406–407.

²⁹³ RIC. Vol. VII. Trier. P. 180; Arles. P. 252; Roma. P. 310–312; Aquileia. P. 394–395; Siscia. P. 429–430; Thessalonica. P. 502–503.

²⁹⁴ Odahl Ch. M. Op. cit. P. 109.

встречаем его в надписях, посвященных членам семьи Константина. В качестве характерного примера приведем перевод фрагмента надписи из Рима²⁹⁵ в честь Криспа, старшего сына Константина Великого:

«Флавию Валерию (sic!)²⁹⁶ Криспу, знатнейшему цезарю, сыну господина нашего Константина, величайшего и непобедимого вечно августа, и внуку божественного Констанция...» (CIL VI.1133=ILS 716).

Таким образом, Констанций Хлор занимает почетное место предка династии Константина; его появление в надписях статусно подчеркивает того члена династии, которому соответствующая надпись адресована (сам Константин, его сыновья, его мать).

Панегирик Назария, произнесенный в Риме в 321 году²⁹⁷, изображает самого Константина отцом двух цезарей – Криспа и Константина-мл. Таким образом, император постепенно отходит от образа «сына своего отца» и входит в самостоятельную роль отца правящего дома. Отметим также, что применительно ко второй половине правления Константина у нас есть сведения о широкой кампании по прославлению матери Константина, Елены. На ней мы сможем сосредоточиться позже, пока отметим тот факт, что в ее

²⁹⁵ Надпись выполнена префектом города Рима Овинием Галликаном. В этой должности он находился с 4 августа 316 по 15 мая 317 гг.: PLRE. Vol. I. P. 383: Ovinus Gallicanus 3. Так как Крисп был провозглашен цезарем 1 марта 317 года, то мы можем датировать надпись весной 317 года. Очевидно, префект города поспешил выказать свою лояльность, однако, что любопытно, упустил из виду «прадеда» юного цезаря – Клавдия Готского.

²⁹⁶ Nomen «Валерий» плохо зафиксирован в отношении Криспа; по большей части эпиграфические и нумизматические источники называют его Юлием: PLRE. Vol. I. 233: Fl. Iulius Crispus 4. Очевидно, инициатор создания надписи – префект Рима Овиний Галликан – еще не был достаточно осведомлен об именовании только провозглашенного цезаря (см. предыдущее примечание).

²⁹⁷ Nixon C.E.V., Rodgers B.S. Op. cit. P. 338; *Шабига И.Ю.* Славыся, император! С. 120.

честь, например, в Константинополе была воздвигнута статуя²⁹⁸, существование которой надежно зафиксировано источниками. Сведений об установке статуи в честь Констанция Хлора у нас нет; не появляется он и среди исторических персонажей, которые были увековечены в скульптурных памятниках города Константинополя согласно данным PSch. Примечательным является и тот факт, что нет сведений о том, где Констанций Хлор был похоронен – как справедливо отмечает М. Дж. Джонсон²⁹⁹, известно лишь о факте его обожествления и почетного погребения. Однако ни один источник не указывает, что Константин перенес его тело в Рим или Константинополь, хотя в обоих городах устроил для себя гробницы³⁰⁰ (а предназначенный для этой цели храм св. апостолов в Константинополе стал императорской усыпальницей). Таким образом, мы должны сделать вывод, что в эпоху единоличного правления Константина, когда легитимность его власти уже не нуждалась ни в каких обоснованиях, образ Констанция отходит на второй план. Чем это объясняется? Вряд ли будет обосновано спекулировать на теме отношения самого Константина Великого к своему отцу. С практической точки зрения это можно объяснить тем фактом, что Константин сам стал отцом будущих императоров, и сильная мужская фигура не должна была его заслонять.

²⁹⁸ Müller-Wiener W. Op. cit. S. 248.

²⁹⁹ Johnson M.J. Where were Constantius I and Helena Buried? // *Latomus*. 1992. 51. P. 145–146. Джонсон полагает, что император был погребен близ одной из своих резиденций (Эборак или, что более вероятно, Августа Треверов). Известна эпитафия некоего полководца Констанция, сохранившаяся в рукописях; Т. Моммзен полагал, что это эпитафия Констанция Хлора, местом погребения которого он определял Августу Треверов: *Mommsen T. Grabschrift des Kaisers Constantius Chlorus* // *Hermes*. 1893. Bd. 28. S. 33–39. О. Зеек не соглашался с тем, что надпись посвящена именно Констанцию Хлору: *Seeck O. Constantius (13)* // *PWRE*. Bd. IV/7. Sp. 1102–1103. Этот исследователь резонно отмечает, что в эпитафии не содержится указаний на императорский титул погребенного.

³⁰⁰ Holloway R.R. Op. cit. P. 86–93; Müller-Wiener W. Op. cit. S. 405.

Выводы к I разделу. Обобщая сказанное, можно заключить, что корни династической политики Константина уходят в тетрархическую конституцию Диоклетиана, но в том смысле, что первая явилась противоречивым ответом на кризис последней. Диоклетиан, отвечая на вызовы III века, создал императорскую коллегия, которая должна была эффективно управлять государством. В ее основу была положена идея дружбы и согласия, «гармонии взглядов». Проблему наследования Диоклетиан решил в духе императоров II века – т.е. через приобщение к власти «наилучших». Однако уже при провозглашении второго поколения тетрархов он должен был видеть утопические черты своей системы, в связи с чем в коллегия четырех императоров были привнесены родственные элементы – т.е. брак младших соправителей (цезарей) с дочерьми старших императоров (августов). Проблема, которая осталась без решения, – это родные сыновья императоров, положение которых Диоклетианом учтено не было. По сути, конституция тетрархии испытала первый удар уже в 305 году, когда выбор третьего поколения тетрархов был фактически оставлен на усмотрение Галерия. Он же первый нарушил принцип привлечения к власти «наилучших», так как одним из цезарей стал его родственник (племянник?), Максимин Даза. Еще одной серьезной проблемой внутреннего устройства тетрархии Диоклетиана выглядят амбиции Констанция Хлора, которые сознательно подавлялись в довольно жесткой форме (удержание в заложниках сына). Несмотря на выдержанность и дисциплинированность, в конечном итоге он, как можно полагать, перед самой смертью способствовал выдвижению своего сына. Рассматривая этот шаг с точки зрения тетрархической конституции, мы должны отметить его противоречие ей (к власти привлекался родной человек), однако первый прецедент такого нарушения был создан Галерием (через привлечение к власти племянника) и (возможно, не без давления Галерия) санкционирован самим Диоклетианом.

Таким образом, в 305–306 гг. тетрархическая конституция оказывается в состоянии кризиса, однако в общем и целом пребывание у власти коллегии

императоров, основанной на принципах согласного и совместного правления, оставалось политической реальностью. Гарантом конституции являлся Галерий, и Константин, как мы видели, этот факт признал. Считать его узурпатором нельзя, так как он приложил усилия для легитимации своего положения через признание со стороны Галерия. Конечно, вряд ли это стоит объяснять стремлением Константина сберечь тетрархическую конституцию, которая, в условиях начавшихся узурпаций (Максенций, Максимиан Геркулий, Домиций Александр) и борьбы за власть, превращалась в иллюзию и даже некоторое неудобство. Очевидно, что Константин не был готов сразу переходить к открытой борьбе за единоличную власть. Показательно, впрочем, что уже в 306 году он делает акцент на фигуре своего отца, который только усиливается в следующем году. Отцовская слава способствовала популярности Константина, а факт его обожествления давал ему статус *divi filius*. Кроме того, сам факт рождения от августейшего отца ставил его в положение статусного превосходства по отношению к тому же Галерию, который, вполне в духе Диоклетиана и его соправителей, был безроден.

Галерий, между тем, и далее шел по пути разрушения тетрархической конституции: в 307 году, с появлением вакантного – после низложения и убийства Флавия Севера – титула второго августа тетрархии, он не передал его Константину. Это разрушило тетрархическое равновесие. Константин, в противовес Галерию, решает на союз с блоком Максенция и Максимиана Геркулия, принимая от последнего титул августа и руку его дочери. Тем самым, Константин вводит в политический обиход этого кризисного времени практику обращения к основателям тетрархии в поисках легитимности. Хотя сам союз имел скорее стратегическое и вполне конкретное значение, этим жестом дополнительно подчеркивается утрата легитимности со стороны Галерия, запятнавшего себя многочисленными нарушениями тетрархической конституции. Показательно, что последний обращается к персоне Диоклетиана, т.е. фактически признает утрату статуса гаранта тетрархической конституции и начинает играть по правилам, заданным

Константином. Карнунтская конференция 308 года, приведшая вопреки установленному порядку на позицию августа Лициния, положила конец тетрархической конституции, что позволило Константину уже не оглядываться на необходимость легитимации своего положения через установления Диоклетиана. Последней нитью, связывавшей его с ними, остается персона Максимиана Геркулия, однако мятежное поведение последнего дает Константину возможность избавиться от него в 310 году. Далее он выстраивает линию своей легитимации уже через кровнородственную связь – а именно через фигуру отца и, чтобы превзойти имевшего аналогичный статус императорского сына Максенция, через фигуру «славного предка». На роль последнего был выбран Клавдий Готский, одновременно прославленный и малоизвестный персонаж.

Таким образом, 306–310 гг. является периодом становления династической политики Константина, который первым среди императоров IV века жестко обозначил кровнородственный аспект как важнейший для легитимации своего положения. Однако это родство по крови должно было теперь поставить перед ним более сложную задачу – определить положение своих родственников. Диоклетиан, как мы видели выше, не учел родственный аспект, однако у него для этого была хотя бы формальная отговорка: к власти привлекались безродные, но достойные люди. Соответственно, их родственники не играли никакой роли. Константин же должен был решить, какую роль в его династических конструкциях будут играть члены его семьи. Кроме матери, которая также должна была войти в число «предков» династии, у него были еще многочисленные братья и сестры, родившиеся от второго брака его отца. Их статусное положение, а также процесс инкорпорации в династию мы рассмотрим в следующем разделе, посвященном семейному окружению императора.

Глава II. Семейное окружение Константина Великого

Свою династическую политику, как мы видели, Константин Великий начал с формирования генеалогии, в которую были включены отец Констанций Хлор и «предок» Клавдий Готский. Оба императора ко времени активной политической деятельности Константина были мертвы, что давало ему простор для манипуляций. Иначе обстояло дело с живыми родственниками (собственно, обозначим их общим термином – семейное окружение), которым также следовало найти место в династических конструкциях. Из всего семейного окружения Константина Великого особенно выделяется его мать Елена, с которой и справедливо будет начать данный раздел.

§ 1. Елена, мать Константина

Обширная традиция о раскопках Елены в Святой земле, в ходе которых, как считается, был обретен Крест Господень³⁰¹, а также масштабное храмостроительство способствовали славе Елены, которая почитается в христианском мире в лике святой и равноапостольной³⁰². Значительную часть жизни Елена была матерью правящего римского императора. В этом статусе Елена привлекала сравнительно скромное внимание исследователей, между тем как римская история знает немало примеров влиятельных императриц-матерей. Связка «отец – сын» (с достаточно скорым смещением акцентов с фигуры отца на фигуру сына), как мы видели, достаточно широко освещалась пропагандой Константина как важнейшая опора всех его

³⁰¹ Сообщения об обретении Креста Господня относятся к более поздней (по сравнению с временем жизни Елены) традиции, в связи с чем историками высказывались сомнения в правильной датировке этой находки: *Гиббон Э.* Указ. соч. Т. II. С. 568, прим. 67; *Drijvers J.W. Helena Augusta.* P. 183–184; *Белякова Е.В., Королев А.А., Э.П.А.* Елена // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008. С. 293.

³⁰² *Белякова Е.В., Королев А.А., Э.П.А.* Указ. соч. С. 295.

династических конструкций, однако какое место в них он отводил матери? В первую очередь выделим вопрос о статусе ее отношений с Констанцием Хлором.

а) Елена – конкубина или жена Констанция Хлора?

У нас нет ни одного внятного изложения событий жизни Елены до рождения у нее сына³⁰³. Лишь в конце IV века Амвросий Медиоланский со ссылкой на распространенное мнение (*asserunt*, т.е. «утверждают») сообщает, что она была *stabularia* (*De obitu Theodos. 42*)³⁰⁴, т.е. работница в *stabulum*. Сообщение Амвросия сделано не между делом. Он подчеркивает род занятий Елены, трижды называя ее «*bona stabularia*», и, цитируя Псалтырь (Псалмы 112:7), отмечает, что Бог возвысил Елену до императорского титула *de stercore*, т.е. «из навоза». Слово «*stabulum*» можно понимать как конюшню, постоялый двор и даже публичный дом³⁰⁵. Упоминание «навоза» запутывает ситуацию: это может быть как прямым указанием на конюшню, так и символическое обозначение грязи и ничтожества³⁰⁶. Итак, Елена была служанкой³⁰⁷ в заведении для людей низшего звания. Здесь, согласно Амвросию, она «стала известна Констанцию» (*De obitu Theodos. 42*). Военная

³⁰³ Пожалуй, замечание авторов статьи о Елене в «православной энциклопедии» о «крайней скудости» биографических сведений резонно отнести именно к этому периоду жизни Елены: *Белякова Е.В., Королев А.А., Э.П.А. Указ. соч. С. 293.*

³⁰⁴ Пользуемся изданием: *Sancti Ambrosii ... De obitu Theodosii Oratio // Sancti Ambrosii ... Opera Omnia. Т. II. Parisiis, 1843. Col. 1385–1406.*

³⁰⁵ Значение слова: *Петрученко О.А. Латинско-русский словарь. М., 1914. С. 607; Oxford Latin Dictionary. P. 1813.*

³⁰⁶ Второй трактовке следует синодальный перевод Библии на русский язык: «из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего» (Псалмы 112:7).

³⁰⁷ Перевод слова: *Oxford Latin Dictionary, p. 1812. О занятии Елены: Drijvers J.W. Helena Augusta. P. 15–16; Odahl Ch. M. Op. cit. P. 16; Lenski N. The Reign of Constantine. P. 59. Д. Поттер полагает, что семья Елены была «уважаемой»: Potter D.S. Constantine... P. 28.*

и административная карьера Констанция обуславливала его перемещение по территории государства, и в одну из своих поездок он мог познакомиться с Еленой. Амвросий красноречиво молчит о статусе отношений Констанция и Елены, а между тем немало авторов занимал вопрос – состояли ли родители Константина в браке или это был конкубинат? Приведем существующие точки зрения по тематическим группам в хронологическом порядке.

Воздержавшиеся от суждений или сомневающиеся авторы.	1. Панегирист 307 года, немало внимания уделяя Констанцию Хлору, говорит, что Константин похож на отца «внешностью и характером» (Pan. Lat. 6.14.5); тем красноречивее его молчание о матери, Елене. Ничего не сказано о матери и у Панегириста 310 года. 2. Лактанций в трактате «О смертях гонителей» ни слова не говорит о Елене, и даже впервые представляя Константина, своего главного героя, читателю, называет его лишь сыном Констанция (De mort. pers. 18.10). 3. Евсевий, подробно рассказывая об отце Константина (Vita Const. I.12–22), ни словом не упоминает о матери и об отношениях родителей своего героя. Елена появляется у Евсевия лишь в III книге, в связи с ее церковной деятельностью (Vita Const. III.42). Точно так же вводят Елену в повествование продолжатели Евсевия, Сократ (Hist. Eccl. I.17) и Созомен (Hist. Eccl. II.1). Тот же прием мы видим у Иоанна Малалы: он называет Константина сыном Констанция Хлора (Chron. XIII, p. 316), о Елене сообщает чуть ниже, в рассказе о крещении Константина (Chron. XIII, p. 317). 4. Праксагор Афинский (в сохранившемся изложении) ни словом не упоминает Елену, хотя подробно
---	--

	повествует о Констанции Хлоре. 5. Юлиан, пространно повествуя об истории императорской семьи в своем панегирике Констанцию (Orat. I.5b–10a), ничего не говорит о Елене и обстоятельствах рождения Константина. 6. Евтропий говорит о «довольно сомнительном брачном союзе» (obscurius matrimonium – Brev. X.2.2).
Авторы, признающие брак родителей Константина.	1. Аноним Вalezия называет Елену «первой женой (uxor)» Констанция Хлора (Origo 1.1). 2. Аврелий Виктор без имени обозначает ее как «первую жену (coniunx)» Констанция (De caes. 39.25). 3. Псевдо-Аврелий Виктор поступает так же: «первая жена (uxor)» Констанция (Epitome de caes. 39.2). 4. Феофан называет ее «первой женой» Констанция (Chron. A. M. 5796).
Авторы, отрицающие брак родителей Константина.	1. Иероним отмечает, что Констанций Хлор и Галерий были вынуждены в рамках династической политики тетрархии оставить «жен (uxores), которых имели прежде» (Chron. p. 187 l); затем он пишет, что Константин родился «от конкубины Елены» (Chron. p. 189 h). Павел Орозий цитирует только второе утверждение (Hist. VII.25.16). Обращает на себя внимание компиляторская неаккуратность. 2. Византийский автор «Мученичества св. Артемия», использовавший данные Филосторгия, вкладывает в уста императора Юлиана слова о том, что Елена «ничем не отличалась от проституток» (Philostorg., p. 26–27). 3. Либаний в «Панегирике Юлиану» отмечает, что брат Константина Великого, Юлий Констанций, имел больше

	прав на императорский титул, чем прозрачно намекает и на статус отношений Констанция Хлора и Елены, и, соответственно, на статус родившегося от этого союза Константина (Orat. 18.8). 4. Зосим (зависимый, как мы отмечали в своем месте, от Евнапия) передает мнение Максенция, который считал, что Константин родился от «незнатной, недостойной (ἄσμενος) матери» (Hist. Nov. II.9.2). 5. Автор Пасхальной хроники, сообщая о браке Констанция Хлора и Феодоры, отмечает, что Константин был рожден «от другой какой-то связи (μίξις)» – с Еленой (Chron. Pasch. s.a. 304). Выбор слова говорит скорее в пользу непризнания автором факта брака.
--	---

Практически все авторы – современники Константина воздерживаются от каких-то комментариев на указанную тему (Панегиристы 307 и 310 года, Лактанций, Евсевий и Праксагор). Воздерживается и Юлиан, однако его положение затруднено жанром панегирика и личным отношением к роду Константина. Писавшие вскоре после смерти императора (Аноним Вalezия, Аврелий Виктор, Евтропий) придерживаются идеи брачного союза между родителями Константина (Евтропий сомневается, но факт выбора слова *matrimonium* показателен). Идея об отсутствии брака преобладает среди авторов со второй половины IV века. Когда же был поднят вопрос о статусе отношений Констанция и Елены? Зосим, зависимый от Евнапия, приводит мнение Максенция, который считал Елену «недостойной». Если перед нами мнение Максенция³⁰⁸, а не приписанное ему позднее суждение, то это наиболее ранний источник. Нарративной традиции, которая была бы современна Максенцию и излагала программу его взглядов, мы не имеем, но

³⁰⁸ Такое мнение: *Шабага И.Ю.* Константин и Максенций... С. 189.

в наших руках есть важные официальные источники – монеты. Обращает на себя внимание, что в 310–311 гг., т.е. уже во время противостояния Константина и Максенция, на монетах Рима чеканится посвящение «император Максенций – божественному Констанцию, родственнику (cognato)». Монеты сопровождаются легендой «Вечной памяти»; аналогичная чеканка посвящена другим родственникам Максенция: отцу Максимиану Геркулию, тестю Галерию, сыну Ромулу³⁰⁹. Обожествленный Констанций Хлор вдруг оказался включен в число родственников Максенция во время противостояния последнего с Константином. Родственные отношения (cognatio³¹⁰) Констанция Хлора и Максенция были условны. Родство между ними было возможно двоякое: через брак (Констанций был женат дочери/падчерице Максимиана Геркулия, т.е. на сестре Максенция) и через усыновление (в контексте тетрархических усыновлений Констанций был «сыном» Максимиана Геркулия и, таким образом, «братом» Максенция). Однако признание последнего факта потребовало бы от Максенция признания самого устава тетрархии, между тем он очевидным образом стоял вне этой системы, да и в адрес ее основателя, Диоклетиана, коммеморативная чеканка посвящений не содержит. Что до родства через брак, то на другой сестре Максенция (Фаусте) был женат сам Константин, и этот пример был явно не на руку Максенцию. Кажется, что посвящением Констанцию Максенций хотел не столько заявить реальную претензию на родство, сколько поддеть Константина. Максенций демонстрировал, что Констанций Хлор имеет к его родословной больше отношения, нежели к родословию Константина, рожденного будто бы в сомнительном союзе от женщины неясного статуса.

Интересно, что панегирист 312 года, прославляя победу Константина над Максенцием, говорит среди прочего: «... он (*Максенций – И.М.*) был подложным (suppositus) сыном Максимиана [Геркулия], ты же (*Константин*

³⁰⁹ RIC. Vol. VI. Roma. P. 381–382.

³¹⁰ Cognatio имеет значение в т.ч. и кровного родства: Oxford Latin Dictionary, p. 344–345.

– *И.М.*) – сын благочестивого Констанция» (Pan. Lat. 9.4.3). Были ли утверждения панегириста результатом его собственных спекуляций в области императорской генеалогии? Думается, что нет. Максенций, при всех своих отрицательных качествах, оставался шурином императора Константина³¹¹, и без санкции последнего его очернение было бы невозможно. Таким образом, перед нами – ответ Константина на генеалогическую эскападу Максенция. Панегирик был произнесен после поражения и гибели Максенция, т.е. Константин мстит уже мертвому врагу. *Suppositus* Максенций назван и у Псевдо-Аврелия Виктора (*Epitome de caes.* 40.13), то есть Константин позаботился о том, чтобы его версия происхождения Максенция была зафиксирована историописателями.

На основании высказанных суждений можем предположить, что Зосим передает нам действительную идеологию Максенция, и, следовательно, сама версия об отсутствии брака между Констанцием Хлором и Еленой происходит из противного Константину лагеря. Однако виновником того, что Максенций поднял этот вопрос, был сам Константин, который первым после эпохи императоров-тетрархов заговорил о принципах жесткого династизма. Сами императоры-тетрархи не имели никакой родословной; при их дворе провел свою молодость и Константин, обеспечивая лояльность отца. Это подтверждает, что Константин признавался сыном Констанция – и им самим³¹², и тетрархами. Наконец, при провозглашении Константина

³¹¹ В своем панегирике Констанцию Юлиан говорит, что мать первого была, среди прочего, сестрой одного императора (*Orat.* I.9c). Не исключено, правда, что Юлиан осторожно пытался поддеть Констанция напоминанием о преданном забвению родственнике.

³¹² *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 489. Лактанций сообщает, что в 305 году у Галерия был девятилетний сын Кандидиан, которого он наметил «в цезари» (*De mort. pers.* 20.4) при том, что последний «был рожден от конкубины» (*Ibid.* 50.2). Однако это обстоятельство не помешало ему быть признанным внутри тетрархической коллегии: за него была посватана дочь Максимиана Дазы (*Ibid.* 50.6). Таким образом, среди безродных тетрархов сын от конкубины вполне признавался законным сыном.

императором 25 июля 306 года его безоговорочно признавали сыном Констанция британские легионы. Таким образом, вопрос о статусе матери и о браке его родителей не ставился в принципе.

Выяснив, когда вопрос был поднят, мы мало приблизились к пониманию того, каков был статус отношений Констанция Хлора и Елены. Нарративная традиция, рассматриваемая в хронологической последовательности, изобилует мнениями. Иоанн Зонара в XII веке, словно подводя итог, отмечал, что о Елене «авторы расходятся во мнениях» (*Epit. hist.* XIII.1, col. 1097). Дюканж полагал, что источники дают достаточно подтверждений факту брака Констанция и Елены, с ним согласны Тиллемон и Гиббон³¹³. Во второй половине XIX века Моммзен³¹⁴ безапелляционно заявляет о рождении Константина вне брака. Сегодня в науке нет окончательного мнения³¹⁵, и вопрос, как кажется, довольно далек от разрешения³¹⁶, так как исследователи занимаются преимущественно перетасовкой имеющихся в их распоряжении противоречивых данных нарративной традиции.

³¹³ *Du Cange C.* Op. cit. P. 43; *Tillemont L.*—S. Op. cit. P. 613–614; *Гиббон Э.* Указ. соч. Т. I. С. 588. Характерно это стремление старых авторов «защитить» Елену от нападок враждебной Константину традиции.

³¹⁴ *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 489. Еще более категоричен О. Зеек, который считает, что законность брака была растиражирована уже после смерти Констанция, чтобы угодить Елене или ее сыну: *Seeck O.* Helena (2) // *PWRE.* Bd. VII/14. Sp. 2821. При этом он игнорирует тот факт, что служащие ему опорой в признании Елены конкубиной источники – либо позднего происхождения, либо настроены к Константину отрицательно.

³¹⁵ Новейшие исследователи, отрицающие факт брака между Константином Хлором и Еленой (с разной степенью четкости в формулировках): *Крифт К.* Указ. соч. С. 410; *Brandt H.* Op. cit. S. 28; *Klauss M.* Op. cit. S. 19; *Lenski N.* The Reign of Constantine. P. 59; *Frakes R.M.* The Dynasty of Constantine Down to 363 // *The Cambridge Companion.* P. 92; *Wienand J.* Op. cit. P. 24. Исследователи, признающие факт брака: *Pohlsander H.* Op. cit. P. 13–14; *Odahl Ch. M.* Op. cit. P. 16; *Potter D.S.* Constantine... P. 28; 97.

³¹⁶ Характерный пример – обстоятельная заметка Барнса, который не видит препятствий к факту брака Констанция и Елены, однако избегает внятного и окончательного ответа: *Barnes T.D.* Constantine: Dynasty... P. 33–38.

Оставляя ее в стороне, мы должны обратиться к одному важному источнику, который является свидетелем эпохи. Речь идет о надписях. Все надписи, посвященные Елене относятся ко времени единовластного правления ее сына (после 324 года). Надпись в честь Елены из Салерно, называет ее «целомудреннейшей супругой (coniunx) божественного Констанция» (CIL X.517 = ILS 708). В надписи упомянуты цезари Крисп (имя стерто), Константин-мл. и Констанций, – что датирует надпись 324–326 гг.³¹⁷; установил ее corrector Lucaniae et Bruttiorum (италийский регион) Альпиний Магн, карьера которого известна по другим надписям³¹⁸. Вторая надпись, датируемая после 324 года³¹⁹, происходит из Неаполя. Здесь Елена названа «женой (uxor) божественного Констанция» (CIL X.1483). Инициаторами установки надписями указаны городские магистраты и население. Таким образом, перед нами официальные надписи, которые демонстрируют, без сомнения, официальную точку зрения двора Константина Великого – родители императора состояли в браке, и Елена в 320-ых гг. рассматривалась как вдова обожествленного императора.

Официальная точка зрения, конечно, не является гарантией, что брак имел место в реальности. Но, как мы отметили выше, на основании противоречивых данных нарративной традиции вопрос о реальном статусе брака Констанция Хлора и Елены вряд ли когда-то будет разрешен исследователями. Более того, его гипотетическое разрешение мало что дало бы для понимания эпохи и личности самого Константина Великого. Внутри тетрархии вопрос о различиях между сыном императора от конкубины и от законной жены не ставился. Вопрос же о законности брака Констанция Хлора и Елены уже с 306 года приобретает характер политического спора:

³¹⁷ Drijvers J.W. Helena Augusta. P. 50–51.

³¹⁸ PLRE. Vol. I. P. 534–535: ALPINIVS MAGNVS signo EVMENVVS 8. Дрейверс, считает его представителем сенаторской аристократии и делает предположение о покровительстве ему Елены: Drijvers J.W. Helena Augusta. P. 50–51.

³¹⁹ Drijvers J.W. Helena Augusta. P. 51.

сам Константин, сделав выбор в пользу династизма, первоначально замалчивает этот сложный момент, в то время как его противник Максенций открыто отрицает факт брака. Фигура Констанция Хлора, умершего и обожествленного в 306 году, превращается в своеобразную идеологему: ее используют и Константин, и Максенций. Победителем остался Константин, и в долгосрочной перспективе победила его точка зрения: в его правление брак стал такой же реальностью, как и «происхождение» всего рода Константина от императора Клавдия Готского. Сам Константин, сын своего отца, стал его наследником, а его мать получила титул августы, статус супруги обожествленного и матери правящего императора. Рассмотрим же ее положение в семье Константина.

б) Елена – мать императора.

– *Елена Nobilissima Femina (?)*.

У нас нет данных о том, когда Константин, бежав от двора Галерия летом 305 года, встретил мать. Логично предположить, что, будучи провозглашен императором 25 июля 306 года, он пригласил ее ко двору³²⁰. До получения ею титула августы в 324/325 гг. оставалось немало времени, а до того положение Елены неясно. На основании фессалоникийской чеканки 318–319 гг. с портретом некой Елены и легендой «*Helena Nobilissima Femina*»³²¹ исследователи³²² предполагают, что она получила от сына этот титул. Однако высказывалось мнение, что чеканка была посвящена жене цезаря Криспа,

³²⁰ Kienast D. Op. cit. S. 304. Ч.М. Одал по неясным причинам датирует это событие 313 годом: Odahl Ch. M. Op. cit. P. 123.

³²¹ RIC. Vol. VII. Thessalonica. P. 503.

³²² К примеру: Seeck O. Helena (2). Sp. 2821; Kienast D. Op. cit. S. 304; Potter D.S. Constantine... P. 171; Valeva J. Empresses of the Fourth and Fifth Centuries: Imperial and Religious Iconography // Niš & Byzantium VII (2008). P. 68.

также Елене³²³. Вопрос вряд ли возможно решить на основании только одного этого источника; признаем, что у нас нет надежных свидетельств того титула, которым пользовалась Елена в ранний период правления своего сына. Примечательно, что она ни разу не упоминается в панегириках (в то время как отсылки к образу отца Константина, императора Констанция Хлора, нередки); о ней молчат Лактанций, Евсевий в своей «Церковной истории», Праксагор, т.е. вся современная интересующему нас периоду традиция. Едва ли не единственное обстоятельное сообщение о ее деятельности в это время сводится к краткому отрывку из письма императора Юлиана к коринфянам (в изложении Либания): «“У меня к вам (*жителям Коринфа – И.М.*) отцовская дружба. Ведь у вас жил мой отец и, оттуда выехав, как от феаков Одиссей, избавился от этого многолетнего странствования”. Затем, немного распространившись о злодейке – мачехе, “здесь (*в Коринфе – И.М.*)”, говоришь ты, “отец мой отдохнул”» (Iul. apud Liban. Orat 14.30). Речь в отрывке идет о Юлии Констанции, сыне императора Констанция Хлора и его супруги Феодоры; брате (по отцу) Константина Великого и отце императора Юлиана. Поскольку кроме жены/конкубины Елены и жены Феодоры никакие другие женщины Констанция Хлора не известны, то в «мачехе» следует видеть Елену. Итак, Юлиан отмечает, что Елена способствовала скитаниям его отца³²⁴. На положение братьев Константина в этот период проливает свет поэт Авсоний, который сообщает о том, как они «в богатой Толозе / мнимым изгнанием (*specie exilii*) томясь, дни проводили свои» (De prof. Burd., 16, 11–12)³²⁵. Не касаясь сейчас хронологии и географии ссылок братьев, отметим, что Константин удалил их от двора; Юлиан связывает это обстоятельство с

³²³ RIC. Vol. VII. Thessalonica. P. 493–494; смотри также специальную статью: *Alföldi M.R.* Helena nobilissima femina: zur Deutung der Trierer Deckengemälde // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. 1959/1960. Bd. X. S. 82–83.

³²⁴ Й.В. Дрейверс в принципе отказывается принимать эти сведения во внимание: *Drijvers J.W.* Helena Augusta. P. 52–53. Ft. 44.

³²⁵ Здесь и далее перевод Ю.Ф. Шульца по изданию: Авсоний. Стихотворения. М., 1993.

Еленой, но примечательно, что, хотя Константин и прислушивается к ее мнению, ссылка была мнимой, не сопряженной с потерями³²⁶ в статусе. Справедливо говорить об уважении Константина к матери, а не о ее большом влиянии, которое видит здесь О. Зеек³²⁷.

Одной из важнейших резиденций Константина в «западный» период его правления была Августа Треверов, с которой средневековая западная традиция прочно связывает Елену³²⁸. Эти данные мало что дают для понимания статуса Елены при дворе Константина. Скорее их следует воспринимать в качестве стремления позднейших авторов заполнить лакуны в жизнеописании Елены. Бóльший интерес представляют две камеи этого периода, изображающие семью императора Константина Великого³²⁹. Первая

³²⁶ Гиббон полагал саму их дальнейшую придворную карьеру показателем «братских чувств» Константина: Гиббон Э. Указ. соч. Т. I. С. 591. См. также: *Odahl Ch. M.* Op. cit. P. 116. Биограф Юлиана Р. Браунинг, откровенно додумывая текст источника, полагает, что братья под влиянием Елены были помещены «под своего рода домашний арест» и окружены соглядатаями: *Browning R.* Op. cit. P. 31–32. Положение братьев при дворе Константина мы рассмотрим в своем месте.

³²⁷ *Seeck O.* Helena (2). Sp. 2821; *Browning R.* Op. cit. P. 31.

³²⁸ Сведения эти касаются в основном церковной деятельности Елены. В частности, сообщается, что Елена передала епископу Агрицию свою резиденцию в Августе Треверов, которая и был им перестроена в Трирский собор св. Петра; туда же она будто бы передала некоторые реликвии, найденные ею в ходе паломничества в Святую землю: *Drijvers J. W.* Helena Augusta. P. 21–30; *Белякова Е.В., Королев А.А., Э.П.А.* Указ. соч. С. 294. Археологические раскопки действительно выявили наличие здесь резиденции с большим количеством фресок, которые изображают, как считается, членов семьи Константина. Вокруг идентификации изображенных персонажей идут споры; саму резиденцию, однако, связывают со старшим сыном Константина, Криспом: *Drijvers J. W.* Op. cit. P. 24–30.

³²⁹ Это не общепринятая, однако преобладающая в научной литературе идентификация изображенных на камее персонажей, которой придерживаемся и мы: *Drijvers J. W.* Op. cit. P. 192–193; *Kleiner D.E.E.* Op. cit. P. 442.

камея, т.н. *Gemma Constantiniana* (ок. 312–315 гг.³³⁰), изображает сцену триумфа императора Константина, который (в образе Юпитера) едет на колеснице в сопровождении двух женщин и мальчика (очевидно, Криспа³³¹). Колесницу сопровождают два кентавра и парящая Виктория с лавровым венцом в руках. Константин смотрит в глаза обнимаемой им левой рукой женщины (очевидно, что это Фауста), а за его правым плечом представлена другая женщина, в которой следует видеть Елену. Своей рукой она приобнимет сына, одновременно, повторяя жест Фаусты, указывая на мальчика. Вторая гемма, т.н. *Ada Cameo* (316–324 гг.³³²), изображает императорскую семью статично, без каких-либо сцен: пожилая женщина (Елена), крупное изображение мужчины (Константин), голова маленького ребенка (Константин-мл.), крупное изображение женщины (Фауста), юноша (Крисп). На обеих камнях бóльший акцент сделан на женщине, которая идентифицируется как Фауста. Это можно объяснить тем, что в период борьбы за власть Константин, следовавший принципам династизма, был заинтересован в рождении его супругой порфирородных сыновей (на второй камне в центре изображен как раз ее сын – Константин-мл.). В отличие от Фаусты Елена уже выполнила свою задачу – дала государству императора, однако показателен факт ее присутствия в обоих случаях за правым плечом сына: мать находится при сыне и поддерживает его начинания.

³³⁰ Общепринятая датировка: *Potter D.S. Constantine... P. 242; Halbertsma R.B. Nulli tam laeti triumphī – Constantine's victory on a reworked cameo in Leiden // Babesch. 2015. № 90. P. 231.* Существует, впрочем, более поздняя датировка – 324 год: *Stephenson P. A note on the Constantinian Cameo, now in Leiden // Babesch. 2015. № 90. P. 239–240.*

³³¹ Сторонники поздней датировки камеи предлагают видеть здесь третьего сына Константина Великого, Констанция: *Stephenson P. Op. cit. P. 239–240.* Однако в таком случае неясно, почему на камне 324 года должен быть изображен только один цезарь, малолетний Констанций, хотя у него было два старших брата-цезаря. Разумные аргументы против этой точки зрения: *Bardill J. Op. cit. P. 170–171.*

³³² Датировка: *Odahl Ch. M. Op. cit. P. 126; Kleiner D.E.E. Op. cit. P. 441–442.*

Итак, в период борьбы Константина за власть Елена безусловно находилась при сыне, но фигура ее сравнительно малозаметна. Несомненно, что она была окружена определенным почетом, однако говорить о каком-то официальном ее статусе и сопряженном с ним влиянии не приходится. Можем допустить, что она пользовалась титулом *nobilissima femina*, однако он не зафиксирован достаточно надежно. В каком-то смысле она в этот период уступала даже своей невестке, Фаусте, так как та упоминалась в официальных источниках (панегириках). Можно предположить, что связано это было со спорным происхождением и статусом Елены, которые могли запросто стать мишенью для нападков в условиях борьбы Константина с соперниками. Ситуация резко меняется в 324 году, когда Константин одолевает последнего противника, получает единоличную власть и удостоивает мать и жену титула августы.

– *Елена Augusta*.

С достижением единовластия Константин не замедлил распорядиться императорскими титулами: 8 ноября 324 года³³³ титул цезаря, отнятый у Лициния-мл., получает средний сын Константина Констанций; очевидно тогда же³³⁴ жена и мать императора становятся августами. Последней, кто носил такой титул, была дочь Диоклетиана и жена Галерия – Галерия Валерия³³⁵, которая погибла за десять лет до описываемых событий. Однако нет ничего удивительного в присвоении этого титула жене императора, – и это объясняет принятие титула Фаустой, порфирородной женой правящего императора и матерью его сыновей. Иначе обстоит дело с «августой-

³³³ Bruun P.M. Op. cit. P. 26; Kienast D. Op. cit. P. 314.

³³⁴ Источники не дают точной датировки. П. Бруун синхронизирует эти провозглашения с официальным присвоением Констанцию титула цезаря (8 ноября 324 года): Bruun P.M. Op. cit. P. 26; Kienast D. Op. cit. S. 304–305.

³³⁵ PLRE. Vol. I. P. 937: Galeria Valeria; Kienast D. Op. cit. S. 286.

матерью», в статусе которой оказалась Елена. Последней же «августой-матерью» до Елены была Геренния Этрусцилла (250–251 гг.). Таким образом, решение Константина было до некоторой степени новшеством. Евсевий сообщает: «...у всех народов и во всей войске она (*Елена – И.М.*) называлась августой и василисой³³⁶, и ее лик изображался на золотых монетах» (*Vita Const.* III.47). Согласно Евсевию император сделал провозглашение матери публичной акцией (в нем принимают участие «все народы»³³⁷ и «все войско»³³⁸), однако нарративные источники не дают возможность проверить эти сведения, происходящие из источника очевидно панегирического. Куда ценнее слова Евсевия о «золотых монетах» – они подтверждаются данными нумизматики³³⁹. Ничего удивительного, впрочем, что член династии с императорским титулом появляется на монетной чеканке. Все монетные портреты августы Елены изображают ее в диадеме, которая была усвоена Константином после 324 года. Это обстоятельство обращает на себя особое внимание в свете того, что количество монет, изображающих вторую

³³⁶ Словом «βασιλεύς» Евсевий называет императоров в принципе (*Vita Const.*, I.22); но при этом отделяет его от «автократора», «августа» и «цезаря» (*Vita Const.* I.1). Таким образом, βασιλεύς = император; английские комментаторы предлагают перевод титула Елены у Евсевия «Augusta Imperatrix»: Eusebius. P. 139. Однако imperatrix не может быть официальным титулом, так как не зафиксировано источниками в таком качестве, а в классическом латинском языке оно имело скорее иронический оттенок: Oxford Latin Dictionary, p. 843. Таким образом, Евсевий не передает нам официальный титул Елены.

³³⁷ Очевидно, что это выражение следует воспринимать в контексте идеологии Евсевия (*Vita Const.* I.8) о Константине как о покорителе всей ойкумены (сравни использование Константином титула victor omnium gentium: RIC. Vol. VI. Treveri. P. 222). Таким образом, провозглашение Елены было известно «по всей ойкумене».

³³⁸ Источники не фиксируют ни контактов между Елены с армейскими кругами, ни ее военных титулов (e.g. mater castrorum). Возможно, Константин объявил о провозглашении матери на военной сходке; возможно, это просто риторическая фигура.

³³⁹ Примеры золотых монет: RIC. Vol. VII. Sirmium. P. 476, № 60; Thessalonica. P. 517, № 149; Nicomedia. P. 613, № 79–80. Акцент Евсевия на чеканке именно золотых монет, вероятно, сделан, чтобы особенно подчеркнуть степень уважения Константина к матери.

августу, Фаусту, с диадемой, довольно редки³⁴⁰. Возможно, что есть основания говорить о некой иерархии август внутри дома Константина – однако об этом несколько позже. Еще одна важная деталь монетной чеканки в честь Елены – это лозунг «Безопасность (*securitas*) Государства»³⁴¹, который окружает персонификацию Безопасности на обратной стороне монет. Несколько неожиданный для женщины лозунг, однако, становится понятен, если обратиться к тексту надписей в ее честь – приведем здесь фрагмент наиболее образцовых (с точки зрения перечисленных титулов):

Салерно: «Госпожа наша Флавия Августа Елена, божественного Констанция ... супруга (*coniunx*), родительница (*procreatrix*) ... Константина..., бабка (*avia*) ... цезарей» (CIL X.517 = ILS 708).

Неаполь: «Госпожа наша Августа Елена, мать (*mater*) ... Константина и бабка (*avia*) ... цезарей, жена (*uxor*) божественного Констанция» (CIL X.1483).

Мы видим, что наряду с титулом («госпожа наша августа») надписи фиксируют подкрепляющий его генеалогический аргумент: Елена – супруга обожествленного императора, мать³⁴² правящего императора и бабка будущих. Это ставит Елену формально в превосходное положение по отношению даже к Константину, так как она является основанием и родоначальницей династии (и пышное слово *procreatrix* здесь очень удачно).

Выше мы уже отмечали исследовательский интерес к паломничеству Елены, которое началось где-то в конце 326 года³⁴³, однако где она

³⁴⁰ *Drijvers J.W.* Helena Augusta. P. 42–43. К.Г. Холум, впрочем, несколько безосновательно считает эти диадемы деталями украшения: *Holum K.G.* Op. cit. P. 33–34.

³⁴¹ *Bruun P.M.* Op. cit. P. 53.

³⁴² Кроме пышного «*procreatrix*» и обычного «*mater*» надписи дают еще *genetrix* (CIL VI.1134 = ILS 709; CIL VI, 1135).

³⁴³ *Kienast D.* Op. cit. S. 304.

находилась до этого? Традиционно резиденцией Елены считается Сессорианский дворец в Риме³⁴⁴. Место жительства для нас не столь принципиально; гораздо важнее обратить внимание на сам город. Современник событий Евсевий отмечает, что она умерла³⁴⁵ «в присутствии сына³⁴⁶» (Vita Const. III.46), а после ее тело было перенесено с подобающими церемониями в «царствующий город» (ἐπὶ τὴν βασιλεύουσαν πόλιν – Vita Const. III.47). Говоря о жителях Рима в другом месте своего труда, Евсевий использует выражение οἱ δὲ τὴν βασιλίδαν πόλιν οἰκοῦντες (Vita Const. IV.69), в связи с чем становится понятно, что Елена была похоронена в Риме³⁴⁷. На основании того, что Константин позаботился доставить тело матери именно в Рим, мы можем говорить, что Елена была тесно связана с этим городом. Еще Т. Моммзен отмечал, что правление Константина в географическом смысле

³⁴⁴ Этот вывод основан на сообщении Liber Pontificalis, надписи о проведенном Еленой ремонте бань, расположенных рядом и пострадавших от пожара (CIL VI, 1136), а также устроенной в одном из залов дворца базиликой Санта-Кроче-ин-Джерусалемме, предназначенной для хранения реликвий, привезенных Еленой из Святой земли: *Colli D. Il palazzo Sessoriano nell'area archeologica di S. Croce in Gerusalemme: ultima sede imperiale a Roma? // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité T. 108, No 2 (1996). P. 771–815; Richardson L. Op. cit. P. 361–362; Drijvers J.W. Helena Augusta. P. 32–34.*

³⁴⁵ Дата смерти Елены – дискуссионный вопрос. Тиллемон датировал ее примерно 328 годом: *Tillemont L.–S. Op. cit. P. 228.* Позднейшие исследователи полагают возможным датировать ее 327–329 гг.: *Seeck O. Helena (2). Sp. 1822; Bruun P.M. Op. cit. P. 72–73; Kienast D. Op. cit. S. 304; Odahl Ch. M. Op. cit. P. 219.*

³⁴⁶ В любом случае после 326 года Константин в Рим не возвращался и пребывал на востоке: *Kienast D. Op. cit. S. 300.*

³⁴⁷ Местом погребения определяется мавзолей, который Константин строил для себя. Имеющийся в Ватикане саркофаг, именуемый саркофагом Елены, декорирован военными сценами, что предполагает изначальную принадлежность его Константину: *Holloway R.R. Op. cit. P. 87.* Позднейшая традиция, обыгрывая статус Константинополя как «Нового Рима», полагала, что Елена была похоронена рядом с сыном, но исследователями эти сведения отвергаются, как несостоятельные: *Johnson M.J. Where were Constantius I and Helena Buried? P. 147–150.*

есть переход от Запада к Востоку, что увенчалось основанием новой столицы – Константинополя³⁴⁸. После 326 года Константин уже не вернется в Рим³⁴⁹, и связь его матери с этим городом приобретает особое и даже символическое значение: она подчеркивает единство императорского дома и единство государства (вспомним монетный лозунг «Безопасность Государства»).

Почтение к Елене Константин выразил также и через присвоение ее имени. Так была названа вторая дочь Константина³⁵⁰, которая должна была быть его младшим ребенком. Это обстоятельство тем примечательнее, что всех прочих своих детей от Фаусты Константин называл именами – производными от своего. Более того, Созомен отмечает, что в память о Елене были переименованы два города: «один в Вифинии и другой у палестинцев» (Hist. Eccl. II.2). Первый город – это вифинский Дрепан, о переименовании которого в Еленополис сообщают многие авторы (Euseb. Vita Const. IV.61; Hieron., Chron. P. 191 n; Philostorg. Hist. Eccl. II.12, p. 24³⁵¹; Procop. De aedif. V.2.1–2³⁵²; Chron. Pasch. s.a. 327). Второй город, переименованный в честь

³⁴⁸ Моммзен Т. Указ. соч. С. 499–500.

³⁴⁹ Согласно данным источников Константин посещал Рим трижды – в 312/313, в 315 и в 326 гг.: Bruun P.M. Op. cit. P. 76–77; Kienast D. Op. cit. S. 299–300.

³⁵⁰ PLRE. Vol. I. P. 409 – 410: Helena 2.

³⁵¹ Филосторгий связывает переименование города с почитанием Еленой погребенного в этом городе св. Лукиана Антиохийского. Ученики этого святого выступали в поддержку Ария, что обусловило несколько поспешный вывод о близости к арианству самого Лукиана, а также сочувствия к ним со стороны Елены: Белякова Е.В., Королев А.А., Э.П.А. Указ. соч. С. 294.

³⁵² Сообщение Прокопия Кесарийского уникально: «отсюда, *говорят*, происходила Елена» (De aedif. V.2.1–2). Таким образом, Дрепан претендует (согласно слухам, на которые опирался Прокопий) на то, чтобы быть родиной Елены. В качестве таковой он принимается многими исследователями: PLRE. Vol. I. P. 410: Fl. Iulia Helena 3; Syme R. Op. cit. P. 61. М. Каява логично отмечает, что Прокопий не первый, кто сообщает о переименовании, однако его сведения о рождении Елены не подтверждаются никакими прочими данными: Kajava M. The Name and the Origin of Helena Augusta // Arctos. 1985. Vol. XIX. P. 52–54. На наш взгляд, принять данные Прокопия безоговорочно нельзя; само

Елены, Созомен локализует в Палестине, – это совр. Дабурия в северном округе Израиля³⁵³. Кроме всего прочего, в VI веке император Юстиниан в одной из своих новелл отмечает, что Константин в честь «своей матери, блаженной памяти Елены» назвал провинцию Еленопонт (Iust. Nov. 28, cap. 1). Елена стала первым членом (!) императорской семьи Константина, в честь которого он переименовывал географические объекты³⁵⁴.

Константин также счел необходимым почтить память матери при строительстве своей столицы. Иоанн Малала сообщает, что император установил «статую своей матери Елены Августы на небольшой порфировой колонне» на площади напротив здания сената в Константинополе (Malal., Chron. XIII, p. 321; Chron. Pasch. s.a. 328). Сама площадь получила название Αὑγουσταῖον, что связывалось византийскими авторами с титулом Елены³⁵⁵. Установка статуи Елены в Константинополе тем примечательнее, что в новой столице не зафиксировано ни одной статуи в честь отца Константина, Констанция Хлора. Порфировая колонна также должна обратить наше внимание – колонна из аналогичного материала поддерживала статую самого Константина на Константинопольском форуме его имени³⁵⁶.

Итак, мы видели, какой путь прошла Елена. Ее брак были наиболее сложным моментом в генеалогических построениях Константина Великого. Именно поэтому он держал мать несколько в тени все то время, пока был

переименование не является аргументом в пользу рождения здесь Елены, так как в противном случае Константину Великому следовало назвать в свою честь Константинополем не Византий, а родной ему Наисс.

³⁵³ Lenski N. *Constantine and the Cities*. Philadelphia, 2016. P. 159–161.

³⁵⁴ Разумеется, первым после самого Константина, который уже в 313 году переименовал в честь себя отстроенную им Цирту. Н. Ленски отмечает, что Константин Великий в данном случае следует давней, еще эллинистической традиции именования городов в честь женщин императорской семьи: *Lenski N. Constantine and the Cities*. P. 159.

³⁵⁵ Müller-Wiener W. *Op. cit.* S. 248; Potter D.S. *Constantine...* P. 260.

³⁵⁶ Müller-Wiener W. *Op. cit.* S. 255.

занят борьбой за единоличную власть. В официальном пространстве матери как бы не существовало: в официальных источниках Константин представлен сыном Констанция Хлора, что отводило от Елены возможные нападки противников Константина. Вместе с тем показательно, что после победы над клеймившим его происхождением Максенцием Константин отвечает ему – уже мертвому (!) – тем же и представляет его подкидышем. Обратим внимание, что такая фальсификация «лишала» Максенция и отца, и матери. Таким образом, даже в период пребывания Елены в тени Константин чрезвычайно чуток к статусу своей матери. При его дворе она окружена почетом, и Константин прислушивается к ее мнению: в случае со своими братьями по отцу он явно идет навстречу пожеланиям матери (при этом не разделяя, как кажется, ее мнения или не относясь к нему слишком серьезно). Все это демонстрирует личное отношение Константина.

Ситуация меняется в 324 году, когда Константин, оставшись единоличным правителем, получил свободу в формировании правящей династии. Елена из малозаметной фигуры стала родоначальницей династии, слава которой была увековечена всеми доступными средствами – монетными чеканками, надписями и переименованиями географических объектов. В роли родоначальницы Елена потеснила Констанция Хлора, значение персоны которого заметно падает после 324 года. Вероятно, мы можем говорить здесь о личном выборе Константина.

Характеризуя отношение Константина к матери, Евсевий называет императора «почитающим мать от избытка благочестия (δι' εὐσεβείας ὑπερβολὴν μητέρα τιμῶν)» (Vita Const. III.47). Сам автор видит в этом важную для него иллюстрацию христианской добродетели, однако несомненно, что εὐσεβεία в данном случае эквивалентно и традиционной римской *pietas*, которая подразумевала в т.ч. почитание родителей³⁵⁷. Таким образом, персона Елена и ее почитание являют собой важные элементы не только в

³⁵⁷ Wagenvoort H. *Pietas. Selected Studies in Roman Religion*. Leiden, 1980. P. 7–9.

династической политике, но и во всей идеологии императорской власти Константина Великого.

§ 2. Женщины императора Константина Великого

Мы намеренно отказываемся в названии параграфа от слова «жена», т.к. нарративная традиция фиксирует взаимоотношения Константина с женщинами разного статуса (что мы, собственно, и рассмотрим). Личная жизнь императора зафиксирована довольно отрывочно. В поисках надежной опоры мы могли бы обратиться к *testimonia* самого Константина. Однако он нигде – ни в речах, ни в обширной переписке – ни словом не обмолвился о своей личной жизни³⁵⁸ и никак прямо не проявил личного отношения даже к жене, с которой прожил порядка девятнадцати лет (307–326 гг.) и которая родила ему троих сыновей и двух дочерей. Однако, следуя хронологическому порядку, мы должны начать с первой известной нам женщины Константина, которая могла иметь значение для его династической политики как мать его первого сына – Криспа.

а) Минервина.

Статус матери Криспа, первого сына Константина, рожденного до его брака с Фаустой, не ясен. Псевдо-Аврелий Виктор, единственный называя ее по имени (Минервина), использует термин *concubina* (*Epitome de caes.* 41.4), Зосим сообщает о наложнице³⁵⁹ (παλλακή – *Hist. Nov.* II.20.2). Другая ситуация в официальных источниках. Оратор, произносивший речь на свадьбе Константина и Фаусты в 307 году, говорит:

³⁵⁸ Малозначимое исключение – упоминание тещи Евтропии в переписке с церковными деятелями: «моя благочестивейшая теща» (*Euseb. Vita Const.* II.52).

³⁵⁹ Наложницей она, без указания имени, названа и Зонарой (*Epitome hist.* XIII.2, p. 179).

«...выйдя из отроческого возраста, [Константин] сразу подчинился законам о браке, так что на заре своей юности сформировал душу, готовую к супружеству и не допустил в свое святое сердце никаких изменчивых влечений, никаких наслаждений, присущих этому возрасту, уже тогда явив собой новое чудо – юношу, всецело преданного жене (*iuvenis uxorius*)? (Pan. Lat. VI.4.1).

Речь явно идет о женщине, занимавшей место жены Константина до Фаусты; вероятнее всего, что автор указывает на Минервину. Официальное упоминание, а также выбор слова *uxor*, т.е. «жена», позволяет предположить, что Минервина была не сожительницей (*concubina*), но законной женой (*uxor* / *coniunx*)³⁶⁰. Упоминание прежней жены (не говоря уж о наложнице) Константина не очень уместно в присутствии жены молодой (Фаусты), а также тестя (Максимиана Геркулия). В связи с этим мы принимаем давно озвученную в историографии мысль, что к моменту этой свадьбы Минервина уже умерла³⁶¹. Косвенное же указание на эту женщину, вероятно, использовано автором с целью демонстрации целомудрия жениха.

Нас, впрочем, интересует вопрос – была ли Минервина задействована в династических конструкциях Константина? На основании того факта, что ее имя ни разу не упоминается на официальном уровне, мы вынуждены дать скорее отрицательный ответ. Любопытна точка зрения Т.Д. Барнса, который

³⁶⁰ PLRE. Vol. I. P. 602–603: *Minervina*. Составители PLRE отметили возможность законного брака как раз со ссылкой на автора панегирика, указав одновременно и традиционную точку зрения о статусе Минервины, как сожительницы. См. также: *Enßlin W. Minervina* // PWRE. Bd. XV/30. Sp. 1802.

³⁶¹ Джонс считал, что Константин развелся с Минервиной специально для брака с Фаустой: *Jones A.H.M. Op. cit.* P. 60. Точка зрения сохраняет свою актуальность до сих пор: *Lenski N. The Reign of Constantine.* P. 64; *Frakes R.M. Op. cit.* P. 93. На наш взгляд, это мнение несостоятельно. В качестве примера развода в свете династического брака можно привести Констанция Хлора и Галерия, однако оставленные ими женщины не упоминались более на официальном уровне в связи с их биографией.

считает Минервину родственницей (племянницей) Диоклетиана³⁶². Исследователь подкрепляет свое мнение тремя соображениями. Во-первых, Константин, как член большой тетрархической семьи, должен был получить в жены «принцессу» (как его отец, Констанций Хлор, и Галерий, а также женатый на дочери последнего Максенций, сын Максимиана Геркулия); во-вторых, имя Минервины отсылает к Минерве, дочери Юпитера, который считался покровителем Диоклетиана; в-третьих, Константин позже постарался дистанцироваться от персоны Диоклетиана. Первый аргумент кажется натяжкой; логичен вопрос – если императорское происхождение жен перечисленных императоров зафиксировано источниками, то почему нет таких свидетельств о Минервине? Аргумент с именем также не выглядит убедительным – похожее имя (Минервий) носили два ритора из Бурдигалы³⁶³, которых в таком случае стоит также записать в «родственники» Диоклетиана. Третий аргумент, хотя и может быть подкреплен единичными случаями уничтожения имени Диоклетиана в ряде надписей³⁶⁴, все же несостоятелен. Диоклетиан никогда не был предан проклятию памяти; Аммиан Марцеллин сообщает о существовании еще в 350-х гг. «гробницы Диоклетиана», накрытой «пурпурным покрывалом» (*Res Gest.* XVI.8.4). Нелюбовь Константина к Диоклетиану могла иметь личный характер³⁶⁵. Но в политическом смысле он бы все-таки воспользовался этой родственной связью, как пользовался и будет пользоваться позже своим родством с Максимианом Геркулием.

³⁶² Barnes T.D. *Constantine: Dynasty...* P. 48–49.

³⁶³ PLRE. Vol. I. P. 603–604.

³⁶⁴ Kienast D. *Op. cit.* S. 267. Примеры таких надписей (CIL, VIII, 309; 1862; 2572 etc.) довольно показательны: Диоклетиан в них упомянут наравне с Максимианом, память которого была проклята Константином и была предана забвению в период 310–317 гг. Стоит сравнить эти данные с сообщением Лактанция, который отмечает, что, поскольку Максимиан обычно изображался вместе с Диоклетианом, то страдали и изображения Диоклетиана (*Lact. De mort. pers.* 42.1).

³⁶⁵ Об этом: Князький И.О. Указ. соч. С. 116; Уильямс С. Указ. соч. С. 278–280.

Подводя итог, можем сказать, что Константин состоял с Минервиной в отношениях, будучи частным человеком; став императором, он никак не использовал ее в династических конструкциях. Показательно, что панегирист видит в ее судьбе удачный пример, подчеркивающий воздержанность Константина, на тот момент – уже императора. Эту воздержанность панегирист считает нужным отметить в свете нового брака Константина...

b) Фауста.

... с Флавией Максимой Фаустой, порфирородной³⁶⁶ дочерью со- основателя тетрархии Максимиана Геркулия. Как мы помним, приданным Фаусты был титул августа, который в условиях полной дезинтеграции власти Константин предпочел принять из рук соправителя Диоклетиана. Сразу после свадьбы Фауста занимает свое положение в императорской семье: в Августе Треверов с конца 307 года и в течение всего 308 года выходит серия монет с ее портретом, легенда называет ее «*nobilissima femina*». Обратную сторону монеты украсили изображением богини Венеры, что, очевидно, отсылает к недавней свадьбе³⁶⁷.

В 310 году Константин ссорится со своим тестем; противостояние заканчивается разгромом и смертью последнего. Как это отразилось на положении Фаусты? Самый ранний информатор – Лактанций – сообщает, что

³⁶⁶ Фауста была дочерью Максимиана Геркулия и его супруги Евтропии. Юлиан в панегирике кузену Констанцию назвал город Рим «давшим рождение» его матери, т.е. Фаусте (Iul. Orat I.5 c–d). О. Зеек предположил, что рождение Фаусты следует датировать 298 годом, когда Максимиан Геркулий прибыл в Рим: Seeck O. Fausta (3) // PWRE. Bd. VI/12. Sp. 2084. Д. Кинаст предполагает, что этот первый приезд в Рим мог иметь место в 299: Kienast D. Op. cit. S. 273. Эти даты рождения предполагают, что к моменту свадьбы в 307 году Фаусте еще не было и 10 лет. В таком случае, становится понятно, почему брак долго не давал Константину детей и почему он, тем не менее, продолжал сохранять его. Впрочем, принимать эти данные безусловно нельзя.

³⁶⁷ RIC. Vol. VI. Treveri. P. 216.

Максимиан Геркулий собирался лично убить зятя и надеялся на помощь Фаусты, которую просил, чтобы «спальня (*Константина и Фаусты – И.М.*) оставалась открытой»; дочь однако выдала все планы мужу (Lact. De mort. pers. 30.2). Хотя история Лактанция и наполнена интригующими подробностями, что выдает очевидный анекдот³⁶⁸, реальное участие Фаусты в раскрытии заговора зафиксировано другими источниками. Об этом пишут христиане Иероним (Максимиан Геркулий был «изобличен Фаустой» – Chron. p. 189 m) и зависящий от него Орозий (Hist. VII.28.10), а также язычник Зосим: «Фауста его (*Максимиана Геркулия – И.М.*) замысел предотвратила и сообщила обо всем Константину» (Hist. Nov. II.11). Итак, данные представлены разными традициями, что надежно свидетельствует о выборе Фаусты. Но падение отца делало сомнительным и положение дочери³⁶⁹: отныне брак с ней не имел для Константина никаких выгод. Как Фаусте удалось удержаться в своем статусе?

Выше мы уже отмечали, что после разгрома Максенция в 312 году пропаганда Константина официально объявила его не-сыном Максимиана Геркулия; автор панегирика допускает достаточно нейтральный тон³⁷⁰ по отношению к со-основателю тетрархии. Становится понятно, что предав Максимиана проклятью памяти в 310 году, Константин все же «приберег» фигуру тестя на будущее. Расчет, если он был, оправдался: разгромленный Максенций, представленный не-сыном Максимиана Геркулия, был заявлен главным противником Константина; это открывало путь к реабилитации

³⁶⁸ Jones A.H.M. Op. cit. P. 63–64.

³⁶⁹ Показательно в этом смысле нескрываемое удовлетворение Лактанция, который, описывая устроенное Лицинием в 313 году избиение членов семьи тетрархов, замечает: «...по правому и справедливому Божьему суду они получили то, что сами совершали» (De mort. pers. 50.8).

³⁷⁰ Оратор указывает, что тот пытался лишить Максенция незаконной власти (Pan. Lat. 9.3.3); через выявление отрицательных черт внешности и характера Максенция (Pan. Lat. 9.4.3–5) вырисовывается достаточно положительный образ Максимиана.

тестя, что повышало статус и Фаусты, и ее будущих детей – важное подспорье в генеалогических конструкциях Константина. Среди прочего, анонимный оратор прославляет целомудрие Константина, «посвященное одной лишь супруге» (Pan. Lat. 9.4.4). Фраза показательна: жена пребывает в тени своего мужа, служа удачной иллюстрацией его качеств³⁷¹. Письменные источники, впрочем, молчат о деятельности Фаусты после 310 года. Выше, в разделе о Елене, мы уже упоминали ее присутствие на геммах, изображающих императорскую семью, однако ничего, кроме фиксации ее статуса (жена императора и мать сыновей – будущих императоров), они нам не дают. Можно отметить, что акцент на ее изображении на геммах больше, однако, по-видимому, это связано с ожиданием от нее рождения порфирородных детей, как опоры императорской семьи. В 316 году у Фаусты, наконец, рождается долгожданный первый сын, который, что показательно, был назван в честь отца – Константин-мл. (оговоримся, что в науке существует мнение, что он не был сыном Фаусты³⁷²; к нему вернемся позже); в 317 году – второй, получивший имя деда Констанций. Эти роды совпадают с первым конфликтом Константина и Лициния³⁷³, а также с выпуском монет в честь Максимиана Геркулия. Последний прославляется

³⁷¹ Обратим внимание, что теперь оратор не нуждается в упоминании прежней спутницы Константина для демонстрации его личных качеств, как это было на свадьбе в 307 году.

³⁷² Мнение О.Зеека: *Seeck O. Constantinus* (3). Sp. 1026. Это мнение разделяют составители PLRE: PLRE. Vol. I. P. 223. Fl. Claudius Constantinus 3.

³⁷³ Хроники конфликт Константина и Лициния осенью 314 года, однако довольно давно в науке высказан мысль, что эти сведения ошибочны, а сам конфликт стоит датировать осенью 316 года: *Bruun P.M. Op. cit. P. 76; Kienast D. Op. cit. S. 299; Barnes T.D. Constantine: Dynasty ... P. 103*. На сегодняшний день точка зрения довольно широко. Согласны с ней и мы, тем более, что провозглашение цезарями сыновей Константина и Лициния, ставшее итогом этого противостояния, датируется 1 марта 317 года.

наравне с отцом Константина и другим его «божественным предком» – императором Клавдием Готским³⁷⁴.

С 324/325 году³⁷⁵, т.е. по достижении Константином единовластия, монетная чеканка фиксирует за Фаустой титул «августы», который она получила совместно со свекровью Еленой. Монеты, изображающие Фаусту в профиль на аверсе и с двумя детьми (Константином-мл. и Констанцием) в руках на реверсе, – содержат лозунги: «Надежда (spes) Государства» и «Благоденствие (salus) Государства». Источники характеризуют возможности и деятельность Елены³⁷⁶; о деятельности Фаусты мы не знаем ничего. Это вновь говорит о ее статусе: она жена своего мужа и мать своих детей, однако теперь уже явно уступает свекрови Елене, ставшей родоначальницей династии. Возможно, это связано с искренним стремлением Константина по достоинству почтить мать, между тем как супруга всегда играла функциональную роль, и подкрепляемый ею генеалогический аргумент с достижением единовластия отошел для Константина на второй план.

Отношения между Еленой и Фаустой вызывают особый интерес, так как вторая была сестрой Феодоры, супруги Констанция Хлора, ради которой он оставил Елену. Нарративная традиция, впрочем, никак не освещает их взаимоотношения до событий 326 года, которые оборвали жизнь вначале Криспа, а затем и Фаусты. Благодаря Сидонию Аполлинарию³⁷⁷ сохранился

³⁷⁴ RIC. Vol VI. Treveri. P. 180. Посвящения Максимиану наравне с Клавдием Готским и Констанцием Хлором чеканились на монетах дворов Арелата (Ibid., P. 252); Рима (Ibid., P. 310); Аквилеи (Ibid., P. 394); Сисции (Ibid., P. 429); Фессалоник (Ibid., P. 502).

³⁷⁵ Kienast D. Op. cit. S. 305.

³⁷⁶ Из Евсевия мы, к примеру, знаем о ее праве распоряжаться финансами (Vita Const. III.47). Следствием этого стало, как кажется, обширное храмостроительство, которым Елена руководила по свидетельству христианской нарративной традиции. Кроме того, надпись из Рима (CIL VI.1136) сообщает о проведенном ею ремонте пострадавшего от пожара комплекса бань.

³⁷⁷ Приводим свой перевод по изданию: Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et Carmina. Berolini, 1887.

примечательный отклик на убийства крупного чиновника, префекта претория Флавия Аблабия: «Кто ждет теперь Сатурна века золотого? / Теперь эпоха алмазная, но в духе Нерона» (Sid. Apoll. Epist. V.8.2). Иносказательность³⁷⁸ и сатиричность двустийша Аблабия указывает, что дальше придворных сплетен обсуждение смерти августы и ее пасынка не пошло. Официального сообщения о смерти Криспа и Фаусты нет, однако надписи фиксируют факт уничтожения их имен³⁷⁹, т.е. члены императорской семьи были официально преданы проклятию памяти. Пишущие современники (Праксагор и Евсевий) и ближайшие к событиям авторы (Аноним Вalezия, Юлиан) молчат об убийствах. Первым о гибели Криспа сообщает Аврелий Виктор, замечая, что убит он был «по приказу отца, неизвестно по какой причине» (De caes. 41.11). Евтропий перечисляет убийства сына, племянника (сына Лициния и Констанции, сестры Константина) и жены, связывая их с достижением Константином единовластия, которое будто бы испортило его (Brev. X.6.3). Для нас важно, что об убийстве Фаусты стало возможным говорить лишь после конца династии Константина. Развернутое же сообщение мы находим в конце IV века у Псевдо-Аврелия Виктора: «Константин <...> по настоянию, как полагают, жены своей, Фаусты, приказывает убить своего сына, Криспа. Затем он убивает свою жену, Фаусту, втолкнув [ее] в раскаленную баню, когда мать его Елена упрекала его великим плачем [за смерть] внука» (Epitome de caes. 41.11–12). Отметим, что автор передает очевидную для него сплетню («как полагают»), не стремясь ее никак проверить. Для нас примечательно, что в сюжете появляется и третье действующее лицо – мать Константина, Елена. Одновременное присутствие при дворе Константина

³⁷⁸ У императора Нерона не было сына, однако античная традиция возлагала на него убийство двух жен: первой супруге, Клавдии Октавии, вскрыли вены, ускорив ток крови банным жаром (Тас. Ann. XIV.64); вторую, Поппею Сабину, император ударил ногой в живот, когда та была беременна (Тас. Ann. XVI.6; Suet. Nero 35.3).

³⁷⁹ Kienast D. Op. cit. S. 305–306.

этих женщин в одинаковом статусе наводит на мысль об их соперничестве, что находит отражение в приведенном отрывке.

Последующая традиция вплоть до Иоанна Зонары³⁸⁰ будет развивать этот сюжет, добавив в него любовную линию между Фаустой и Криспом. Для исследователей это обстоятельство, отдающее очевидной литературностью, стало почвой для многочисленных спекуляций и смелых догадок³⁸¹. Преобладающим по сей день остается мнение, сформулированное Й. Дрейверсом: «В случае с казнями Криспа и Фаусты исследователи должны признать, что перед ними загадка, которая никогда не будет разгадана»³⁸².

Для нашего исследования убийство Фаусты интересно в контексте династической политики. Из генеалогии она была вычеркнута на долгие годы; лишь в панегирике Констанцию, сочиненном Юлианом, о ней будет сказано несколько любезный (но общих) фраз без упоминания ее имени (Iul. Orat. 9b–10a). Чуткий к обстановке при дворе Евсевий дважды – в «Речи 336 года» (Euseb. Orat. 3) и в жизнеописании Константина (Vita Const. IV.51–52) – воспроизводит картину идиллической жизни Константина с сыновьями, не упоминая при этом их мать, словно ее никогда не существовало. Автор PSch., впрочем, сообщает о существовании в Константинополе парных статуй Константина и Фаусты, при этом называет последнюю «дочерью

³⁸⁰ Все свидетельства традиции собраны у Д. Вудса: Woods D. On the Death of Empress Fausta. P. 70–72. Сюжет сводится к тому, что Фауста испытывала чувство к Криспу, однако тот отверг ее притязания. Оскорбленная Фауста отомстила ему, оклеветав его перед Константином. Последний обратил свой гнев на сына, а затем, убедившись в лживости и порочности жены, и против нее самой. Сюжет очевидным образом повторяет миф о Федре и Ипполите, освещенный в творчестве Еврипида, Овидия и Сенеки.

³⁸¹ Едва ли не самым оригинальным является мнение Д. Вудса, который видит в смерти Фаусты (гибель в раскаленной бане) следствие неудавшегося аборта: Woods D. On the Death of Empress Fausta. P. 74–76.

³⁸² Drijvers J.W. Flavia Maxima Fausta... P. 506.

Диоклетиана» (P^SCh. 7; 43). Даже если допустить реальность этих статуй³⁸³, отнести их ко времени правления Константина нельзя по причине предания памяти жены проклятию.

Подводя итог, мы должны сказать, что династический брак Константина с дочерью Максимиана Геркулия был своевременной и выгодной сделкой, которая обеспечила сыновьям Константина со-основателя тетрархии в качестве предка. Хотя супруга и фиксируется в официальном пространстве, а с 324/325 гг. носит титул августы, никакого реального участия в государственной жизни, занимавшей ее властного мужа, она, как следует из данных источников, не принимала. Главная ее функция – обеспечение династии порфирородными наследниками императорской крови. Ее убийство в 326 году имело тайный характер; публичной огласки можно было избежать, представив смерть Фаусты как естественную, однако Константин решается на проклятье памяти, чем выдает, возможно, свое эмоциональное состояние.

с) О «третьей женщине» императора Константина.

Т. Моммзен отмечал, что Константина ни один авторов не упрекал в разврате, но все его дети происходили от наложниц³⁸⁴. К заявлению Моммзена можно было бы отнестись несерьезно, так как он опирается лишь на одно сообщение Зосима: «[Сыновья Константина] были рождены не от Фаусты, дочери Геркулия Максимиана, а от другой [женщины], которую он убил по обвинению в прелюбодеянии» (Hist. Nov. II.39.1). Источниками засвидетельствованы две женщины, с которыми у Константина были брачные отношения (разной степени законности) – Минервина и Фауста. В

³⁸³ Ни один известный римский скульптурный портрет на сегодняшний день не может быть точно идентифицирован как изображение Фаусты: Varner E.R. Op. cit. P. 222–223. Возможные примеры ее скульптурных изображений (а также спорной идентификации): Kleiner D.E.E. Op. cit. P. 408; 443.

³⁸⁴ Моммзен Т. Указ. соч. С. 502.

виду споров о дате рождения Константина-мл. в круг этих женщин была введена еще одна гипотетическая сожительница³⁸⁵, существование которой документально не подтверждено и может быть основано лишь на вычислении точной даты рождения Константина-мл., что вынуждает нас осветить этот вопрос в соответствующем месте.

Однако относительно недавно был поднят вопрос о существовании спутницы Константина в последние годы его жизни. Ф. Шоссон предположил³⁸⁶, что после гибели Фаусты император вступил в третий брак. В качестве доказательства он приводит слова Юлиана о том, что у Константина «было много жен и много сыновей и дочерей от них» (*Orat.* VII.272d). Отметим, что слова эти содержатся в притче, где герои не названы по именам, но Константин и его сыновья легко угадываются. Прямое указание на третью жену Шоссон видит в упоминании некой «матери жены Константина», которая писала ему по поводу непочтительного отношения населения к Мамврийскому дубу (дубу Авраама). Упоминания о ней содержатся в письме императора, цитируемом Евсевием («благочестивейшая теща» – *Vita Const.* III.52), и у Созомена (*Hist. Eccl.* II.4). Традиционно считалось, что здесь имеется в виду Евтропия, мать Фаусты³⁸⁷, однако Шоссон не согласен с этим. Ответом на эти построения стала заметка Т.Д. Барнса, который доказательства Шоссона счел недостаточными, а заявление Юлиана – преувеличением (что согласуется с избранным самим Юлианом жанром притчи)³⁸⁸.

Принимая сторону Барнса, мы, тем не менее, должны отметить постановку научного вопроса о фиксации в источниках каких-то иных (кроме

³⁸⁵ Наименование ей присвоили составители PLRE: PLRE. Vol. I. P. 1040. Анонима 25.

³⁸⁶ Chousson F. *Op. cit.* P. 109–110.

³⁸⁷ Это свидетельство о ее паломнической деятельности привело составителей PLRE к мысли, что она была еще жива в 325 году: PLRE. Vol. I. P. 316: Eutropia 1. О ее паломничестве: Odahl Ch. M. *Op. cit.* P. 218–219.

³⁸⁸ Barnes T.D. *Constantine: Dynasty...* P. 150–152.

Минервины и Фаусты) женщин императора Константина Великого. На наш взгляд, в рамках поиска такого рода свидетельств нельзя пройти мимо одного сообщения Либания. В своей речи «За Талассия» он рассказывает о судьбе грамматика Флавия Оптата: «...был некто Оптат, учитель грамоты, который учил сына Лициния за пару хлебов и ту прочую пищу, какую к ним прибавляют. Как-то раз, проезжая Пафлагонию, он останавливается у одного шинкаря, растившего красавицу-дочь, которая и замешивала вино. Так как красота её произвела на него впечатление, он просил её руки и, склонив её к согласию, женился на ней. Пока сам Лициний царствовал, ничего своей женитьбой он не выгадал, но когда власть его перешла к преемнику (*императору Константину – И.М.*), муж своей жены тотчас стал и важным, и заметным, и богатым человеком, и консулом» (Orat. 42.26). Слова Либания подтверждаются карьерой Оптата – он первым получил новый титул патрикия (даже раньше, чем брат Константина, Юлий Констанций), в 334 году был консулом, опять же, раньше брата императора, Юлия Констанция³⁸⁹.

Т.Д. Барнс предположил, что жена Оптата, дочь трактирщика и, вероятно, уроженка Пафлагонии, могла приходиться родственницей Елене, также связанной с трактирной средой (*stabularia*) и вероятной уроженке Вифинии³⁹⁰. Однако это мнение, на наш взгляд, несостоятельно по ряду причин:

1) Константин был римским императором с 306 года, а полновластным правителем запада – с 312. Если Оптат был наставником Лициния-младшего, сына Лициния и племянника Константина, то брак его следует датировать между 315 и 324 гг. В этот промежуток времени Елена

³⁸⁹ PLRE. Vol. I. P. 650. Flavius Optatus 3. Его консулат (вместе с Аницием Паулином): *Bagnall R.S., Cameron A., Schwartz S.R., Worp K.A.* Op. cit. P. 200–201. Судя по имеющимся у нас данным, в данной консульской паре Оптат занимал первое место.

³⁹⁰ *Barnes T.D.* Constantine: Dynasty... P. 164. Выше мы отметили недоказанность ее происхождения из Вифинии.

совершенно точно могла бы перевезти на запад свою родственницу, которой якобы она покровительствовала. Тем более это актуально в свете натянутых отношений между Константином и Лицинием в период хрупкого мира 314/316–324 гг. Собственно из этого проистекает то соображение, что...

2) ... Лициний вряд ли бы поручил воспитание своего сына человеку, связанному родственными узами с семьей своего противника (хотя автор и указывает на его скромное жалование).

3) Наконец, и это самое важное: Либаний в приведенном отрывке прямо указывает на красоту женщины, а не на родственные связи.

В 324–325 гг. Константин находился на востоке и, вероятно, должен был познакомиться с Оптатом. В 326 году он едет на запад, где справляет двадцатилетие правления, здесь же погибает Крисп, а затем и жена Фауста. Следовательно, карьера Оптата приходится на время после смерти Фаусты. Либаний недвусмысленно намекает на то, что Оптат сделал карьеру благодаря своей жене. В этом случае, ее можно было бы считать фавориткой императора Константина в период 320–330х гг.

Конечно, этот вывод, как и весь анекдот Либания³⁹¹, вряд ли можно воспринять всерьез как доказательство существования у Константина сожительницы в последние годы жизни. Слабо на эту роль подходит и жена Оптата: во-первых, она входила в категорию «недостойных» с точки зрения законодательства Константина женщин³⁹², во-вторых, Константин признавал супружескую измену *crimen inter publica* (CTh. IX.7.1), между тем как

³⁹¹ О нем: *Kaster R.A. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity*. Berkley; Los Angeles; London, 1997. P. 419–421.

³⁹² К числу таковых относились: служанка и дочь служанки; вольноотпущенница и дочь вольноотпущенницы, равно римского или латинского права, актриса и дочь актрисы, трактирщица или дочь трактирщика, падшая женщина, дочь сводника или гладиатора, либо те, кто распоряжается публичными торгами (CTh. IV.6.3).

указанная женщина состояла в браке. На наш взгляд, Либаний позволяет себе некоторую вольность, следуя в рамках существовавшей в его время языческой отрицательной традиции о Константине. Юлиан, стоя у истоков этой традиции, сообщает, что в последние годы жизни император вел жизнь «повара и украшательницы³⁹³» (Iul. Caes. 335b), а в качестве покровителя выбирает себе персонификацию Наслаждения (Caes. 336a). По-видимому, Юлиан имеет в виду неумеренное внимание Константина к чувственным удовольствиям и своей внешности. Едкое замечание Юлиана некоторым образом согласуется со свидетельством Евсевия, который, демонстрируя читателю шестидесятилетнего Константина, сообщает, что «он мог заниматься гимнастикой, ездить верхом и ходить пешком, участвовать в сражениях, воздвигать трофеи в честь победы над противниками» (Vita Const. IV.53). Константин, которому на момент смерти Фаусты было за пятьдесят лет, бравировал своей физической формой и внешностью, всячески поддерживая образ сильного и крепкого мужчины-лидера. Вполне возможно, что он обращал на себя внимание женщин, и, вполне вероятно, что критически настроенная по отношению к нему языческая традиция могла воспользоваться этим предлогом для смутных намеков³⁹⁴. К таковым относится явное преувеличение числа «жен» Юлианом, указание Зосима на рождение детей исключительно от наложницы и, как нам кажется, косвенный намек Либания. Личная жизнь Константина в последние годы жизни, однако, кажется довольно воздержанной: он был занят церковными делами и воспитанием сыновей. Евсевий отмечает его благоговение перед женщинами, принявшими обет безбрачия; о них император говорил: «В их душах живет

³⁹³ Украшательница (κομμοῦτρια) – служанка, ведающая туалетом своей госпожи: *Liddel H.G., Scott R.A. Greek–English Lexicon. Oxford, 1869. P. 867.*

³⁹⁴ Вспомним, что пропаганда Константина подчеркивала его целомудрие; это его качество отмечают панегиристы – на его свадьбе в 307 году (Pan. Lat. 6.4.1) и для сравнения с побежденным Максенцием в 313 году (Pan. Lat. 9.4.4).

сам Бог» (Vita Const. IV.28). Возможно, это мнение отражает его настроение после мрачного опыта собственной семейной жизни.

Подводя итоги, мы можем отметить фрагментарный и противоречивый характер информации о личной жизни императора. Молчание самого Константина о ней вкупе с идиллическими картинами жизни императора с сыновьями свидетельствует в пользу незначительной роли супруги императора в его династической политике. В этом смысле примечательно, что хотя Фауста и обеспечила дом Константина таким предком, как Максимиан Геркулий, ее происхождение в правление Константина никогда не было поставлено в числе ее личных достоинств: оно обеспечивало положение ее сыновьям (опять же, без упоминания родства через мать) и, как следствие, ее мужу. После ее смерти в 326 году она была с легкостью вычеркнута из династических конструкций.

Кроме трудностей личной жизни император Константин столкнулся с еще одной, нетипичной для римских императоров, проблемой – наличием у него братьев и сестер то второго и более статусного брака отца. К рассмотрению положения этих членов семейного окружения императора мы и переходим.

§ 3. Дети Констанция Хлора – боковая ветвь дома Константина

25 июля 306 года рядом с умирающим императором Констанцием Хлором присутствовали, как о том сообщает Евсевий, все его дети (Vita Const. I.21). Провозглашение императором Константина, сына от первого союза Констанция Хлора, ставило вопрос о судьбе этих детей, статус матери которых сомнения не вызвал. В 363 году Либаний, прозрачно намекая на неопределенный характер отношений родителей Константина, скажет о его брате Юлии Констанции, что тот имел больше прав на императорский титул (Orat. 18.8). Можно предположить, что подобные настроения, если и не имели места непосредственно в 306 году, то должны были быть

предусмотрены Константином на будущее. Братья, как мы отмечали выше, при некотором влиянии Елены отправились в ссылку; это отложило вопрос об их дальнейшей судьбе на неопределенное время. Обратимся к рассмотрению положения сестер, которые, несомненно, должны были вызывать у Константина меньше опасений.

а) Сестры императора Константина Великого.

Со смертью Галерия и окончательным крахом тетрархической системы, Константин, равно как и прочие участники борьбы за власть, ввиду начавшейся активной борьбы за власть нуждался в союзниках. Было сформировано два блока: Константин – Лициний и Максенций – Максимиан Дада. Свидетель событий, Лактанций, сообщает, что причиной второго союза был страх Максимиана Дады перед первым: «он (*т.е. Дада*) слышал, что сестра Константина была посватана за Лициния» (*De mort. pers.* 43.2). Свой первый политический союз (с Максимианом Геркулием в 307 году) Константин, как мы помним, оформил через брак, сам женившись на дочери союзника. Очевидно, этот метод пришелся Константину по душе, и второй союз он оформил так же, сам уже выступив в роли тестя и выбрав для этой цели сестру Констанцию (руководствуясь, очевидно, ее возрастом).

Описав победу Константина над Максенцием, он повествует: «Когда дела в Риме были устроены, Константин, с приближением зимы, выступил в Милан. Туда же прибыл Лициний, чтобы принять жену» (*De mort. pers.* 45.1). Свадьба, произошедшая зимой 312/312 гг. в Милане³⁹⁵, продемонстрировала союз двух породнившихся императоров, которые в 313 году, после победы над противниками, остались единственными правителями Римской империи. Каковы были дальнейшие планы Константина? Писавший по горячим следам Лактанций отмечает, что победа Константина над Максенцием вызвала

³⁹⁵ *Sutherland C.H.V. Op. cit. P. 34; Kienast D. Op. cit. S. 294.*

«радость сената и народа римского» (De mort. pers. 43.11), между тем как победу Лициния сопровождает описанием истребления семей императоров-тетрархов. Характерно его выражение, что последние боялись Лициния «словно бедствия (*quasi malum*)» (De mort. pers. 50.5). Имея в виду близость Лактанция ко двору, можем предполагать, что он отражает точку зрения окружения Константина; если это так, то из этого лагеря можно ощутить угрозу³⁹⁶ в адрес Лициния. Это соображение подкрепляет заявление Евтропия, согласно которому Константин «горячо желал быть первым во всем круге земном» (Brev. X.5). Можем предположить, что Лициний также не был прекраснодушно настроен по отношению к Константину³⁹⁷.

Брак Лициния и Констанции был обоюдно выгоден в 311–312 гг. Однако после 313 года он создавал Константину дополнительные сложности. Во-первых, стремящийся к построению кровнородственной династии Константин был заинтересован в потомстве. Однако до 316 года у него был лишь сын Крисп, рожденный до провозглашения от союза неясного статуса. Между тем Лициний обзавелся порфирородной супругой (дочерью Констанция Хлора), от которой у него летом 315 года рождается сын³⁹⁸. Показательно, что он стал полным тезкой отца – Валерием Лицинианом

³⁹⁶ Остроумно замечание М. фон Альбрехта, полагавшего, что весь трактат Лактанция мог быть своеобразным предостережением: *Альбрехт М. фон*. Указ. соч. Т. III. С. 1735.

³⁹⁷ Анонимный продолжатель Диона передает, что Лициний переплавлял золотые монеты Константина, отчеканенные в честь побед последнего над сарматами (FHG: Vol. IV, p. 199). Анекдот этот должен быть отнесен к более позднему, нежели 313 год, времени, однако он хорошо характеризует отношения между соправителями.

³⁹⁸ Возраст определяется на основании косвенных данных. Этот сын был провозглашен цезарем 1 марта 317 года; Псевдо-Аврелий Виктор и Зосим единодушно отмечают, что ему было «двадцать месяцев от роду» (Epit. de seas. 41.4; Hist. Nov. II.20.2). Рождение Лициния-мл., таким образом, следует датировать июлем 315 года. См.: *Bruun P.M.* Op. cit. P. 26; *Kienast D.* Op. cit. S. 296.

Лицинием³⁹⁹ (далее – Лициний-мл.). Относительно самого Лициния есть указание одного из SHA, что «он хотел казаться ведущим свой род от [императоров] Филиппов» (SHA Gord. tres. 34.5). Уникальность сообщения, а также авторская репутация заставляют предполагать выдумку; но если все же допустить правдивость сообщения⁴⁰⁰, то это является свидетельством попыток Лициния сформировать свою династию. Как бы то ни было, но Константина должно было насторожить уже рождение у Лициния порфирородного сына. Это неминуемо должно было привести к конфликту.

Активной фазе боевых действий в 316 году предшествовали дипломатические переговоры и закулисная борьба, сведения о которых сохранил Аноним Вalezия. Приведем его сообщение полностью: «Константин отправляет Констанция⁴⁰¹ к Лицинию, предлагая, чтобы Бассиан, женатый на другой сестре Константина – Анастасии, был провозглашен цезарем и, по примеру Максимиана [Геркулия] получил бы между Константином и Лицинием (*т.е. между их сферой контроля – И.М.*) Италию. После того, как Лициний расстраивает такие [замыслы] Бассиан

³⁹⁹ Некоторые монеты фиксируют также имена «Флавий» и «Константин», что, вероятно, является следствием определенного давления Константина на Лициния: Bruun P.M. Op. cit. P. 26; PLRE. Vol. I. P.509–510: Val. Licinianus Licinius 4; Kienast D. Op. cit. S. 296.

⁴⁰⁰ В науке нет устоявшегося мнения по этому вопросу. Исследователи проводили параллели с генеалогическими конструкциями самого Константина, а также указывали на то обстоятельство, что Филипп в христианской традиции считался первым императором-христианином. Смори: Shahîd I. Rome and the Arabs. Washington, 1984. P. 84; Leadbetter B. Illegitimacy... P. 80.

⁴⁰¹ Т.Д. Барнс и Ч.М. Одал видят в этом человеке брата Константина, Юлия Констанция: Odahl Ch.M. Op. cit. P. 163; Branes T.D. Constantine: Dynasty... P. 212. Ft. 14. Но поручать столь сложную дипломатическую миссию молодому брату было вряд ли разумным шагом. Более того, автор не называет Констанция братом Константина, хотя именно так он обозначает Флавия Далмация (Origo 6.35). Составители PLRE предложили отождествить его с Флавием Констанцием, префектом претория Востока при Константине и консулом 327 года: PLRE. Vol. I. P. 224. Constantius 1; p. 225. Fl. Constantius 5. Впрочем, и указанного Флавия Констанция Барнс также идентифицирует с Юлием Констанцием.

через Сенециона, своего брата, который был предан Лицинию, был вооружен против Константина. Он был схвачен при попытке [покушения], по распоряжению Константина изобличен и казнен. Затем Сенецион, устроитель всех козней, был затребован [Константином] для наказания; когда Лициний отказывает [в выдаче], то согласие [между императорами] было нарушено» (Origo 5.13–14). Итак, мы узнаем, Константин выдал вторую сестру за некоего Бассиана⁴⁰², которого по согласованию с Лицинием прочил в младшие соправители с контролем над Италией. Т.Д. Барнс, основываясь на этом сообщении, реконструирует план Константина по установлению тетрархической коллегии⁴⁰³, где при двух августях (он сам и Лициний) цезарями были бы его сын Крисп и его зять Бассиан. Проект Константина, даже без реконструкций Барнса, был для Лициния оскорбителен, так как ставил Константина, тестя двух императоров, в положение senior Augustus. Если следовать Барнсу, то на Востоке, где правил Лициний, младшим соправителем должен был стать сын Константина Крисп. Мы не согласимся с Барнсом в том смысле, что это был реальный политический план – скорее, Константин предлагал оскорбительные условия, бросая вызов Лицинию. Расчет был безошибочным: новый «цезарь», далеко не малолетний Бассиан, а также взрослеющий Крисп должны были бы напугать Лициния. В случае если бы Лициний отверг провозглашение Бассиана – как это и произошло, – «оскорбленный» Константин получил бы повод для войны. Важно также, что Бассиан был братом человека из окружения Лициния; такая родственная связь всегда могла стать основанием для компрометирующих данных – как это опять же и произошло. Реально ли Бассиан поднял оружие против Константина или нет – не принципиально. Константин, будучи жестким династом, уже заявил претензию на передачу власти по наследству своим потомкам, потому Бассиан не мог быть реальным претендентом на

⁴⁰² Ч.М. Одал считает, что Бассиан был сенатором: *Odahl Ch.M.* Op. cit. P. 163. Й. Винанд считает его «римским аристократом»: *Wienand J.* Op.cit. P. 31.

⁴⁰³ *Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. P. 66–67.

императорский титул. Он сам и его супруга Анастасия стали разменными фигурами большой политики.

Лициний был окончательно разгромлен Константином в 324 году. Свидетель событий Евсевий завершает повествование на изображении «поверженного» Лициния (Hist. Eccl. X.9.6). Однако Константин должен был задаться вопросом о дальнейшей судьбе своего противника, с которым был связан узами родства. Близкий к описываемым событиям Аноним Вalezия сообщает: «На следующий же день (*после окончательного поражения Лициния – И.М.*) Констанция, сестра Константина и жена Лициния, прибыла в лагерь брата, испросила для супруга жизнь и добилась своего» (Origo 5.28). Псевдо-Аврелий Виктор дополняет это сообщение: «Константин <...> Лициния принудил, договорившись о его безопасности (*pacta salute*), передать [ему] царственное одеяние через жену (*т.е. Констанцию – И.М.*)» (Epitome de caes. 41.7). Примечательно, что Констанция не отреклась от мужа, как в свое время Фауста – от отца. В обоих случаях Константин обязуется сохранить Лицинию жизнь, гарантом/свидетелем чего является Констанция. Через некоторое время Лициний все же был убит – «вопреки долгу клятвы», как замечает Евтропий (Brev. X.6.1). Традиция дает еще немало объяснений этого убийства Лициния⁴⁰⁴, в том числе довольно комплементарных по отношению к Константину. Однако понятно, что оно стало ударом по сестре, которая, разделив судьбу Анастасии, обратилась во вдову преданного забвению мужа. Ее сын был лишен титула цезаря, который перешел третьему сыну Константина, Констанцию. Повествуя об убийствах 326 года, Евтропий отмечает, что погиб и этот «талантливый юноша» (Brev. X.6.3). Его убийство подтверждает Иероним (Chron. p. 191 k) и следующий за ним Орозий (Hist. VII.28.26). Во всех этих случаях Лициний-мл. обозначен как сын Констанции без указания отца, который был предан проклятию

⁴⁰⁴ Коптелов Б.В. Император Лициний на переломе эпох. М., 2008. С. 114–117.

памяти. Его убийство, очевидно, должно было устранить какую-либо вероятность угрозы правящему дому Константина Великого.

К двадцатому году пребывания Константина у власти две из его сестер были задействованы им в своих политических интересах, исходя из них выданы им замуж и опять же исходя из них остались вдовами. Овдовев, они должны были находиться при нем. Каково было их положение в этот период?

Начнем с Констанции. Надпись из Рима называет ее «... (*начало стерто*⁴⁰⁵ – *И.М.*) рожденной от сиятельного и божественного рода, достопочтенной сестрой господина нашего, Константина августа, и теткой господ наших, [двух]⁴⁰⁶ блаженнейших цезарей, госпожой нашей, знатнейшей дамой...» (CIL VI.1153 = ILS 711). Датировать надпись трудно, однако если принять мнение Т. Моммзена об упоминании Лициния в стертом начале надписи, то она должна была быть воздвигнута в период 317–324 гг. (впрочем, неясно, почему указано только два цезаря, хотя их в этот период было три). Для нас важнее, что Констанция располагала титулом «знатнейшей дамы». Он фиксируется и на монетах, выпускаемых в строящемся Константинополе в 326–327 гг., где Констанция также названа «сестрой Константина августа»⁴⁰⁷. Итак, Констанция осталась при том же титуле, что и при жизни мужа, однако факт ее брака с правившим императором-августом затушевывается родственной связью с Константином Великим. Любопытно, что статус сестры превращается по сути в официальный титул.

Христианская традиция зафиксировала ее участие в церковных делах. Филосторгий сообщает, что при ее содействии про-арианские епископы приняли постановления Вселенского собора 325 года (Philost. Hist. Eccl. I.9, p. 10–11). Перед смертью она рекомендовала Константину некоего пресвитера из числа сторонников Ария. Сообщая о ее болезни и последней

⁴⁰⁵ Т. Моммзен полагал, что в начале было указано имя Лициния, преданного проклятию памяти в 324 году: ILS. Vol. I. P. 161.

⁴⁰⁶ В надписи: «dd. nn. beatissimorum caess.», т.е. указано именно два цезаря.

⁴⁰⁷ RIC. Vol. VII. P. 570–571; plate 18, № 15.

воле, Сократ Схоластик (Hist. Eccl. I.25) и Созомен (Hist. Eccl. I.27) отмечают, что император навещал сестру, в том числе посетил ее и перед самой ее смертью. После ее смерти, торговый порт Газы по сообщению Евсевия получил «превосходное наименование [в честь] благочестивой сестры императора» (Vita Const. IV.37). После Елены – это второй случай наименования географического объекта в честь члена семьи Константина.

Об Анастасии источники молчат. Дюканж со ссылкой на Зосима полагал, что Анастасия могла сочетаться браком с Оптатом⁴⁰⁸, заметной фигурой при дворе Константина – мы упоминали его в параграфе о женщинах императора. Однако Зосим, упоминая Оптата (Hist. Nov. II.40.2), ничего не говорит о браке, а сообщение Либания о жене Оптата, как мы видели, никак не указывает на Анастасию. Обращает на себя внимание памятник материальной культуры, а именно церковь св. Анастасии в Риме. Еще Ф.Б. Уайтхэд предположил, что эта церковь, одна из древнейших в Риме, была основана членом императорской семьи, тем более что располагается она на Палатине, в окружении императорских резиденций⁴⁰⁹. Большой интерес, однако, вызывает комплекс Анастасиевых терм в Константинополе, который согласно Аммиану Марцеллину был назван «в честь сестры Константина»⁴¹⁰ (Res Gest. XXVI.6.14). Это указывает, что император не забыл свою сестру и нашел нужным почтить ее (или ее память) при устройстве новой столицы.

⁴⁰⁸ Du Change C. Op. cit. P. 45.

⁴⁰⁹ Whitehead P.B. The Church of S. Anastasia in Rome // AJA. 1927. Vol. 31, № 4. P. 413–414.

⁴¹⁰ Более поздние авторы – Сократ Схоластик (Hist. Eccl. IV.9), Созомен (Hist. Eccl. IV.9) и автор Пасхальной хроники (Chron. Pasch. s.a. 364) – полагают термы названными в честь дочери императора Валента: PLRE. Vol. I. P. 58: Anastasia 2. Однако Аммиан – свидетель эпохи – упоминает бани в контексте мятежа Прокопия, имевшем место в сентябре 365 года, между тем как Валент стал императором 28 марта 365 года: Kienast D. Op. cit. S. 330–332. Автор Пасхальной хроники и вовсе синхронизирует провозглашение Валента со строительством и посвящением терм. Сомнительно, что термы были отстроены так быстро. Скорее, император перепосвятил дочери уже готовый комплекс терм.

На основании имеющихся данных можно сделать вывод, что Константин окружил своих овдовевших сестер почетом, и почести должны были стать своеобразной компенсацией за потерю мужей (и в случае с Констанцией – сына). В любом случае, эти попытки загладить вину выглядят достаточно неуклюже. Обратим внимание на их пропорциональность: больший почет был оказан Констанции, вдове правившего императора-августа, между тем как Анастасия была почтена куда скромнее – в соответствии со своим статусом супруги цезаря-десигната. Это обстоятельство примечательно характеризует саму личность и характер Константина Великого.

Источники не освещают жизнь третьей сестры императора – Евтропии. Псевдо-Аврелий Виктор (*Epitome de caes.* 42.3) и Зосим (*Hist. Nov.* II.43.2) называют ее матерью Юлия Непотиана, пытавшегося захватить власть в Риме в 350 году. На основании имени исследователи полагали его сыном⁴¹¹ консула 336 года Вирия Непоциана⁴¹². Подробности его карьеры неизвестны, что предполагает в нем малозаметного сенатора. Молчание авторов о судьбе Евтропии в правление ее брата указывает, что она вела частную жизнь.

Итак, сестры Констанция и Анастасия играли свою и довольно специфическую роль в династической политике своего брата. Поскольку конечной целью императора было установление прямой кровнородственной династии с наследниками в лице сыновей, он не мог верить в долгосрочную перспективу политических союзов, которые вынужден был заключать в ходе политической борьбы. Однако для укрепления сиюминутного положения он упрочнял эти союзы родственными узами. Лициний, впрочем, превратился в потенциального соперника сразу после 313 года, а Бассиан изначально выглядел промежуточной фигурой. Таким образом, сестры стали не просто инструментом, но жертвой династической политики Константина. В перспективе их браки обнаруживали опасность создания параллельных императорских династий – в качестве примера можно вспомнить Лициния-

⁴¹¹ PLRE. Vol. I. P. 624. Iul. Nepotianus 5.

⁴¹² PLRE. Vol. I. P. 625. Virius Nepotianus 7.

мл., который был устранен даже после лишения титула цезаря. С установлением единовластия Константин окружил сестер почетом, в чем можно видеть попытку загладить свою вину. Впрочем, попытка эта не лишена некоего формализма, т.к. Константин жестко распределил почести в соответствии со статусом сестер (жена правившего августа дала имя целому городу; жена цезаря-десигната – только комплексу терм). Кроме того, на основании имеющихся данных мы видим, что эти сестры более не вышли замуж, хотя им это должен был позволять возраст, а брак третьей сестры не упомянут ни одним автором, что выдает в ее муже фигуру довольно незаметную. Это свидетельствует о нежелании императора снова привлекать сестер в свои династические конструкции – свою роль они уже сыграли.

б) Братья императора Константина Великого.

Выше мы уже отмечали, что положение братьев Константина – Флавия Далмация, Флавия Юлия Констанция и Ганнибалиана – с его приходом к власти оказалось шатким. По свидетельству Авсония, император ограничился их ссылкой в галльскую Толозу. Приведем его рассказ о деятельности своего дяди, ратора Эмилия Магна Арбория: «...и в доме, и в школе / дружбу виднейших людей знал ты еще молодым / в дни, когда Константиновы братья в богатой Толозе, / мнимым изгнанием томясь, дни проводили свои. / Следом затем на Фракийский Боспор, к Византийской твердыне, / в Константинополь тебя слава твоя привела. / Там, в щедротах, в чести, как цезарем чтимый наставник, / ты и скончался...» (De prof. Burd. 16.10–16). Учитывая род занятий Арбория и его будущую должность наставника одного из цезарей Константина (что предполагает рекомендацию братьев), мы можем думать, что братья сами учились у него. Это позволяет

датировать ссылку самым началом правления Константина, т.е. 306–312 гг.⁴¹³, когда он правил «Галлиями».

Относительно Ганнибалиана⁴¹⁴ авторы сообщают только его имя, в связи с чем предполагалось, что он рано умер. Потому сосредоточим наше внимание на двух надежно зафиксированных братьях – Флавии Далмации и Юлии Констанции. Первого О. Зеек на основании порядка в перечислении братьев у авторов считал⁴¹⁵ старшим из трех братьев Константина Великого. Мы не будем спекулировать на теме их старшинства, но начнем с персоны Флавия Далмация, который занимал важное место при дворе Константина Великого.

– *Флавий Далмаций*.

Этот брат известен, прежде всего, благодаря династическому положению своих сыновей (Далмация-мл. и Ганнибалиана-мл.)⁴¹⁶, которых Константин Великий привлечет к власти в 335 году. Имя второго сына (Ганнибалиан-мл.) примечательно как отсылка к третьему брату Константина, что может указывать на определенное единство в среде самих братьев. Имя же первого

⁴¹³ Обратим внимание, что Авсоний говорит о братьях во множественном числе. Т. Барнс, несколько произвольно перетасовывая события, связывает ссылку братьев с падением Бассиана в 315 году и полагает, что в Толозе находился Далмаций, между тем как Юлия Констанция он помещает в Коринфе на основании сообщения Юлиана о жизни его отца в этом городе, что мы рассмотрим ниже: *Barnes T.D. Constantine and Eusebius*. P. 251; *Constantine: Dynasty...* P. 164.

⁴¹⁴ Практически общепринятое мнение: *Seeck O. Hannibalianus* (2) // *PWRE*. Bd. VII/14. Sp. 2352; *PLRE*. Vol. I. P. 407: *Hannibalianus* 1; *Odahl Ch. M.* Op. cit. P. 264.

⁴¹⁵ *Seeck O. Delmatius* (2) // *PWRE*. Bd. IV/8. Sp. 2455. Д. Кинаст в этой связи полагает, что имя отца Констанция Хлора, т.е. деда Константина Великого по отцу, можно реконструировать как Флавий Далмаций: *Kienast D.* Op. cit. S. 280.

⁴¹⁶ Ф. Шоссон, безосновательно противореча данным традиции, считает Далмация-мл. и Ганнибалиана-мл. сыновьями не Далмация, а Ганнибалиана, который, как мы допустили, умер в раннем возрасте: *Chausson F.* Op. cit. P. 317 sq.

сына (Далмаций-мл.) создает сложности из-за идентичности с именем отца. Это важное обстоятельство следует иметь в виду при рассмотрении карьеры их обоих. Оставляя пока в стороне карьеру сыновей Флавия Далмация, обратимся к нему самому.

До конца 320-ых гг. у нас нет никаких внятных сведений о деятельности Флавия Далмация, в чем, вероятно, следует видеть стремление Константина не раздражать мать появлением братьев при дворе⁴¹⁷. 19 января 324 года в Сирмии Константин адресует некоему Далмацию предписание касательно *munera personalia*. Указанное лицо, чье служебное положение не обозначено, еще в XIX веке идентифицировали с Флавием Далмацием⁴¹⁸, однако никаких доказательств, кроме имени, у нас нет, потому данную идентификацию мы принять не можем⁴¹⁹.

Первое внятное сообщение относится к более позднему времени. Крупный деятель эпохи Афанасий Александрийский, повествуя о своей борьбе против ариан, сообщает, что в самом начале 330-ых гг.⁴²⁰ Константин поручил разбирательство некоему «цензору Далмацию», которому «пишет в Антиохию» (*Ath. Apol.* 65)⁴²¹. Кто был этот Далмаций? Сократ Схоластик дополняет слова Афанасия: «цензору Далмацию, своему племяннику», т.е. сыну Флавия Далмация (*Hist. Eccl.* I.27.20), между тем как автор Пасхальной

⁴¹⁷ *Odahl Ch.M.* Op. cit. P. 264.

⁴¹⁸ *Seeck O. Delmatius* (2). Sp. 2455–2456. В. Энслин полагал тождественность двух Далмациев – чиновника и брата императора – возможной, считая, что брат Константина занимал должность *praetor tutelarius*: *Enßlin W. Dalmatius Censor...* S. 210–211. Точка зрения сохраняла свою актуальность и позже: *PLRE. Vol. I. P. 240 – 241. Fl. Dalmatius* 6.

⁴¹⁹ Э.Д. Уилсон полагает, что первым назначением Далмация был консулат 333 года, а в участнике эпизода 321/324 гг. предлагает видеть Флавия Далмация, занимавшего должность препозита Мёзии в первой половине века: *Wilson E.G.* Op. cit. P. 144. Ft. 43.

⁴²⁰ Датировка: *Seeck O. Delmatius* (2). Sp. 2455; *Асмус В.А., Чичуров И.С.* Афанасий Великий // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 24.

⁴²¹ Цитируем по следующему изданию его трудов: Творения ... Афанасия Великого. Ч. I. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. С. 367.

хроники называет цензором самого Флавия Далмация (Chron. Pasch. s.a. 335). Уже старый комментатор Сократа отметил, что по причине юного возраста Далмаций-мл. не мог быть судьей в столь сложном деле. На сегодня эта точка зрения общепринята⁴²², и мы разделяем ее. Отметим, что это не первый случай путаницы источников между отцом и сыном. Уже названный источник – Пасхальная хроника – называет Далмация-мл. στρατηγός и ὕπατος (Chron. Pasch. s.a. 335). Второй титул безоговорочно можно перевести как «консул»; фасты фиксируют⁴²³ консульство Флавия Далмация и Домиция Зенофила в 333 году. Итак, с кем мы сталкиваемся вновь – с отцом или сыном? Папирусы этого времени, содержащие документальные тексты, в датировочной формуле называет первого консула «Флавием Далмацием, братом господина нашего Константина Августа»⁴²⁴. Выбирая между современным событиям документом и поздней хроникой, мы должны отдать предпочтение первому и безоговорочно определить принадлежность консулата Флавию Далмацию, а не его сыну. Примечательно титулование в качестве брата императора; оно наглядно демонстрирует, что в начале 330-ых гг. (т.е. уже после смерти Елены) братья Константина были включены в состав императорской династии (при этом само родственное наименование превращается в официальный титул).

Первый титул, указанный автором Пасхальной хроники (στρατηγός), вызывает некоторое затруднение при переводе в плоскость латинской

⁴²² Hussey R. Annotationes // Socratis Scholastici Historia Ecclesiastica. Tomus III. Oxonii 1853. P. 91–92. См. также: Seeck O. Delmatius (2). Sp. 2455–2456; Enßlin W. Op. cit. S. 206; Barnes T.D. Constantine: Dynasty ... P. 41; Odahl Ch. M. Op. cit. P. 264.

⁴²³ Bagnall R.S., Cameron A., Schwartz S.R., Worp K.A. Op. cit. P. 200–201. Согласно всем имеющимся упоминаниям этого консульства Флавий Далмаций занимал положение первого консула в этой консульской паре.

⁴²⁴ Bagnall R.S., Cameron A., Schwartz S.R., Worp K.A. Op. cit. P. 201.

терминологии, так как может означать и претора, и армейского командира⁴²⁵. Диндорф предложил перевод *magister militae Romanorum*⁴²⁶. Чтобы связать этот титул с военной карьерой, нужно обратиться к военной истории периода. В 333/334 году на острове Кипр поднял восстание некто Калокер, начальник стад верблюдов⁴²⁷. Оно хорошо зафиксировано латинской нарративной традицией (Аноним Вalezия, Аврелий Виктор, Иероним, Орозий)⁴²⁸, которая приписывает победу самому Константину. Лишь у более позднего Феофана указано, что мятежник был «заживо сожжен цезарем Далмацией» (*Chron. A.M.* 5825), т.е. Далмацией-мл., который получил титул цезаря в 335 году⁴²⁹. Феофан помещает подавление восстания Калокера после провозглашения Далмация-мл. цезарем, что позволяет ему логично связать эти два эпизода. Но латинская традиция, более близкая к описываемым событиям, не видит между эпизодами связи и датирует событие 333/334 годом. В историографии было озвучено мнение, что подавителем восстания Калокера, а стало быть и командующим войсками в Восточном Средиземноморье был Флавий Далмаций⁴³⁰, а не его сын. Если это действительно так, то Флавий Далмаций обнаруживает беспрецедентное доверие брата – ему выпала честь подавить единственное (!) восстание за все тринадцать лет единоличного правления Константина Великого.

Итак, Флавий Далмаций был занят братом на государственной службе, что обнаруживает и рвение самого Далмация, и отношение к нему Константина.

⁴²⁵ Перевод термина: *Liddel H.G., Scott R. A Greek–English Lexicon. Oxford, 1869. P. 1506; Tillemont L.–S. Op. cit. P. 260.* Напомним здесь мнение В. Энслина, что Далмаций справлял претуру в 320-ые годы: *Enßlin W. Dalmatius Censor... S. 210–211.*

⁴²⁶ *Chronicon Paschale. Vol. I. Bonnae 1832. P. 531.*

⁴²⁷ *Kienast D. Op. cit. S. 308.*

⁴²⁸ Вся биографическая информация об этом мятежнике: *Kroll W. Kalokairos // PWRE. Bd. X/20. Sp. 1757; PLRE. Vol. I. P. 177: Calocaerus.*

⁴²⁹ *Bruun P.M. Op. cit. P. 78; Kienast D. Op. cit. S. 307.*

⁴³⁰ *Enßlin W. Dalmatius Censor. S. 202; 207; Odahl Ch.M. Op. cit. P. 264; Lenski N. The Reign of Constantine. P. 81; Elton H. Warfare and the Military // The Cambridge Companion. P. 337.*

Последний не только не отказался от родства с сыновьями своего отца от второго брака, но и, включив в институциональную элиту и делегировав полномочия, дал возможность реализовать себя. Рассмотрим, насколько это справедливо в отношении второго брата, Юлия Констанция.

– *Юлий Констанций*.

Биография этого брата восстанавливается на основании множества косвенных данных, разбросанных в самых разных источниках. В разделе о сестрах мы упоминали о дипломатической борьбе Константина и Лициния в 315–316 гг. Аноним Вalezия отмечал, что для переговоров Константин «отправил Констанция к Лицинию» (Origo 5.14). Т.Д. Барнс предположил тождество посла и брата императора, на основании чего исследователь сделал вывод о ссылке братьев как следствии падения Бассиана, при этом Флавия Далмация он помещает в Толозу (по сообщению Авсония), а Юлия Констанция – в Коринф, опираясь на сообщение Юлиана Отступника. Процитируем его вновь: «“У меня к вам (*жителям Коринфа – И.М.*) отцовская дружба. Ведь у вас жил мой отец и, оттуда выехав, как от феаков Одиссей, избавился от этого многолетнего странствования”. Затем, немного распространившись о злодейке – мачехе, “здесь (*в Коринфе – И.М.*)”, говоришь ты, “отец мой отдохнул”» (Iul. apud Liban. Orat 14.30). В злодейке-мачехе мы идентифицировали Елену, т.е. ссылка в любом случае имела место до ее смерти (конец 320-ых гг.). Коринф располагался на территории, которую Константин получил после завершившейся в феврале 317 года войны с Лицинием. В 317 году документальные источники фиксируют пребывание Константина на Балканах⁴³¹, что позволяет предположить пребывание Юлия Констанция в Коринфе. Однако ряд пунктов гипотезы Барнса несостоятелен. Во-первых, галльскую ссылку якобы одного Флавия

⁴³¹ Bruun P.M. Op. cit. P. 76.

Далмация нельзя синхронизировать с коринфской ссылкой Юлия Констанция, т.к. Авсоний отчетливо говорит о нескольких братьях, которые, по всей видимости, получали там образование. Во-вторых, идентификация посла Констанция и брата Юлия Констанция вряд ли обоснована. Мы видели, что Константин вел сложную политическую игру, и вряд ли для него было возможно доверить сложную миссию молодому брату, после чего отправить его на территорию потенциального противника. Скорее, Юлий Констанций, проживавший до 316 года в Галлии, переместился на восток вслед за братом. Здесь может сказаться стремление Константина к контролю за жизнью братьев, однако выбор богатого и культурного города на определенном удалении от императорского двора показателен – ссылка носила мягкий характер. В 317 году у Константина Великого рождается третий сын, которого он назовет Флавием Юлием Констанцием, что было не только отсылкой к Констанцию Хлору, но и точным повторением имени этого брата. Возможно, это говорит о признании братьев членами императорской семьи уже в это время – т.е. к концу лета 317 года.

Первое внятное сведение о жизни мы получаем из труда Аммиана Марцеллина, который сообщает о рождении у него и его супруги Галлы сына Клавдия Галла – «в области тусков (= Этрурии), в Массе Ветеранской» (*Res Gest.* XIV.11.27). На основании возраста этого сына момент смерти мы знаем дату его рождения – 325 год, что позволяет принять мнение Т.Д. Барнса о прибытии Юлия Констанция на празднование двадцатилетия правления Константина⁴³². Примечательно помен этого сына – Клавдий, которое фиксируется и у двух старших сыновей Константина. Очевидно, Юлий Констанций хотел ответить на любезность брата (назвавшего третьего сына в его честь) и соответствовать его династической политике.

⁴³² *Browning R.* Op. cit. P. 32. Т.Д. Барнс, обращая внимание на дату, остроумно замечает, что Юлий Констанций прибыл в Италию из формальной ссылки по случаю двадцатилетия правления брата, которое должно было отмечаться в 326 году: *Barnes T.D. Constantine: Dynasty....* P. 164.

После смерти первой супруги Юлий Констанций, по сообщению Либания, «женится на дочери ипарха, человека порядочного и с умом, к которому победивший противник испытывал уважение и своим приближенным приказывал руководить, беря с него пример... [Юлий Констанций] оказывает честь тестю, его именем назвав сына» (Orat. 18.9). Дополнение этих сведений мы находим у императора Юлиана, собственно единственного сына от этого брака – в письме к александрийцам он отмечает, что «соименный ему дед управлял всем Египтом» (Iul. apud Socr. Hist. Eccl. III.3.21). Мы узнаем, что Юлий Констанций женился на дочери наместника Египта по имени Юлиан, который пережил правление одного императора и оказался под властью другого. В императорах нетрудно узнать Лициния и Константина. Из числа наместников Египта за первую четверть IV века⁴³³ известен один Юлиан, который занимал эту должность в 314 году, а затем до 324 года был префектом претория 324 года; в 325 году он числится консулом, что подтверждает благосклонность Константина. Принимая во внимание, что Константину после победы над Лицинием следовало закрепиться на Востоке, где он не был с 305 года, можно предположить, что император через брак своего брата стремился замириться с представителями местной элиты. Любопытно, что Константин повторяет тот же прием, что и в отношении сестер – использует брак в качестве подкрепления политической сделки.

Вторая половина 320-ых гг. ознаменовывается строительством Константинополя, который Аммиан Марцеллин дважды называет родиной императора Юлиана (Res Gest. XXII.9.2; XXV.3.23). Отсюда следует, что у его отца, Юлия Констанция, появляется здесь дом, т.е. Константин не забывал о брате. В начале 330-ых Флавий Далмаций, как мы видели, уже занят на государственной службе, однако о Юлии Констанции таких данных нет. Был ли его отказ следствием свободного выбора? Либаний, отмечая его

⁴³³ PLRE. Vol. I. P. 1083–1085.

права на императорский титул, пишет, что он «молился (συνεύχεται)⁴³⁴ вместе с принявшим власть [Константином], продолжал жить с ним бесхитростно и в дружбе» (Orat. 18.8). Отсюда можно сделать вывод, что политическая карьера не интересовала Юлия Констанция. Однако в 335 году его имя фиксируется в фастах, и в датировочных формулах на папирусах он назван «консулом Юлием Констанцием, патрикием, братом господина нашего Константина Августа» (Р. Оху., 1265; 1470). Последняя формулировка нам уже известна. Примечательно, что этого брата Константин одарил новым почетным титулом «патрикия»⁴³⁵, который не был сопряжен ни с какими официальными обязанностями. Зосим, описывая семью Константина в последние годы его жизни, указывает Юлия Констанция – наряду с его племянниками, сыновьями Флавия Далмация, – в числе лиц, носивших «пурпурные одеяния, окаймленные золотом» и почтенных «по причине родства достоинством нобилиссимов» (Hist. Nov. II.39.2). В отличие от Флавия Далмация, Юлий Констанций довольствовался почестями, а не карьерой, и не допустил к ней своих сыновей. Однако об одной из его дочерей ее брат, будущий император Юлиан, сообщает, что она была женой Констанция, третьего сына Константина Великого (Ep. ad Athen. 272d). Этот династический брак описан Евсевием (Vita Const. IV.49), который, однако, не называет ни невесты, ни ее отца – так как последний ко времени написания произведения уже погиб в результате династического кризиса 337 года.

Проследив карьеру братьев, мы увидели, что конца 320-ых годов братья не могли занимать важного положения при дворе – это вызвало бы неудовольствие Елены. Однако уже на этом этапе со стороны Константина следуют знаки внимания – например, наименование своего сына в честь брата. Таким образом, Константин не отказывается от родства, однако

⁴³⁴ В переводе С.П. Шестакова: «поздравлял того, кто взял ее (т.е. власть – И.М.)».

⁴³⁵ Чекалова А. А. Патрициат в ранней Византии // Византийский временник. Т. 57. 1997. С. 37.

держит братьев в тени до обретения единовластия, стараясь контролировать их передвижения. В 330-ые годы их положение резко меняется. Само обозначение родственной связи превращается в титул (брат господина нашего). Аналогичный пример мы видели в отношении сестры Константина Констанции, однако в отношении нее подобное титулование призвано затушевать факт ее брака с преданным проклятью императором Лицинием. Братья входят в элиту и, что немаловажно, им предоставлена свобода действия, что наглядно проявляется в выборе жизненного пути Флавием Далмацием (государственная служба) и Юлием Констанцием (не связанные с обязанностями почести).

Выводы ко II разделу. Получив власть 25 июля 306 года после смерти отца, Константин Великий стал не только отцом отечества⁴³⁶, но и главой большого семейства. Если в отношении к уже мертвым родственникам – отцу Констанцию Хлору и «предку» Клавдию Готскому, Константин руководствовался политическим расчетом, то в отношении к семейному окружению нередко проявляются его личные чувства. Яркий пример – мать Елена, которую Константин не только окружил комфортом и почетом, но и без всякой видимой необходимости возвысил до уровня августы и статуса родоначальницы династии, потеснив в конечном итоге более традиционную в этом смысле фигуру отца. Фигуры родителей знакомят нас с любопытной чертой династической политики Константина Великого – он умел «забывать» и «вспоминать» родных людей, когда для этого приходило нужное время. Мать пребывала в тени все время борьбы Константина за единовластие, так как ее фигура создавала определенные сложности (вопрос о статусе ее брака) для генеалогических построений сына, ненужные ему в период борьбы за единовластие.

⁴³⁶ Титул *pater patriae* фиксируется только с 307 года: *Kienast D. Op. cit. S. 298.*

Формируемая Константином генеалогия должна была обслуживать идею длинной династии, которая была невозможна без наследников. Для их рождения Константин находит супругу в лице Фаусты, дочери со-основателя тетрархии Максимиана Геркулия. Выше мы уже говорили, что в период 306 – 308 гг. Константин обосновывал легитимность своего положения тетрархической конституцией, потому брак с дочерью со-основателя тетрархии был ему важен. Однако затем связь с тетрархией утрачивает свою значимость, а сам Максимиан Геркулий погибает в 310 году в результате своих же козней. Константин прибегает к практике «забвения» этого члена своей династии, однако вновь реабилитирует его в 317 году, стремясь подкрепить статус своих порфирородных сыновей. Сама жена играет в этих династических играх своего мужа довольно скромную роль – она фактически нужна лишь для рождения порфирородных детей, столь требовавшихся Константину на фоне противостояния с безродным Лицинием. Когда в 326 году Фауста погибла, Константин вычеркнул ее из династических схем, что наглядно демонстрирует вторичность ее роли во всей династической политике – фигура императора, едва ли не официально ставшего отцом-одиночкой, не выглядит странно, а родословие ее сыновей вполне фиксируется и без участия матери.

В стройную систему «предки – родители – Константин – его дети» вносили сложность дети Констанция Хлора от второго брака. На фоне политически ангажированной дискуссии вокруг Елены, они представляли для Константина некоторую опасность. В большей степени это касается братьев, однако Константин отложил решение их судьбы до определенного момента, отправив – в знак уважения к матери – их в ссылку. В отношении к сестрам Константин обнаруживает прагматизм, так как они фактически становятся залогом его непрочных и угадываемо-бесперспективных политических союзов. Больше повезло братьям, которые переждали сложные времена борьбы Константина за единовластие в ссылках, после чего были возвышены им. Немаловажно, что наличие у правящего римского императора нескольких

родных братьев – редкий, едва ли не уникальный пример в римской истории. Либаний восторженно изображает доброе отношение Юлия Констанция к своему августейшему брату; на наш взгляд, восторги оратора справедливо было бы отнести в адрес именно Константина, который обнаруживает в отношении братьев не политический расчет, а родственное чувство. Этим последним обстоятельством мы, соглашаясь с Э. Гиббоном⁴³⁷, можем объяснить возвышение братьев. Любопытно, что Константин признает в них членов императорской династии задолго до обретения единовластия (примером чему могут служить манипуляции с именами), а в 330-ых гг., когда уже не было риска задеть этим Елену, он институционализирует родственные отношения, превращая само именование братских отношений в титул – «брат господина нашего Константина Августа». Мы видели, что аналогичный титул («сестра...») применялся и к Констанции, однако в ее случае он скорее затушевывал ее брак с Лицинием; в отношении Анастасии и Евтропии он не зафиксирован.

Еще одно важное обстоятельство в жизни братьев, на которое мы должны обратить внимание, это их личная жизнь. Константин не препятствовал ей, хотя она создавала боковые ветви императорской семьи. На примере дочери Юлия Констанция, которая стала женой третьего сына Константина Великого, мы видим, что император, очевидно, предусмотрел это обстоятельство и попытался связать эти семьи воедино. Кровнородственный брак должен был обеспечить третье поколение императоров, чья родословная по обеим линиям состояла бы из лиц членов одной августейшей семьи. Впрочем, эти и другие планы Константина Великого в отношении своих наследников мы осветим в следующем разделе.

⁴³⁷ Гиббон Э. Указ. соч. Т. I. С. 591.

Глава III. Наследники Константина Великого

Существование создаваемой Константином династии было невозможно без наследников. Тетрархия Диоклетиана, как мы отмечали выше, брала на вооружение восходящий еще к Антонинам принцип привлечения к власти «наилучших», однако уже сами участники тетрархии отошли от него. Разрыв Константина с идеологией тетрархии в 310 году и легитимация своего положения через фигуру отца неизбежно выводила его на путь создания системы наследования, основанной на кровнородственном принципе. Сын своего отца, он теперь должен был передать власть своим сыновьям. Их рождение декларировалось в 313 году анонимным оратором⁴³⁸, который зывал к императору: «сделай же так, чтобы <...> в течение всех веков Константин жил на земле!» (Pan. Lat. IX.26.4). Озвученная идеологема примечательна тем, что здесь не император-отец обеспечивает будущность сыновьям⁴³⁹, но они ему – бессмертную славу. Константин, делая выбор в пользу родных сыновей в качестве наследников, не только шел против политической практики Антонинов и Диоклетиана, но и своим решением рисковал напомнить самые неудачные примеры из истории императорской власти (e.g. Домициан, Коммод, Каракалла).

Константин Великий был одним из немногих «многодетных» римских императоров, что создавало для него вполне понятные сложности с определением фигуры наследника (наследников). Еще старые авторы – Э.

⁴³⁸ Напомним, что к этому году у Константина от жены Фаусты не было пока еще ни одного сына. Однако сам призыв оратора показателен – сыновья были необходимой частью династических конструкций Константина Великого.

⁴³⁹ Как это было у других императоров, придерживавшихся кровнородственного принципа наследования – Веспасиана и Септимия Севера. Первый, по сообщению Светония, жестко указывал сенату на то, что наследниками ему будут или его сыновья, или никто (Suet. Vesp. 25); второй, как указывает один из SHA, радовался тому факту, что оставляет государству двух своих сыновей (SHA. Sev. 20.1).

Гиббон и Т. Моммзен⁴⁴⁰ – упрекали императора в том, что озвучивавшиеся им схемы наследования не отличались последовательностью и в целом являют собой слабое место в его династической политике. Рассмотрим же эту ее часть подробнее.

§ 1. Крисп: несостоявшийся наследник

Следуя хронологическому принципу, мы должны начать знакомство с наследниками со старшего сына Константина – Криспа. Точный год его рождения нам неизвестен, но принятые на основании источников датировки⁴⁴¹ позволяют думать, что на момент прихода к власти Константина в 306 году Крисп уже был в сознательно-детском возрасте. Панегирик 307 года, произнесенный по случаю свадьбы Константина и Фаусты, не содержит упоминаний Криспа – что логично в свете обращенного к Константину призыва стать отцом в новом браке. Но появление Криспа на геммах в кругу императорской семьи, о чем мы говорили в связи с Еленой и Фаустой⁴⁴², а также весь последующий его *cursus honorum* свидетельствуют, что Крисп никогда не рассматривался отцом вне рамок семьи и династии. Рассмотрим его место в династических схемах Константина.

а) Императорский сын и соправитель.

⁴⁴⁰ Гиббон Э. Указ. соч. Т. 2. С. 269–270; Моммзен Т. Указ. соч. С. 509.

⁴⁴¹ Отправные точки для подсчета – женитьба Константина на Фаусте 307 году (соответственно, Минервина, мать Криспа, к этому времени либо уже умерла, либо была оставлена), рождение у самого Криспа ребенка в 322 году и его участие в кампании 324 года. На основании этих данных датировка рождения Криспа должна быть локализована около 300 года: Гиббон Э. Указ. соч. Т. 2. С. 265; PLRE. Vol. I. P. 233; Fl. Iul. Crispus 4; Kienast D. Op. cit. S. 305; Chausson F. Op. cit. P. 110.

⁴⁴² Мы, как уже было сказано, принимаем эту идентификацию изображений.

Карьера Криспа началась 1 марта 317 года, когда он был провозглашен цезарем вместе со своим малолетним братом Константином-мл.; начиная с этого момента его фиксируют эпиграфика и нумизматика, которые называют его Флавием Юлием Криспом⁴⁴³. Выше мы уже говорили, что помен «Юлий» принадлежало некогда Констанцию Хлору. Напомним, что автор из числа США возводит начало семьи Константина к брату Клавдия Готского по имени Крисп (SHA Claud. 13.2; 9). Даже если этот персонаж выдуман (что, на наш взгляд, наиболее вероятно), само его изобретение показательно: оно должно было создать юному цезарю соименного предка.

В марте 321 года⁴⁴⁴ оратор Назарий, сообщая о прибытии Криспа ко двору отца для заслуженных почестей по случаю побед над франками, отмечает, что в этот момент Галлии «тоскуют» по нему (Pan. Lat. 10.37.4). Из этого мы можем сделать вывод, что Криспу были вверены территории Галлии и Британии и что к началу 320-ых гг. у него уже был некоторый военный опыт. Чеканки Лондиния⁴⁴⁵, Лугдуна⁴⁴⁶, Августы Треверов⁴⁴⁷ и Арелата⁴⁴⁸ с портретом Криспа 319–321 гг. прославляют «радостную победу» и «доблесть войска», что может служить доказательством его полководческих успехов на Рейнском рубеже. Отметим, что «Галлии» последовательно управлялись Констанцием Хлором (как тетрархом), а затем самим Константином Великим. Евсевий после 337 года скажет об этих землях как о «дедовских (*т.е. Констанция Хлора – И.М.*) владениях» (Vita Const. IV.51). Таким образом, правящая династия была тесно связана с «Галлиями», что

⁴⁴³ PLRE. Vol. I. P. 233: Fl. Iul. Crispus 4; Kienast D. Op. cit. S. 306. Фиксируются также nomina «Клавдий» (RIC. Vol. VII. P. 173) и «Валерий» (RIC. Vol. VII. Nicomedia. P. 604, № 25; CIL VI.1155), однако их появление уникально.

⁴⁴⁴ Шабига И.Ю. Славься, император! С. 120.

⁴⁴⁵ RIC. Vol. VII. P. 106–110

⁴⁴⁶ Ibid. P. 126–130.

⁴⁴⁷ Ibid. P. 183–184; 187–190.

⁴⁴⁸ Ibid. P. 257.

превращает данный регион в некое подобие фамильного «домена» и придает ему престижности на текущий момент⁴⁴⁹. Обладание им в этот период подчеркивает статус Криспа как наследника своего отца, обладавшего статусом повелителя западной части Римского мира.

30 октября 322 года Константин издает следующее распоряжение: «В связи с рождением потомства (*partus*) [в семье] Криспа и Елены, мы прощаем всех, за исключением отравителей, убийц и прелюбодеев» (CTh. IX.38.1). Из текста документа мы узнаем, что Крисп был женат (свадьбу на основании даты рождения ребенка следует датировать самое позднее началом 322 года) и имел ребенка. Упоминание последнего в официальном документе, да и сам факт амнистии свидетельствуют в пользу того, что это был мальчик – наследник по мужской линии⁴⁵⁰. Обращает на себя внимание и жена Криспа – Елена. Еще Дюканж отметил⁴⁵¹, что упоминания в указе 322 года – это единственное свидетельство о ней в письменных источниках. В свете ее имени (Елена) и по аналогии с более поздними браками сыновей и племянников Константина, в ней видят его племянницу, что обуславливает

⁴⁴⁹ Показательно, что в будущем этот регион достанется Константину-мл., т.е. опять же старшему (после гибели Криспа в 326 году) сыну; во второй половине 320-ых он будет прославлен как победитель алеманов: Seeck. *Constantinus* (2). Sp. 1026; Kienast D. Op. cit. S. 310. Впрочем, с основанием Константинополя статусный уровень частей Римской империи изменился, чем и можно объяснить недовольство Константина-мл. и его последующую войну против брата Константа, владевшего Италией.

⁴⁵⁰ Старые исследователи – Дюканж (Op. cit. P. 46), Тиллемон (Op. cit. P. 183), Гиббон и Зеек (*Crispus* (9) // PWRE. Bd. IV/8. Sp. 1723) – осторожно выбирают слова, не указывающие пол ребенка (потомство, дитя и проч.). Д. Кинаст считает ребенка мальчиком: Kienast D. Op. cit. S. 306.

⁴⁵¹ *Du Cange C.* Op. cit. P. 46; Seeck O. *Helena* (3) // PWRE. Bd. VII/14. Sp. 2822; PLRE. Vol. I. P. 409: *Helena* 1; Barnes T.D. *Constantine: Dynasty...* P. 104. В разделе о Елене – матери Константина мы уже отмечали фиксацию некой «знатной женщины Елены» фессалоникийской чеканкой 318–319 гг.: RIC. Vol. VII. *Thessalonica*. P. 503.

спорные генеалогические спекуляции⁴⁵². Осторожно предположим, однако, что девушка совершенно необязательно должна была носить имя Елена с рождения. Аврелий Виктор сообщает, что в 351 году сын Константина Великого Констанций поменял своему кузену Галлу имя на свое (*De caes.* 42.9). Не могли ли подобным же образом из династических соображений переменить имя и жене Криспа, соправителя и наследника правящего императора? Впрочем, вопрос личности этой Елены для нас вторичен, гораздо важнее сам факт брака Криспа – Константин озабочен тем, чтобы его сын продолжил род. Таким образом, мы видим процесс выстраивания Константином линейной династии с двумя поколениями предков (Клавдий Готский, Констанций Хлор) и двумя поколениями потомков (сын Крисп и его сын – внук самого Константина Великого).

Вершиной карьеры Криспа стала кампания 324 года против Лициния. Близкий к описываемым событиям Аноним Вalezия сообщает, что Крисп лично командовал «большим флотом» (*Origo* 5.23–26). Развернутое описание кампании содержится у Зосима, однако он говорит о «флоте Константина», которым командуют «навархи Константина» или «полководцы Константина» (*Zos. Hist. Nov.* II.23). Позднейший Анонимный продолжатель Диона передает следующий анекдот: «Крисп, сын Константина, прославился своей доблестью, и часто Лициний, побежденный им, в печали произносил такие строки из Гомера: “Старец, жестоко тебя ратоборцы молодые стесняют! / Сила

⁴⁵² Эта версия, на наш взгляд, не выдерживает критики. Констанций Хлор и Феодора вступили в брак в самое раннее – в 289 году, самое позднее – в 293 году, т.е. их первый ребенок – брат или сестра Константина – к 322 году был в возрасте около 30 лет. Возраст этот явно недостаточен, чтобы быть родителем девушки, готовой к браку и рождению ребенка. Ф. Шоссон, видя здесь противоречие, выдумывает Константину родного брата/сестру, рожденного Еленой. Основанием для такой гипотезы является мысль, что рождение одного только Константина за двадцать лет союза Констанция Хлора и Елены – это «очень мало» (*sic!*): *Chausson F.* *Op. cit.* 121–122. Подобная исследовательская метода вряд ли нуждается в критике, так как ее низкое качество очевидно само по себе.

оставила, старость тебя удручила лихая”» (FHG. Vol. IV, p. 199⁴⁵³). Таким образом, непосредственное участие Криспа в кампании фиксирует и латинская (Аноним Вalezия), и греческая (продолжатель Диона) традиции. Причины, по которым Зосим подменяет Криспа безликими «навархами» и «полководцами», неясны. Предположим, что участие Криспа проигнорировал источник Зосима, Евнапий, чей труд не сохранился.

Положение Криспа после 324 года фиксирует по горячим следам Евсевий в своей «Церковной истории»: «А так как их (*т.е. Константина и Криспа – И.М.*) вели и помогали им Бог и Спаситель всех, Сын Божий, то отец и сын <...> легко одержали победу, ибо всё облегчал им Бог. <...> Великий победитель Константин, осененный силой благочестия, вместе с сыном Криспом, боголюбезнейшим и похожим во всем на отца, принял в собственное владение Восток и объединил Римскую империю, по-древнему, под одной властью...» (Hist. Eccl. X.9.4–6). Чуть ниже Евсевий отмечает факт прославления «благочестивого императора (*т.е. Константина – И.М.*) со всеми его боголюбезными детьми», однако главный акцент все же сделан на Криспе. Тот факт, что Крисп делит статус младшего соправителя отца с братьями – семилетним Константином-мл. и получившим титул 8 ноября 324 года Констанцием (их реальный статус рассмотрим в своем месте), – Евсевий игнорирует.

Суммируя все вышесказанное, можем предположить, что при дворе Константина существовала – вероятно, не очень четко оформленная – тенденция на установление династической вертикали в виде власти, императора-отца и императора-сына. Такая расстановка отвечала самой идее монархии Константина и была подкреплена богословским аргументом (покровительство Бога Отца и Бога Сына отцу и сыну императорам), однако на деле поднимала вопрос о дальнейшей судьбе сыновей Фаусты. Ситуация поменялась в 326 году, когда Крисп внезапно погиб.

⁴⁵³ Перевод строк Гомера (Hom. II. VIII.103–104) – Н.И. Гнедича.

б) Гибель Криспа в свете династической политики.

В разделе о Фаусте мы пришли к выводу, что восстановить канву событий 326 года в точности едва ли возможно. Конкретные причины убийства Криспа нам неясны, однако не согласимся с Т. Моммзенем, полагавшим⁴⁵⁴, что убийство не может быть объяснено политическими мотивами. Версия о влюбленности и коварстве Фаусты в том виде, в каком она изложена у авторов, не выдерживает критики по причине откровенной литературности сюжета. Выше мы убедительно продемонстрировали, что Крисп ценился отцом, а его положение наследника было весьма прочно. В период, пока Фауста не рожала сыновей (307–316 гг.) Крисп был единственным наследником отца. Однако даже рожденные ею и возведенные в достоинство цезарей Константин-мл. и Констанций не могли бы сравниться с Криспом. Обращает на себя внимание и сама «монархия»⁴⁵⁵ Константина, удачно описанная близким к эпохе Аврелием Виктором: «...государство стало управляться властью одного [человека], дети же сохранили титулы цезарей» (De caes. 41.10). Присутствие младших соправителей было формальностью, никак не связывавшей единовластие, которое подразумевало и единоличного наследника – и чуткий Евсевий, чуть ли не игнорируя младших цезарей, отозвался своей концепцией власти отца и сына (который, в свою очередь, уже был отцом). Обращает на себя внимание и дата падения и казни Криспа – 326 год, т.е. двадцатая годовщина правления Константина. Предшествовавший единовластию Константина опыт тетрархии подразумевал двадцатилетнее пребывание августа у власти; исследователи⁴⁵⁶ увидели здесь связь. Конечно, было бы смелостью предполагать, что Крисп

⁴⁵⁴ Моммзен Т. Указ. соч. С. 502.

⁴⁵⁵ Крист К. Указ. соч. С. 433; Моммзен Т. Указ. соч. С.

⁴⁵⁶ Гиббон Э. Указ. соч. Т. 2. С. 266; А. Демандт: Моммзен Т. Указ. соч. С. 502. Примечание 465.

как-то пытался повлиять на отца с целью отстранения его от власти, чем вызвал его неудовольствие; для таких выводов наши источники дают слишком мало информации. Евтропий сообщает, что вместе с родственниками в ходе чистки 326 года Константином были убиты «многочисленные друзья» Криспа (Brev. X.6.3). В связи с этим можно с осторожностью допустить, что определенные настроения и надежды на передачу власти Криспу имели место при дворе, значительная часть которого не могла не помнить традиций тетрархии.

Как бы то ни было, подробности гибели Криспа не столь принципиальны для нашего исследования; куда более важна она для нас в качестве примера исключения члена династии (причем далеко не последнего) из нее. Итак, после смерти Криспа его имена были стерты с общественных надписей⁴⁵⁷, т.е. он был подвергнут проклятию памяти (*damnatio memoriae*) и, следовательно, вычеркнут из состава династии. Это третий встречаемый нами (но хронологически – второй⁴⁵⁸) случай предания члена династии проклятию памяти, однако первый случай – с Максимианом Геркулием – завершился реабилитацией; второй – с Фаустой – прошел для династических конструкций достаточно безболезненно, так как фигура жены императора и матери его сыновей всегда была вторична. Ситуация с Криспом уникальна – одну из центральных фигур своей династической политики Константин должен был из нее исключить. Зосим красочно повествует о том, что проявленная в отношении сына жестокость тяготила Константина, который будто бы в поисках душевного утешения обратился к Христианству (Hist. Nov. II.29.3–4). Выше мы уже отмечали, что Константин продолжал направленную на установление веротерпимости политику отца, т.е. его интерес к Христианству обнаружился задолго до 326 года. Однако сообщение Зосима ставит перед нами вопрос о возможной реабилитации

⁴⁵⁷ Seeck O. Crispus (9). Sp. 1724.

⁴⁵⁸ Смерть Фаусты датируется нарративной традицией временем после смерти Криспа, ставя их во взаимную связь. Подробнее об этом – в параграфе, посвященном Фаусте.

Криспа. Был ли императорский сын официально реабилитирован в правление своего отца? Отсутствие упоминаний о нем в позднейших сочинениях Евсевия, а также исчезновение его имени с монет более поздней эпохи, кажется, дает четкий отрицательный ответ. Однако поздний источник, описывающий статуи Константинополя VIII века, сообщает о существовании там статуи сына⁴⁵⁹ императора с надписью: «Мой сын, несправедливо осужденный» (PSch. 7). Однако показательно, что вся современная Константину нарративная традиция молчит об убийстве сына – о нем впервые говорят только Евтропий и Аврелий Виктор, и лишь Псевдо-Аврелий Виктор в конце IV века озвучивает весьма сомнительную причину (ссылаясь при этом, как мы помним, на слухи). Было бы странно, если при таком стремлении сокрыть этот факт Константин сам бы не только сообщил о нем, но и публично признал себя – «предусмотрительнейшего» императора (CIL VIII.2721 = ILS 689) и «лучшего руководителя дел человеческих» (CIL XI.6657) – неправым. Не отрицая возможного существования статуи, мы можем предположить, что подобная «реабилитация» Криспа имела место много позже эпохи Константина⁴⁶⁰, как своеобразный отзвук на сообщение о его раскаянии. Вполне возможно, что у этой версии были сторонники-христиане, отзвук свидетельств которых мы и видим у нашего автора. Таким образом, у нас нет оснований подозревать реабилитацию Криспа в правление Константина.

Итак, рассмотрев судьбу старшего сына Константина Великого, мы можем отметить, что изначально в своих династических конструкциях Константин тяготел к линейному наследованию. Подобно тому, как сам он получил власть от отца, будучи старшим сыном, так и Крисп в 317–326 гг. оттеснял

⁴⁵⁹ Автор называет его третьим сыном Константина и дает ему аналогичное имя, однако добавляет: «...о котором Геродот и Ипполин хронографы говорят, что он был обезглавлен отцом» (PSch. 7). Казнь очевидным образом указывает на Криспа.

⁴⁶⁰ Гиббон Э. Указ. соч. Т. 2. С. 268.

младших братьев, претендуя на место единственного наследника (с чем не спорила и официальная пропаганда). Его падение демонстрирует нам уже известный – по примеру тестя, Максимиана Геркулия, и жены, Фаусты, прием – прием в виде исключения из династии ее члена с последующим преданием проклятью памяти. Вместе с тем, гибель Криспа обостряла и без того существенный вопрос – каково будет положение сыновей Фаусты в династических схемах Константина Великого. При жизни Криспа они, по причине малолетства, неизбежно находились в его тени; теперь же, в 326 году, когда старшему из них едва было десять лет, они являлись единственной опорой всех династических построений отца.

§ 2. Сыновья Фаусты: Константин-мл., Констанций и Констант

Как уже было сказано, брак Константина с Фаустой, дочерью со-основателя тетрархии Максимиана Геркулия, в 307 году существенно поднимал его статус на фоне политической нестабильности периода пост-тетрархических войн. В 310–312 гг. положение Фаусты несколько пошатнулось вследствие разрыва Константина с тестем Максимианом Геркулием – последний был физически уничтожен и предан проклятью памяти, однако, как мы видели, лишь на время. Рождение Фаустой первого сына в 316 году было явно на руку Константину – как и его соперник Лициний, он обзавелся сыном от порфирородной супруги (отец, как мы уже видели, которой немедленно был полностью реабилитирован).

Однако прежде чем рассматривать положение сыновей Фаусты, обратимся к проблеме исключительно генеалогического характера, но все же имеющей для нас исключительную важность, а именно к происхождению ее первого сына – Константина-мл. Выше мы уже отмечали, что ряд исследователей на основании имеющихся данных считают его не сыном Фаусты. Проанализируем имеющиеся у нас источники, чтобы проверить правильность этого мнения.

а) Проблема происхождения Константина-мл.

И Ш. Дюканж, и Л.–С. Тиллемон, и Э. Гиббон считали Константина-мл. ребенком Фаусты⁴⁶¹. Первый определяет датой его рождения 316 год, ссылаясь на источники, из которых только один содержит более-менее четкое хронологическое указание – это сочинение Псевдо-Аврелия Виктора. Автор, сообщая о провозглашении сыновей Константина и Лициния (Криспа, Константина-мл. и Лициния-мл.) цезарями 1 марта 317 года, отмечает, что Константин-мл. «родился в те дни в городе Арелате» (*Epitome de caes.* 41.4). Четкой даты у нас нет, и лишь V веке календарь Полемия Сильвия указывает 7 августа «[днем] рождения Константина-младшего» (*ILA, pars I, p. 271*)⁴⁶². Если принять во внимание провозглашение Константина-мл. цезарем 1 марта 317 года, то он должен был родиться в ближайшем августе, и полученная нами дата – 7 августа 316 года. Хотя многие исследователи⁴⁶³ принимают эту дату, нам стоит обратить внимание на данные более раннего календаря: «Хронограф 354 года» Филокала называет 7 августа «[днем] рождения Констанция» (*ILA, pars I, p. 270*). Поскольку указанный император Констанций не назван *divus*⁴⁶⁴, т.е. он жив в 354 году, то можно быть уверенными, что это – сын Константина Великого, Констанций, родившийся

⁴⁶¹ *Tillemont L.–S. Op. cit. P. 168; Du Cange C. Op. cit. P. 47; Гиббон Э. Указ. соч. Том II. С. 269.*

⁴⁶² Календарь Полемия Сильвия, равно как и парный к нему календарь Филокала опубликованы вместе: *Inscriptiones Latinae Antiquissimae. Pars Prior. Berolini, 1893. P. 254–279.* Здесь и далее – ссылки на это издание.

⁴⁶³ *Du Cange C. Op. cit. P. 47; Barnes T.D. Constantine and Eusebius. P. 66–67; Pohlsander H. Op. cit. P. 41; Potter D.S. Constantine... P. 169; Odahl Ch.M. Op. cit. P. 164.*

⁴⁶⁴ «[день] рождения божественного Констанция» (т.е. императора Констанция Хлора) датирован Филокалом 31 марта. Интересно, что Полемий Сильвий помечает это число как «день рождения Константина» (*ILA, pars I, p. 260–261*).

в 317 году ⁴⁶⁵ и здравствовавший в 354 году. Итак, согласно данным двух календарей два брата родились в один день с разницей в год. Не обсуждая физиологическую сторону вопроса, можно заподозрить ошибку в источниках. На наш взгляд, большего доверия заслуживает Филокал, которому должен был быть известен празднуемый ежегодно день рождения правящего императора. Ошибку логичнее подозревать за Полемием Сильвием ⁴⁶⁶. Это приводит нас к исходной точке нашего рассуждения: дата рождения Константина-мл. неизвестна, а единственное свидетельство, принадлежащее Псевдо-Аврелию Виктору, не дает конкретной хронологической локализации. О. Зеек ⁴⁶⁷ на основании этих данных датировал рождение Константина-мл. февралем 317 года, однако между февралем (рождение Константина-мл.) и 7 августа 317 года (рождение Констанция) у Фаусты явно было недостаточно времени, чтобы выносить ребенка ⁴⁶⁸. В свете этого приходится поднять вопрос материнства Фаусты в отношении Константина-мл.

Т. Моммзен, ощущая степень запутанности сообщений источников, предпочел приписать рождение сыновей Константина неким «наложницам» ⁴⁶⁹ – вероятно, с опорой на смутные сообщения Зосима и Юлиана о существовании у Константина многих спутниц (о чем мы подробно говорили выше). Развивая этот вывод, О. Зеек предполагает, что

⁴⁶⁵ PLRE. Vol. I. P. 226. Fl. Iul. Constantius 8; *Kienast D.* Op. cit. S. 314.

⁴⁶⁶ Отметим особенно, что Полемий Сильвий, живший веком позже Филокала, мог пользоваться его календарем в качестве источника информации: *Salzman M.R.* On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity. Berkeley. Los Angeles, Oxford, 1990. P. 4.

⁴⁶⁷ *Seeck O.* Constantinus (3). Sp. 1026.

⁴⁶⁸ Экзотична точка зрения М. Клауса, который, сообщая о провозглашении Константина-мл. цезарем, отмечает, что Фауста родила этого сына «несколькими днями ранее» (*Constantin II, den Fausta wenige Tage zuvor zur Welt gebracht hatte*): *Clauss M.* Op. cit. S. 45.

⁴⁶⁹ *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 500.

Константин-мл. был сыном женщины из Арелата⁴⁷⁰; происхождение «матери» Константина-мл. Зеек устанавливает на основании сообщения Псевдо-Аврелия Виктора и местопребывания Константина, которое определяется через законодательные акты: 6 мая 316 года император отметил в Вьенне (CTh. II.6.1), а 13 августа – в Арелате (CTh. XI.30.5; 6)⁴⁷¹. Рождение же ребенка, по мнению Зеека, произошло в отсутствие отца.

Оставляя в стороне происхождение гипотетической матери Константина-мл., обратимся к самому ее факту существования. О. Зеек подкреплял его опорой на эпиграфические данные⁴⁷² – в надписи из Сорренто Фауста упомянута как «[[супруга]] ... Константина» и «[[мачеха]] ... [[Криспа]], Константина и Констанция» (CIL X.678 = ILS 710). Двойными скобками отмечаем слова, которые были уничтожены. Восстановление слова «мачеха» (*puerca*) было предложено Ф. фон Дуном и Т. Моммзеном⁴⁷³, однако спорное мнение последнего относительно происхождения детей Константина нам известно. Более того, на основании этого восстановления следует, что Фауста не была матерью даже Констанция II⁴⁷⁴ – это согласуется с мнением Моммзена, но противоречит сообщениям традиции.

⁴⁷⁰ Seeck O. *Constantinus* (3). Sp. 1026.

⁴⁷¹ Исследователь все же создает малоубедительную картину: мы должны предполагать, что император после 6 мая 316 года (когда его пребывание зафиксировано во Вьенне) должен был спешно устремиться в Арелат, чтобы встретиться с наложницей, которая бы родила сына через девять месяцев (начало февраля). Однако император мог попросту возить наложницу с собой, и забеременеть она могла в любом месте, где он останавливался; узнав о беременности, он мог оставить ее в Арелате. Таким образом, ничто не указывает на ее арелатское происхождение.

⁴⁷² Seeck O. *Fausta* (3). Sp. 2084.

⁴⁷³ ILS. Vol. I. P. 160. П. Гатри резонно заметил, что восстановление *puerca* – весьма произвольно, да и само использование этого слова применительно к императрицам в официальном контексте не находит иных подтверждений: Guthrie P. *Op. cit.* P. 330.

⁴⁷⁴ Надписи называют Констанция внуком Максимиана Геркулия. Юлиан называет мать Констанция «дочерью одного, женой другого, сестрой иного и матерью многих

Выводы Зеека были восприняты составителями PLRE, которые даже решили ввести гипотетическую мать Константина в число исторических персонажей под условным наименованием «Анопуа 25». Однако еще в 1966 году П. Гатри выдвинул ряд возражений⁴⁷⁵ против умозаключений О. Зеека. Он привел слова Юлиана матери императора Констанция, как о «матери многих императоров»⁴⁷⁶ (Iul. Orat. I.9c–d), а также, парируя эпиграфический аргумент Зеека, надпись из Арелата, где одновременно указаны Константин-мл. и Фауста, и последняя именуется «матерью»⁴⁷⁷ (CIL XII, 668 = AE 1952, 107 = AE 2004, 880). К замечаниям П. Гатри добавим несколько важных обстоятельств. Во-первых, Псевдо-Аврелий Виктор, на тексте которого основывается Зеек, знает Фаусту как «супругу Константина» (Epitome de caes. 40.12), а сообщая о провозглашении Криспа и Константина-мл. цезарями, специально отмечает, что первый был рожден «от конкубины Минервины» (Epitome de caes. 41.5). Таким образом, автор знает только двух женщин императора Константина, и о рождении одного сына не от Фаусты считает нужным сообщить особо. Во-вторых, Константин-мл. был провозглашен цезарем вместе со старшим братом Криспом и сыном Лициния после поражения последнего. Малолетний сын Лициния лишь в одном превосходил Криспа – он был порфирородным сыном от порфирородной супруги, императорской дочери. Думается, что если бы малолетний

императоров» (Iul. Orat. I.9c). В этих словах без труда угадывается Фауста: дочь Максимиана Геркулия, сестра Максенция, жена Константина Великого и мать его детей.

⁴⁷⁵ Guthrie P. Op. cit. P. 329 – 331.

⁴⁷⁶ При этом Юлиан перечисляет трех братьев Констанция – первый помогал Константину сражаться против тиранов, второй победил «гетов», третий оборонял границы. В первом сыне резонно увидеть Криспа, однако он не был сыном Фаусты; два других – это Константин-мл. и Констант. Отдельно заметим, что материнство Фаусты в отношении Константина-мл. зафиксировано поздней традицией: Феофан считает его (правда, как и Криспа) ребенком Фаусты (Chron. A.M. 5814); Зонара поименно называет «троих сыновей от Фаусты» (Epitome hist. XIII.3, col. 1105–1106).

⁴⁷⁷ Barnes T.D. Lactantius... P. 36. Ft. 71; Chausson F. Op. cit. P. 34–36.

Константин-мл. был сыном конкубины, его провозглашение никак не укрепило бы династические конструкции Константина. Между тем, мы видим, что с его рождением и провозглашением происходит полная реабилитация Максимиана Геркулия⁴⁷⁸, отца Фаусты. Отсюда следует, что персона Константина-мл. является отсылкой к этой генеалогической линии.

Итак, есть ли необходимость выдумывать гипотетическую мать Константина-мл., существование которого не подтверждается никаким источником? Вслед за Т. Барнсом⁴⁷⁹ примем вывод П. Гатри⁴⁸⁰: сторонники рождения Константина-мл. от наложницы не приводят достаточных оснований своей точки зрения. Повторим еще раз вывод, озвученный в параграфе о женах Константина Великого – у нас нет внятных оснований предполагать его связь с какими-то другими женщинами, кроме Минервины, матери Криспа, и Фаусты, супруги императора с 307 года.

Как же быть с датой рождения Константина-мл.? Если высчитывать ее от даты рождения его младшего брата Констанция (7 августа 317 года), то максимально поздняя датировка – это конец октября 316 года. Выше мы уже отмечали готовность ряда исследователей принять сообщение Полемия Сильвия (7 августа), однако осмысленнее выглядит нейтральная датировка – лето 316 года⁴⁸¹. Как тогда толковать «те дни» Псевдо-Аврелия Виктора? Такая расплывчатая датировка предполагает, что Константин-мл. был провозглашен цезарем сразу после рождения. Возможно, что о самом факте его рождения было широко объявлено лишь в связи с провозглашением, отчего создалось впечатление, что между этими двумя событиями прошло мало времени. Нелишним будет вспомнить, что все эти события происходили на фоне военного противостояния Константина и Лициния, что могло

⁴⁷⁸ *Enßlin W.* Maximianus (1) // PWRE. Bd. XIV/28. Sp. 2516.

⁴⁷⁹ *Barnes T.D.* Lactantius... P. 36. Ft. 71

⁴⁸⁰ *Guthrie P.* Op. cit. P. 331.

⁴⁸¹ *Odahl Ch.M.* Op. cit. P. 164.

несколько смазать последовательное повествование о них – тем более у такого писавшего спустя много десятилетий компилятора.

Таким образом, мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые считают Константина-мл. сыном Фаусты, и полагаем, что он был в равных правах с младшими братьями. Решив эту сугубо генеалогическую проблему, обратимся к процессу кооптации сыновей во власть.

б) Кооптация сыновей во власть.

Евсевий в «Речи 336 года» заявляет, что Константин «первого, одноименного [сына] (*т.е. Константина-мл. – И.М.*) объявил причастным царскому жребию, по прошествии первого десятилетнего периода царствования, второго по времени (*т.е. Констанция – И.М.*) – по прошествии второго, а третьего (*т.е. Константа. – И.М.*) – в третий, нынешний десятилетний праздник» (Orat. 3). То же самое он повторяет и в биографии Константина уже после его смерти (Vita Const. IV.40). Юбилейные годы Константина, провозглашенного императором 25 июля 306 года, выпадали на 315/316 гг. (десять лет правления), 325/326 гг. (двадцать лет правления) и 335/336 гг. (тридцать лет правления). Между тем – Константин-мл. стал цезарем 1 марта 317 года⁴⁸², Констанций – 8 ноября 324 года⁴⁸³, Констант – 25 декабря 333 года⁴⁸⁴; ни одна дата не соответствует заявлениям Евсевия. Но на наш взгляд, автор и не ставил своей целью

⁴⁸² Kienast D. Op. cit. S. 310.

⁴⁸³ Kienast D. Op. cit. S. 314. Автор Пасхальной хроники переносит это событие на 325 год и дает любопытное замечание: «Благочестивейший Константин провозглашает августом своего сына Констанция, бывшего цезарем...». Однако это очевидная ошибка, не подтверждаемая документальными источниками, а также вступающая в противоречие с данными современника – Аврелия Виктора. Последний, сообщая о падении Лициния, отмечает: «... в то время знаки отличия цезаря были даны и нашему императору Констанцию» (De caes., 41, 10).

⁴⁸⁴ Kienast D. Op. cit. S. 312.

историческое повествование – он лишь фиксирует официальную точку зрения в том виде, в каком она существовала на момент 336 года. Ретроспективно это выглядело, как строгий и продуманный план, однако как было в действительности?

Константин-мл. был провозглашен цезарем вместе с братом Криспом и сыном Лициния по итогам военного столкновения Константина с Лицинием 1 марта 317 года. Его полное имя зафиксировано данными нумизматики и эпиграфики – Флавий Клавдий Константин⁴⁸⁵. Выбор помен «Клавдий» показателен; оно напоминало о «родоначальнике» династии – императоре Клавдии Готском. Важнее всего – *cognomen*. Евсевий, практически игнорирующий Константина-мл. в «Церковной истории» 320-ых гг., в 330-ые гг. особенно подчеркивает его соименность отцу⁴⁸⁶ (Orat. 3; Vita Const. IV.40). Рожденный Фаустой после долгого ожидания (брак не давал сыновей с 307 года), Константин-мл. был для отца желанным ребенком: он укреплял династическую конструкцию, «привнося» в нее еще одного предка – Максимиана Геркулия, о реабилитации которого в этот период мы говорили. Реальной роли, впрочем, Константин-мл. играть не мог по причине своего малолетства; на фоне старшего брата Криспа он пока что мог выполнять лишь декоративную функцию. Монократия Константина обозначала вопрос и его будущности – если в период противостояния Константина и Лициния Константин-мл. олицетворял мощный генеалогический аргумент, то с обретением Константином единовластия его положение в качестве наследника было неясно. Назарий, в 321 году рисующий Константина-мл. восторгающимся славными делами старшего брата, Криспа, осторожно

⁴⁸⁵ PLRE. Vol. I. P. 223: Fl. Claudius Constantinus 3. Некоторые экземпляры чеканки Августы Треверов 317 года именуют Константина-мл. «Юлием»: RIC. Vol. VII. Trier. P. 175.

⁴⁸⁶ Нелишним будет сопоставить это обстоятельство с тем фактом, что полным тезкой отца был и сын Лициния, Валерий Лициниан Лициний (младший). PLRE. Vol. I. P. 509: Val. Licinianus Licinius 4.

замечает, что мальчик «вскоре сам завершит все то, что, *может быть*, оставят незавершенным его родители и брат» (*si quid intactum aut parens aut frater reservet* – Pan. Lat. X.3.5). Положение Константина-мл. изменилось лишь со смертью Криспа, но об этом позже.

Констанций, согласно Аврелию Виктору, получил «знаки достоинства цезаря» (*De caes.* 41.10) сразу после разгрома Лициния. Письменные источники датируют провозглашение 8 ноября 324 года, однако данные нумизматики свидетельствуют о том, что титул был определен ему еще в июле/августе того же года⁴⁸⁷, т.е. до разгрома Лициния, но уже в ходе противостояния с ним. О. Зеек полагает, что официальное провозглашение имело место в Никомедии⁴⁸⁸. Не вдаваясь в подробности перемещения Константина по территории империи, отметим, что после покорения Лициния он должен был заняться знакомством с восточными областями империи, которые перешли под его контроль. Передача титула сына своего противника (Лициния-мл.) своему собственному сыну на этой территории выглядит вполне разумным шагом. С провозглашением Констанция цезарем две императорские линии (западная и восточная) соединились в пределах одной семьи. По данным нумизматики и эпиграфики полное имя молодого цезаря – Флавий Юлий Констанций⁴⁸⁹; выбор его очевиден – Евсевий называет его «украшенным именем деда», т.е. Констанция Хлором (*Vita Const.* IV.40). Выше мы отмечали, что оно привязывало к главной ветви правящего дома ветвь боковую – в лице брата Константина, Юлия Констанция⁴⁹⁰. Само провозглашение семилетнего Констанция отвечало

⁴⁸⁷ Bruun P.M. Op. cit. P. 77.

⁴⁸⁸ Seeck O. Constantius (4) // PWRE. Bd. IV/7. Sp. 1044. Д. Кинаст допускает такую локализацию: Kienast D. Op. cit. S. 314.

⁴⁸⁹ PLRE. Vol. I. P. 226: Fl. Iul. Constantius 8. Римская чеканка вплоть до 330 года именует Констанция «Флавием Валерием»: Bruun P.M. Op. cit. P. 30.

⁴⁹⁰ Это подтверждает мысль К. Криста о том, что Константин заботился о возвышении братьев для консолидации двух ветвей правящего дома: Крист К. Указ. соч. С. 435.

потребностям конкретного политического момента – заместить низложенную императорскую династию фигурой (хотя бы декоративной) из своей семьи. Таким образом, Констанций, как и его старший брат Константин-мл., играл пока скорее декоративную роль.

В двадцатилетнюю годовщину своего правления (325/326 гг.) Константин оказался единоличным императором с тремя сыновьями-соправителями в ранге цезарей. Повторим удачную характеристику этой системы у Аврелия Виктора: «государство стало управляться властью одного [человека], дети же сохранили (*liberis ... retentantibus*) титулы цезарей» (*De caes.* 41.10). Евтропий отмечает новаторство Константина – такого не было «никогда прежде» (*Brev.* X.6.2). Беспрецедентная ситуация триумvirата цезарей носила, однако, декоративный характер – количество цезарей никак не ограничивало власть единоличного августа, в качестве преемника которого рассматривался, как мы видели, Крисп. Однако резонен был вопрос о судьбе двух младших сыновей, у которых в 320/323 гг.⁴⁹¹ родился брат – Констант. Еще более запутала ситуацию гибель Криспа в 326 году. С потерей первенца пятидесятилетний Константин лишился как самого перспективного наследника единовластия, так и потенциальной, предполагаемой исследователями, возможности построить стройную тетрархическую систему из четырех императоров.

Описывая настроение Константина в этот период, Аврелий Виктор пишет, что император «увлек свой могучий дух (*ingentem animum avocavit*)

⁴⁹¹ Евтропий отмечает, что на момент смерти в 350 году ему было тридцать лет (*Brev.* X.9.3; *Zon. Epit. Hist.* XIII.6, col. 1123–1124), а Псевдо-Аврелий Виктор – двадцать семь (*Epitome de caes.* 41.23). Дюканж склонялся к мнению Евтропия: *Du Cange C.* Op. cit. P. 48. О. Зеек остроумно полагал, что «тридцать лет» – это округление «двадцати семи лет», приведенных у Псевдо-Аврелия Виктора: *Seeck O.* *Constans* (3) // *PWRE.* Bd. IV/7. Sp. 948. Часто исследователи приводят сразу обе даты, не делая окончательного выбора: *PLRE.* Vol. I. P. 220; *Fl. Iul. Constans* 3; *Chausson F.* Op. cit. P. 113; *Kienast D.* Op. cit. S. 312; *Wienand J.* *La Familia...* P. 39.

основанием столицы, упорядочиванием религиозных дел, а также обновлениями в военной области» (De caes. 41.12). Грубо говоря, мы видим, что Константин, зайдя в тупик в своей династической политике, на время отвлекся от нее. Однако вопрос требовал своего разрешения, и в 333 году шестидесятилетний Константин вновь обращается к вопросу наследования, решив определить положение младшего сына – Константа.

Вне зависимости от года его рождения, **Констант** появился на свет в момент заключительного этапа противостояния Константина и Лициния, и в этой связи особенно интересно его имя – Флавий Юлий Констант. Набор *nomina* не нуждается в отдельном комментарии; *cognomen* же является причастием от глагола «consto», который означает твердость и неизменность, что отмечает чуткий Евсевий (Vita Const. IV.40). Учитывая неясность с годом его рождения, мы должны отметить, что ему было тринадцать или десять (!) лет соответственно, когда он был провозглашен цезарем 25 декабря 333 года. И в том, и в другом случае стоит признать, что он был достаточно юн, и спешка Константина неясна. Современники, если не считать филигранной подгонки дат у Евсевия, молчат об обстоятельствах его провозглашения, и лишь в середине IV века Аврелий Виктор пишет: «Между тем (et interea) были разгромлены народы готов и сарматов, и младший из его (Константина – И.М.) сыновей, по имени Констант, становится цезарем» (De caes. 41.13). В 332–332 гг. и 334 г.⁴⁹² велись кампании против готов и сарматов, однако у нас нет оснований связывать их с провозглашением Константа. Обращает на себя внимание дата: день зимнего солнцестояния, 25 декабря, именуется в календарь Филокала «[днем] рождения [Солнца] Непобедимого» (ILA, pars I, p. 278)⁴⁹³. Это божество пользовалось особым вниманием со стороны Константина; его культ связывается с претензиями на

⁴⁹² Bruun P.M. Op. cit. P. 78; Kienast D. Op. cit. S. 300; 310.

⁴⁹³ Полемий Сильвий, пишущий в V веке, сообщает, что 25 декабря – это «natalis Domini corporalis» (ILA, pars I, p. 279), т.е. Рождество Христово.

единовластие⁴⁹⁴. Отсюда можно предположить, что выбор именно этой даты для провозглашения сына должен был служить идее укрепления императорского дома. Что могло пошатнуть его? Выше мы уже говорили о мятеже Калокера в 333/334 гг. Рассмотрим его датировки в источниках. Близкий к эпохе Константина Аноним Вalezия, сообщив о победах над варварами, пишет о некоем «Калокере, устроившем мятеж на Кипре» (Origo 6.35). Аврелий Виктор синхронизирует мятеж Калокера с гибелью Криспа (De caes. 41.11–12), однако Иероним локализует разгром Калокера (Chron. p. 192 p) между провозглашением Константа (25 декабря 333 года – Chron. p. 192 m) и началом тридцатой годовщины правления Константина (лето 335 года – Chron. p. 192 r), т.е. примерно 334 г. Датировка подавления мятежа 333/334 годом принята исследователями⁴⁹⁵, и мы не видим оснований с ней не соглашаться. Аврелий Виктор называет Калокера «безумцем» (De caes. 41.11), – восстание на изолированном Кипре и правда выглядит бесперспективным, однако это был единственный известный пример узурпации во времена единовластия Константина. Можем предположить, что восстание началось в 333 году, и Константин ответил на него отправкой войск во главе с братом Далмацием (о чем мы уже упоминали), а также провозглашением сына цезарем, что демонстрировало единство и нерушимость императорской династии. Характерно, что одна надпись этого периода посвящена «**Вечной победе** господ наших Константина ... Августа и Константина, Констанция и Константа ... Цезарей» (CIL VII.7011 = ILS 715).

Итак, к концу 333 года Константин, которому было порядка шестидесяти лет, завершил кооптацию сыновей Фаусты во власть. Провозглашение двух старших было связано с противостоянием Константина и Лициния и обуславливалось конкретной политической конъюнктурой; до 326 года они

⁴⁹⁴ Bruun P.M. Op. cit. P. 61.

⁴⁹⁵ Enßlin W. Dalmatius Censor... S. 207; PLRE. Vol. I. P. 177: Calocaerus; Kienast D. Op. cit. S. 308. Отметим, что П. Бруун пропустил мятеж в своих хронологических выкладках: Bruun P.M. Op. cit. P. 78.

находились в тени старшего брата – Криспа, лидерство которого до некоторой степени было обусловлено самой претензией Константина на единоличную власть. Однако с гибелью старшего сына эта схема уже была нежизнеспособна. Оставшись с двумя малолетними цезарями-наследниками, Константин должен был решить проблему статуса третьего сына, Константа, приобщение которого к власти не было вызванной текущими обстоятельствами необходимостью, как в случае с Константином-мл. и Констанцием. Тем не менее, он получил титул цезаря в возрасте то ли 10, то ли 13 лет. Мы допустили связь этого события с восстанием Калокера. Чуткий в вопросах идеологических трансформаций Евсевий увидел в триумvirате сыновей отсылку к образу Троицы (Vita Const. IV.40), однако на деле мы видим отсутствие четкой схемы наследования. Более того, мы увидели, что Константин, столкнувшись здесь с определенными сложностями, в 326–333 гг. попытался даже отвлечь себя от этого насущного и серьезного вопроса. Однако как бы то ни было, но вопрос требовал решения; в следующем разделе мы рассмотрим попытки Константина Великого сформулировать четкую схему наследования.

§ 3. Оформление схемы наследования

В науке утвердилась мысль о том, что под конец своего правления Константин стал тяготеть к тетрархальной модели⁴⁹⁶, в которую привнес кровнородственный элемент. Р. Бёрджес⁴⁹⁷ в своей фундаментальной статье, опираясь на факт чеканки золотых монет в честь Константина-мл. и Констанция, даже предположил в них будущих августов. Однако дробление империи, которая была объединена ценой восемнадцати лет усобиц –

⁴⁹⁶ Буркхардт Я. Указ. соч. С. 278–279; Моммзен Т. Указ. соч. С. 509; Barnes T.D. Constantine and Eusebius... P. 251–254; Barnes T.D. Constantine: Dynasty... P. 165–166; Odahl Ch.M. Op. cit. P. 263–266; Brandt H. Op. cit. S. 152–153.

⁴⁹⁷ Burgess R.W. Op. cit. P. 42.

сомнительный с точки зрения логики шаг, и это отмечали еще Я. Буркхардт и Т. Моммзен⁴⁹⁸. Впрочем, новейшие исследователи в качестве подтверждения своей точки зрения обычно обращаются к схеме раздела территории империи на сферы влияния, озвученной в 335 году (далее – «схема 335 года»). Для уяснения, насколько правомерна эта точка зрения, нам представляется важным тщательно проанализировать саму эту схему.

а) Схема 335 года.

Евсевий в своей «Речи 336 года» уподобляет Константина сияющему солнцу; его лучами являются распределенные между частями империи «четыре мужественнейших цезаря», из которых один был дан «народам Востока» (Orat. 3). Из этих пышных метафор следует, что империя была разделена на сферы влияния цезарей (один из которых контролировал Восток), при этом верховная власть по-прежнему принадлежала Константину. По сути Евсевий повторяет мысль Аврелия Виктора о власти одного с сохранением титулов за детьми. Выше мы проследили провозглашение цезарями трех сыновей Фаусты; Крисп к 336 году был уже десять лет как мертв. В жизнеописании Константина, написанном после 337 года, Евсевий вновь говорит только о трех сыновьях – так как почти все прочие члены императорской семьи мужского пола были убиты летом 337 года. Кто же был четвертым цезарем в 335–337 гг.?

Ближайший ко времени правления императора латинский автор, Аноним Вalezия, подводя итог деятельности Константина, пишет: «Далмация, сына своего брата Далмация, он провозгласил цезарем. Его (*Далмация-мл. – И.М.*) брата Ганнибалиана, выдав за него свою дочь Константиану (sic), утвердил царем царей и понтийских народов. И вот Галлиями стал править Константин-младший; Востоком – Констанций, Иллириком и Италией –

⁴⁹⁸ Буркхардт Я. Указ. соч. С. 278–279; Моммзен Т. Указ. соч. С. 509.

Констант, а Готский берег охранял Далмаций» (Origo 6.35). Итак, мы узнаем, что цезарем, «данным народам Востока», был Констанций, а четвертым цезарем стал племянник Далмаций-мл. Схема, озвученная у Анонима Вalezия, находит подтверждение и в позднейшей традиции – ее воспроизводит Псевдо-Аврелий Виктор, который конкретизирует сферу влияния Далмация – это «Фракия, Македония и Ахайя»⁴⁹⁹, и Ганнибалиана – это «Армения и окружающие ее народы» (Epitome de caes. 41.20). Цезаря Далмация знает эпиграфика, а обоих братьев – нумизматика этого периода⁵⁰⁰. Провозглашение Далмация датируется 18 сентября 335 года⁵⁰¹. Следовательно, сам раздел должен был произойти на рубеже 335/336 года, но до июля 336 года, когда Константин отмечал тридцатилетие своего правления и когда схема раздела была уже озвучена – что мы и видели в «Речи 336 года» Евсевия.

Евтропий называет цезарей «наследниками», которых Константин «оставил» (successores ... reliquit – Brev. X.9.1), однако не будем торопиться вслед за большинством исследователей признавать «схему 335 года» итоговым решением императора. В ней исследователя должен смутить целый ряд деталей. «Фамильный домен» в виде Галлий был передан старшему на тот момент сыну – Константину-мл., однако очевидно, что с переездом

⁴⁹⁹ В рукописях указанный параграф выглядит так: «Constans – Illyricum Italiamque et Africam, **Dalmatiam**, Thraciam Macedoniamque et Achaiam, Annibalianus, Dalmatii Caesaris consanguineus, Armeniam...». Таким образом, перечислены владения Константа: «Иллирик с Италией и Африка, Далмация, Фракия, Македония и Ахайя», затем идет обозначение территории Ганнибалиана. Мы присоединяемся к издателям текста, которые исправляют Dalmatiam на Dalmatius (Delmatius), видя здесь имя племянника Константина. Это целесообразно по ряду: упоминание всех трех сыновей Константина и Ганнибалиана при полном молчании о Далмации (хотя Псевдо-Аврелий Виктор его неоднократно упоминает до того) выглядит странным; кроме того география владения Далмация здесь удачно соотносится с сообщением Анонима Вalezия, приведенным нами в основном тексте.

⁵⁰⁰ PLRE. Vol. I. P. 241: Fl. Iulius Dalmatius 7; P. 407: Hannibalianus 2.

⁵⁰¹ Bruun P.M. Op. cit. P. 78; Kienast D. Op. cit. P. 307.

Константина на Восток он утратил былую статусность. Между тем престижный Балканский регион с новой столицей был поручен племяннику. Удивительным кажется и факт фиксации в числе наследников «царя царей», портрет которого с царским титулом появляется на монетах римской чеканки. За этого племянника выдана дочь императора. Сам факт близкородственного брака нас не должен смущать – выше мы уже говорили, что одна из племянниц Константина сочеталась браком с его сыном; К.Крист и Ч. Одал видят в этих браках попытку Константина связать две линии правящего дома⁵⁰². Однако даже в этом случае логичен вопрос – почему статусно, браком с императорской дочерью, был выделен именно Ганнибалиан⁵⁰³, носивший сомнительный титул и получивший под спорный контроль территорию Армении, не принадлежавшей на тот момент Риму?

Далмаций-мл. и Ганнибалиан были сыновьями Флавия Далмация, который, как мы видели выше, занимал важное место при дворе своего августейшего брата. Это может объяснить, почему именно на них остановил свой выбор Константин Великий, однако не выявляет причин, которые вообще заставили его кооптировать во власть племянников. Однако традиция о них, если не говорить о факте провозглашения, весьма скудна. Евтропий отмечает «прекраснейшие задатки» Далмация и указывает, что он был «схож с дядей» (Brev. X.9.1). Этими «задатками» мы можем объяснить тот факт, что Далмацию была поручена оборона столицы со стороны Дуная⁵⁰⁴. Однако сообщение Евтропия, озвученное через 30 лет после смерти Далмация,

⁵⁰² Крист К. Указ. соч. С. ; Odahl Ch. M. Op. cit. P. 264.

⁵⁰³ Т. Барнс предполагает, что за Далмация-мл. была посватана вторая дочь Константина, Елена: Barnes T.D. Constantine: Dynasty... P. 151. При всей логичности такой догадки, мы могли бы ожидать каких-то сообщений о браке в нарративной традиции, однако ни она, ни какие-либо другие источники никак на него не указывают.

⁵⁰⁴ Старые исследователи, во многом из-за путаницы Далмация-мл. с его отцом, предпочитали видеть в нем перспективного государственного деятеля: Буркхардт Я. Указ. соч. С. 277; Моммзен Т. Указ. соч. С. 509.

уникально – традиция никак не подтверждает его. Более того, никакие задатки не могут внятно объяснить, почему Константин передал свое главное детище – Константинополь – племяннику. Еще Э. Гиббон отмечал⁵⁰⁵, что с введением племянников в число наследников Константин рисковал семейным спокойствием. Экзотично (но вряд ли серьезно) мнение Буркхардта⁵⁰⁶, считавшего, что император передал город нейтральной фигуре и подготовил площадку для будущих столкновений между своими сыновьями, которые считал неизбежными.

Персона второго племянника освещена еще более скудно, однако вряд ли будет ошибкой связать его титул с подготовкой Константина к персидскому походу⁵⁰⁷, о котором сообщают Аврелий Виктор (*De caes.* 41.15–16), Евтропий (*bellum adversus Parthos* (sic!) – *Brev.* X.8.2), Иероним (*Chron.* p. 192 x) и следующий за ним Орозий (*Hist.* VII.28.31 = *Origo* 6.35). Хотя Псевдо-Аврелий Виктор уточняет, что сферой власти Ганнибалиана должна была быть Армения и окружающие ее земли, все же его статус неясен. Армения в указанный период была союзным Рим государством, где имелся правитель из династии Аршакидов. Пасхальная хроника отмечает, что Ганнибалиан, получив титул «царя» и пурпурную хламиду⁵⁰⁸, был послан «в Кесарию Каппадокийскую» (*Chron. Pasch. s.a.* 335), которая располагалась довольно далеко и от Персии, и от римско-армянской границы. В этой связи предположим, что он был занят организацией грядущего похода, который и

⁵⁰⁵ Гиббон Э. Указ. соч. Т. 2. С. 269.

⁵⁰⁶ Буркхард Я. Указ. соч. С. 278–279.

⁵⁰⁷ Seeck O. Hannibalianus (3) // *PWRE*. Bd. VII/14. Sp. 2352. *Lightfoot C.S.* Armenia and the eastern marches // *The Cambridge Ancient History: Volume 12, The Crisis of Empire, AD 193–337*. New York, 2005. P. 497; *Barnes T.D.* Constantine: Dynasty.... P. 166. А.Х.М. Джонс полагает, что инициатива утверждения царя в Армении должна была исходить от армянских элит, и отмечает важность религиозного вопроса (в Армении распространилось христианство, поддерживаемое Константином): *Jones A.H.M.* Op. cit. P. 209.

⁵⁰⁸ Зосим упоминает его наравне с братьями Константина, имевшими право на пурпурное одеяние, украшенное золотом, и титул «*vir nobilissimus*» (*Hist. Nov.* II.39.2)

должен был, собственно, определить его статус. Монеты, содержащие его портрет, изображают также персонификацию реки Евфрат⁵⁰⁹, что конкретизирует сферу его власти. Из сообщения Анонима Вalezия мы также видели, что за него была выдана дочь императора *Константиана* (sic). Нарративная традиция фиксирует двух дочерей Константина – Константину (Констанцию)⁵¹⁰ и Елену; очевидно, что Аноним Вalezия говорит о первой, искажая ее имя. Значимые эпизоды ее биографии относятся уже ко второй четверти IV века; из всей массы свидетельств обращает на себя внимание сообщение Филосторгия, которое мы считаем нужным привести полностью:

«...Констанция (sic), вдова царя Ганнибалиана, страшась, как бы тиран Магненций не захватил всю полноту власть, провозгласила цезарем одного из военачальников, некоего Ветраниона. Кажется, она могла так поступить, потому что их общий отец (*т.е. Константин Великий, отец Константины/Констанции и правившего тогда императора Констанция – И.М.*), еще когда был жив, увенчал ее диадемой и провозгласил августой. Констанций, узнав об этом, тут же посылает Ветраниону диадему...» (Philostorg. Hist. Eccl. III.22, p. 49).

Если не брать во внимание случаи, когда императорские дочери становились августами благодаря браку с наследником императорского

⁵⁰⁹ RIC. Vol. VII. Constantinople. P. 584; 589.

⁵¹⁰ Разночтения имени привели Дюканжа к мысли о существовании двух дочерей с похожими именами: *Du Cange C.* Op. cit. P. 47. Этого мнения придерживается и Ф. Шоссон, который предлагает видеть в этой гипотетической дочери ребенка гипотетической третьей жены Константина: *Chausson F.* Op. cit. P. 115–116. Барнс резонно замечает, что две дочери зафиксированы источниками достаточно хорошо, в то время как существование «третьей жены» и «третьей дочери» не подкреплены никаким внятным свидетельством: *Barnes T.D.* Constantine: Dynasty.... P. 150–152. Мы разделяем это мнение, полагая, что гипотезы Шоссона лишь запутывают и без того путанные сообщения источников.

титула, то случай этот – уникальный. Выходит, что «царь царей» был женат на римской августе. Можем ли мы верить уникальному сообщению⁵¹¹ Филосторгия? Справедливо замечание К. Холума и Й. Винанда об отсутствии нумизматических свидетельств титула дочери Константина Великого⁵¹²; эпиграфика также молчит на этот счет. Как итог – попытки проверить факт провозглашения по другим источникам не имеют смысла, потому попытаемся проанализировать информацию нашего автора. Мог ли Филосторгий запутаться в терминах? Использование латинского термина (αὐγουβστα), а также указание на диадему свидетельствуют, что Филосторгий понимает, о какой по значимости церемонии и о каком титуле он ведет речь. Замечание К. Холума, считающего использование диадемы явным анахронизмом, мы вынуждены отвергнуть: оно опровергается использованием диадем Еленой и Фаустой, которые Холум безосновательно считает элементом украшения без всякой смысловой нагрузки⁵¹³. Таким образом, Филосторгий опирался на какую-то традицию, согласно которой дочь императора Константина Великого получила в период между 335 и 337 гг. титул августы.

Целый ряд исследователей признают за Константиной титул августы, полагая отсутствие чеканки в ее честь следствием того обстоятельства, что решение Константина не было реализовано до конца в виду его скорой

⁵¹¹ *Bleckmann B.* Constantina... S. 33.

⁵¹² *Holum K.G.* Op. cit. P. 31, ft. 90; *Wienand J.* La Familia... P. 39. Винанд полагает, что Филосторгий мог спутать Константину с ее теткой Констанцией, женой императора Лициния, однако это мнение, основанное лишь на путанице с именами, несостоятельно по трем причинам. Во-первых, автор четко понимает, о ком он говорит (называет отца и мужа своей героини); во-вторых, Константин никогда не одаривал таким титулом свою сестру; в-третьих, она не носила его даже в бытность женой правящего императора-августа, Лициния. Отметим и то обстоятельство, что сообщение Филосторгия глубоко осмыслено автором, так как он обосновывает им факт провозглашения Ветраниона.

⁵¹³ *Holum K.G.* Op. cit. P. 33–34.

смерти⁵¹⁴. Мы ограничимся осторожным предположением, что она могла на него претендовать – равно как и Ганнибалиан, официально именовавшийся «царем», претендовал на титул «царя царей». Брак Константины, для которой был намечен титул августы, с Ганнибалианом должен был очевидным образом поднять статус последнего, между тем как сам он в долгосрочной перспективе претендовал на персидский престол. Успешное завершение планируемой кампании против персов⁵¹⁵, должно было, по замыслу Константина Великого, в корне изменить расстановку сил в мире. Мы можем предположить, что схема 335 года была предварительным решением, не все мотивы которого ясны⁵¹⁶.

Предшествующая Константину политическая традиция тетрархии подразумевала обозначение наследника через провозглашение его августом⁵¹⁷. Если принять распространенное мнение о привязанности Константина к тетрархиальной модели, то ему следовало назначить из числа наследников двух августов. Однако при жизни самого Константина это вряд ли было бы возможно в силу его амбициозной привычки к единоличной власти. Выше мы уже отмечали мнение Бёрджесса, полагавшего золотую

⁵¹⁴ *Bleckmann B. Constantina...* S. 38.

⁵¹⁵ Обратим внимание на факт определенного «подражания» Константина в последние годы Александру Македонскому: *Wright D.H. Op. cit.* P. 506; *Bardill J. Op. cit.* P. 19.

⁵¹⁶ Блекманн рисует сложную картину «гексархии» с четырьмя римскими императорами (тремя сыновьями и племянником Константина), а также «царем царей» над присоединенными восточными территориями, женатым на римской же августе: *Bleckmann B. Constantina...* S. 40–41. Здесь уместно отметить, что Авсоний, рассказывая о наставнике «чад Далмация» Эксуперии, сообщает, что они получили «титул цезарей» (*nomen Caesareum* – *De prof. Burd.* 17). Использование множественного числа указывает на то, что Авсоний считал обоих сыновей Флавия Далмация, а не одного только Далмация-мл., цезарями. Конечно, это может быть поэтической вольностью.

⁵¹⁷ Такая форма передачи власти имела место и ранее: при жизни отцов-августов августами были провозглашены Коммод (*Kienast D. Op. cit.* S. 147), Требониан Галл (*Op. cit.* S. 209), Галлиен (*Op. cit.* S. 218), Салонин (*Op. cit.* S. 221).

чеканку в честь Константина-мл. и Констанция достаточным основанием видеть в них будущих августов. Однако резонно замечания Д. Вудса⁵¹⁸, полагавшего, что золотая чеканка в честь Далмация попросту могла не сохраниться ввиду предания его проклятию памяти после убийства летом 337 года, а большое количество золотых чеканок в честь Константина-мл. и Констанция могло свидетельствовать об их реальных заслугах, так как они были старше во всяком случае Константа и пребывали в ранге цезарей значительно дольше, чем он и Далмаций-мл. В любом случае, серьезные трудности вызывает передача Далмацию-мл. главного детища Константина – Константинополя. Как бы то ни было, если предположить, что Константин намеревался возродить тетрархию, то ему следовало определить августов, что он мог сделать перед смертью, как в свое время он сам стал августом при (предполагаемом с большой долей вероятности) содействии умирающего отца, Констанция Хлора⁵¹⁹.

Единственный наш подробный источник о последних днях Константина – Евсевий, который сообщает: «Сначала произошло расстройство в его теле, потом открылась в нем болезнь. Поэтому, оставив свой город (*Константинополь* – И.М.), он отправился на теплые воды, а оттуда переехал в город, одноименный своей матери (*Дрепан/Еленополис* – И.М.). Здесь, проводя время в храме мучеников, он воссылал к Богу усердные молитвы <...> Потом он переехал отсюда в предместье города Никомедии» (Vita Const. IV.61). Аноним Вalezия называет местом смерти «предместье Константинополя» (Origo 6.35); Арелий Виктор – «село близ Никомедии, называемое Ахирона» (De caes. 41.16); Евтропий – «государственную виллу в Никомедии» (Brev. X.8.2); Иероним – «государственную виллу Ахирона близ Никомедии» (Chron. p. 192 x). Итак, перемещение Константина перед смертью надежно зафиксировано традицией, что подкрепляет свидетельство Евсевия. Если император способен был выехать из Константинополя и умер

⁵¹⁸ Woods D. Numismatic Evidence... P. 189–191.

⁵¹⁹ Рубцов П.В. К вопросу о династизме... С. 76. Примечание 23.

уже в дороге, то перед смертью он должен был достаточное время пребывать в сознании (согласно Евсевию он посетил курорт и усердно молился). Поскольку для переустройства ойкумены времени уже не было, Константину следовало озаботиться распределением власти. Евсевий отмечает, что он назначил раздачу жителям Рима, а также подчеркивает факт передачи детям «жребия власти»⁵²⁰ (Vita Const. IV.63). Однако неясно, каким титулом наделил Константин сыновей; кроме того, Евсевий ничего не говорит о племянниках (хотя бы о Далмации, которого сам упоминал в 336 году). Последнее обстоятельство, впрочем, понятно – Далмаций погиб летом 337 года; и чуткий Евсевий, кажется, просто вычеркнул упоминания о нем по причине предания его забвению⁵²¹. В этой связи мы можем предположить, что смазанное сообщение Евсевия – фикция, не передающего реального содержания завещания. Попробуем его реконструировать.

б) Завещание Константина Великого.

Ближайшая к Евсевию традиция молчит о завещании. Текст Анонима Вalezия испорчен интерполяцией из позднего Орозия: «хорошо устроенное государство передал сыновьям» (Origo 6.35 = Oros. Hist. VII.28.31). Евтропий указывает, что Константин оставил наследниками «трех сыновей и одного племянника» (Brev. X.9.1). С какими титулами и полномочиями – автор не уточняет; скорее, это сообщение является отголоском «схемы 335 года». В середине 350-ых гг. Юлиан в своем панегирике Констанцию отмечает, что этот сын «устремился к нему (*Константину Великому* – И.М.), когда он был жив и удручен болезнью; когда же он умер, то оказал ему почести» (Orat. I.16 d). Застал ли Констанций отца в живых? Из текста Юлиана следует, что Констанций все-таки прибыл уже после смерти отца. Кто же вызвал

⁵²⁰ Любопытно, что, приступая к своему сочинению, Евсевий опять же отмечает, что власть перешла к сыновьям по «закону природы» (Vita Const. I.9).

⁵²¹ Burgess R.W. Summer of Blood... P. 11–12.

Констанция? Юлиан нигде не говорит, что его призвал сам умирающий отец; Евсевий, обстоятельно описывающий последние дни жизни императора, ни словом не упоминает желания императора увидеть сыновей или племянников. Более того, он отмечает, что военные командиры сами избрали гонцов к цезарям «из военных сановников людей, издавна известных верностью и преданностью императору» (*Vita Const.* IV.68). Можно предположить, что они отправили гонцов к братьям уже прибывшего Констанция, однако в таком случае непонятно, почему он не сделал этого сам? Предположить его враждебное отношение к братьям не представляется возможным в силу того, что он в итоге поделил с ними власть⁵²². Значит, гонцы были посланы военными ко всем цезарям либо перед самой смертью Константина, либо в ее момент. Обратим на это внимание. Затем, если Констанций прибыл первым, то он первым имел возможность ознакомиться с завещанием. Внятные свидетельства по этому поводу мы находим у церковных историков. Руфин Аквилейский, церковный историк второй половины IV века, переводчик на латинский и продолжатель Евсевия, передает следующее: «Константин ... [написал] сыновьям завещание о наследовании Римского государства. Поскольку в то время Констанций, которому была определена власть над Востоком, не присутствовал [рядом с отцом], Константин, как говорят (*sic*), тайно пригласив пресвитера, которого ... рекомендовала ему сестра⁵²³, <...>, передал ему написанное завещание,

⁵²² PSCh. фиксирует наличие в Константинополе скульптурной группы, где была запечатлена сцена встречи трех братьев после смерти Константина (PSCh. 70). Если предположить, что такая статуя действительно существовала, то поверить в то, что она была воздвигнута во времена правления династии Константина сложно – так как Константин-мл. погиб в 340 году в результате братоубийственной войны и предан проклятию памяти. С другой стороны, автор сообщения хорошо проинформирован в деталях – он отмечает, что один из братьев «прибыл в Константинополь из Галлии».

⁵²³ Это Констанция, вдова Лициния. То, что в ее окружении находился некий пресвитер-арианин, который затем был рекомендован Константину, подтверждает Сократ (*Hist. Eccl.* I.25); Созомен также упоминает о нем (*Hist. Eccl.* III.1).

прося на исповеди, чтобы он не отдавал его никому, кроме Констанция, пока тот не прибудет. <...> Когда же Констанций прибыл, пресвитер передал ему сохраненное завещание» (Hist. Eccl. X.12⁵²⁴). Руфин в целом основывается на сообщении своего главного источника информации, Евсевия, о передаче власти сыновьям Константина, однако развивает его на основании невнятных слухов. Пишущие в начале V века Сократ и Созомен⁵²⁵, однако, повторяют рассказ о пресвитере-арианине уже без всякого сомнения (Soc. Hist. Eccl. II.2; Soz. Hist. Eccl. II.1). Созомен при этом «раскрывает» один из пунктов завещания: «Еще сам Константин при жизни хотел вызвать епископа Афанасия из ссылки и, *говорят*, выразил это желание даже в своем завещании» (Hist. Eccl. II.2). Итак, в повествовании церковных историков появляется пресвитер-арианин, участие которого объясняет возвышение арианской партии в правление Констанция. При этом Созомен – со ссылкой на некие слухи – указывает, что одним из пунктов завещания было возвращение из ссылки противника ариан Афанасия. Передача в руки арианам завещания с требованием вернуть из ссылки их же противника выглядит совершенно нелогично. Мы должны сделать вывод, что наши три автора ничего не знали о завещании в действительности, а только дополняли положение Евсевия о передаче власти сыновьям слухами из двух противоборствующих традиций – арианской и анти-арианской. Поскольку у нас есть сочинение арианского историографа, Филосторгия⁵²⁶, обратимся к нему: «...Константин скончался в Никомедии от снадобий, [полученных] от братьев. Ощущая приближение смерти и понимая, что это был коварный замысел, он написал завещание, в котором потребовал отмщения убийцам; а совершить это он велел тому из сыновей, который прибудет первым <...>. Это завещание он отдал Евсевию, [епископу] Никомедии. <...> [Евсевий]

⁵²⁴ Перевод наш по изданию: Eusebius Werke. Bd. II (2). Leipzig, 1908.

⁵²⁵ Leppin H. Op. cit. P. 227–228.

⁵²⁶ Филосторгий писал свой труд раньше своих коллег, представляющих ортодоксальное направление – Сократа и Созомена: Marasco G. Op. cit. P. 259. Ft. 11.

вручил бумаги сыну его (*т.е. Константина – И.М.*), Констанцию, который опередил прочих [братьев]» (Hist. Eccl. II.16; p. 27–28).

Итак, политическая часть завещания авторам неизвестна, да и не интересует их. Они в целом повторяют тезис Евсевия о передаче власти сыновьям и переключаются на сторонние обстоятельства, ориентируясь при этом на циркулировавшие на слухи. По всей видимости, само сообщение о передаче завещания арианам происходит из арианской же традиции, в то время как анти-арианская традиция заимствует его в полемических целях, дополняя анти-арианским аргументом о возвращении из ссылки Афанасия. Обстоятельства внутрицерковной полемики выходят за предмет нашего исследования; для нашей проблемы сведения авторов в общем бесполезны. Филосторгий правда вплетает в сообщение драматическую историю убийства Константина его братьями. Этот последний сюжет выглядит неправдоподобным⁵²⁷ – не говоря уже о том, что смерть Константина подробно описана Евсевием, действия братьев, терпевших власть Константина без малого тридцать лет и якобы решивших отравить его после всех полученных почестей, выглядят нелогичными.

Итак, мы вновь должны вернуться к сообщению Евсевия о передаче власти сыновьям. Если все же допустить реальность такого содержания политической части завещания, то попробуем увидеть ее реализацию. Для этого взглянем на последовательность событий. Константин Великий, проболев некоторое время и не вызвав никого из сыновей⁵²⁸, умирает в

⁵²⁷ В историографии это сообщение признается легендой; большой интерес вызывает вопрос о том, какая из среды какой придворной группировки она происходила: *Буркхардт Я.* Указ. соч. С. 281; *Григорюк Т.В.* Указ. соч. С. 163. Прим. 42 (последний автор – новейший – предлагает небольшой обзор мнений).

⁵²⁸ Ни Руфин, ни Филосторгий, обозначившие желание Константина передать завещание кому-то из сыновей, не указывают, что он сам кого-то из них просил прибыть.

предместье Никомедии 22 мая 337 года⁵²⁹. Военные вызывают сыновей. В момент смерти или сразу после (второе вернее) прибывает его сын Констанций, который устраивает перенос тела в Константинополь. Здесь, как сообщает Евсевий, к телу приходили представители высших эшелонов власти; по замечанию автора «император даже по смерти царствовал один, и все шло обыкновенным порядком» (Vita Const. IV.67). 2 августа 337 года выходит написанный от лица императора Константина закон о налоговых послаблениях для художников (CTh. XIII.4.2). Таким образом, слова Евсевия о посмертном правлении – не пустая риторическая фигура: формальным правителем государства (августом) является уже мертвый император, а его сыновья этих титулов пока не получили⁵³⁰. Как кажется, с этим возникла заминка. В чем была ее причина? По всей видимости, в отсутствие *auctor imperii*, каковым мог быть сам Константин, формально правящий и даже могущий «отдавать» частные распоряжения, но все же не способный уже делегировать власть. Принятие сыновьями титулов «августов» датируется 9 сентября 337 года⁵³¹. Константин к этому времени уже мертв больше трех месяцев; кто же провозгласил его сыновей? Евсевий отмечает, что провозглашение совершили воины, которые договорились «не признавать никого другого», кроме сыновей Константина (Vita Const. IV.68). Сыновья стали августами с помощью армии. Раздел власти сопровождался избиением родственников Константина Великого мужского пола, в том числе и его племянников-наследников – Далмация-мл. и Ганнибалиана-мл.

Таким образом, завещание Константина Великого (если оно вообще существовало) не содержало, насколько мы можем судить из сообщений традиции, внятной схемы наследования. Все спекуляции о факте передаче власти сыновьям «по закону природы» принадлежат авторам, которые

⁵²⁹ Bruun P.M. Op. cit. P. 78; Kienast D. Op. cit. S. 301. Эта датировка, основанная на большом количестве источников, общепринята.

⁵³⁰ Об этом: Burgess G.W. Op. cit. 29–30.

⁵³¹ Kienast D. Op. cit. 310; 312; 314; Burgess R.W. Op. cit. P. 29.

ориентировались здесь на установку, данную уже сыновьями Константина. Почему император так поступил? Традиция указывает⁵³², что на смертном одре он принял крещение. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания. Евсевий, наш наиболее подробный источник о последних мгновениях жизни Константина, рисует любопытную картину. После крещения император «больше не хотел касаться пурпурного одеяния» (*Vita Const.* IV.62); вошедшие к нему военные командиры «стали, разразившись рыданиями, горько жаловаться, что они остаются сирыми». На это император дает ответ, сводящийся к тому, что он «удостоен жизни истинной» (*Vita Const.* IV.63). После этого следует сообщение Евсевия о завещании, которое мы рассмотрели выше. Если предположить, что Константин действительно не сделал конкретных распоряжений, то настроение военных командиров вполне понятно. Показателен отказ императора от пурпурной императорской одежды. Ф.Ф. Зелинский справедливо замечал⁵³³, что принятие Константином крещения было невозможно по причине публичности его фигуры: в течение всей своей жизни он был великим понтификом, главой религиозной жизни империи, и его осознанный выбор конкретной религии мог обусловить положение представителей других направлений в качестве «пасынков государства». Иными словами, Константин решил встретить смерть как частный человек, отказавшись от решения вновь возникшего перед ним вопроса касательно системы наследования. Попытаемся же

⁵³² Языческая традиция синхронизировала крещение с раскаянием после убийства Криспа, а позднейшая христианская легендарная традиция – с более ранним периодом. Однако эти хронологические вариации противоречат двум надежным свидетельствам IV века – Евсевия (*Vita Const.* IV.61–63) и Иеронима (*Chron.* s.a. 337). Первый автор, бывший официальным христианским биографом, должен был быть достаточно точен в описании всего, что касалось церковной жизни Константина. Рассмотрению традиции посвящена обстоятельная статья Г. Фоудена: *Fowden G. The Last Days of Constantine: Oppositional Versions and Their Influence.* // *JRS.* 1994. Vol. 84. P. 159–170.

⁵³³ Зелинский Ф.Ф. Римская империя. СПб., 2000. С. 404.

обобщить наши соображения относительно этой части династической политики Константина.

Выводы к III разделу. Схема наследования являет собой самый сложный и, более того, нерешенный вопрос во всей династической политике Константина Великого. Придя к власти как сын своего отца, упрочив свой авторитет с помощью внушительной генеалогии, Константин подготовил почву для дальнейшего развития династии, целью которой было, как мы говорили, обеспечение бессмертия его имени. Однако нельзя не согласиться с Моммзеном⁵³⁴ в том, что решения императора по выработке некой единой системы наследования не обнаруживают последовательности. Вряд ли будет справедливо списать это только на характер самого Константина. Большая часть его правления – борьба за достижение единовластия, которая продолжалась без малого восемнадцать лет⁵³⁵; в этот период Константин должен был учитывать текущий политический момент. Этим обстоятельством вызван брак с Фаустой, который принес ему трех порфирородных сыновей. Последние были полезны в период борьбы с Лицинием, так как подкрепляли легитимность дома Константина. Однако сам Константин, напрямую унаследовав власть от отца, тяготел к кандидатуре единого наследника, на место которого в 317–326 гг. вполне официально претендовал Крисп. Разгром Лициния в 324 году и достижение заветного единовластия поставило Константина в сложную ситуацию выбора, с которым он не мог определиться. Смерть Криспа, какими бы причинами она ни объяснялась, не сняла напряженности, так как оставила пятидесятилетнего императора отцом трех малолетних сыновей, обладавших по рождению одинаковыми правами. Мы видели, что сложность вопроса была столь велика, что Константин, обычно стремящийся довести начатое

⁵³⁴ Моммзен Т. Указ. соч. С. 509.

⁵³⁵ Важно иметь это в виду для понимания личности и политического развития Константина: Сергеев В.С. Указ. соч. Ч. II. С. 668; Неронова В.Д. Указ. соч. С. 308.

дело до конца, отступил перед ним и даже отложил его решение на несколько лет, занявшись вопросами внутренней политики. Схема 335 года является черновой вариант раздела империи на сферы влияния, однако Константин был еще явно не готов списать себя со счетов. Сам неясный титул Ганнибалиана, его брак с Константиной, претендовавшей на титул августы, передача племяннику главного своего детища – Константинополя, свидетельствуют, что Константин держал в голове какой-то более грандиозный план, любая реконструкция которого будет смелым допущением. Однако болезнь не дала осуществиться этим замыслам, в числе которых был грандиозный поход против персов, который, очевидно, был первым пунктом большого плана по переустройству Римского мира. На смертном одре Константин, если верить единственному нашему информатору – Евсевию, проявляет в отношении вопроса наследования апатию. Упреки в адрес его поведения, однако, вряд ли уместны, так как в сложившейся ситуации у Константина было два выхода: либо признать наследниками-августами только некоторых членов коллегии, либо признать наследниками-августами всех. Оба решения были чреваты политическим хаосом и гражданской войной за обладание единовластием, которого Константин добивался восемнадцать лет и которым обладал тринадцать лет. Смерть Константина привела к политическому кризису лета 337 года, который обернулся кровавыми последствиями и установлением власти триумvirата его сыновей. Их мероприятия по легитимации своих новых титулов и выстраиванию новых генеалогических конструкций выходят за пределы собственно династической политики Константина, которую мы рассмотрели и теперь должны подвести общие итоги.

Заключение

Итак, мы должны подвести итог нашему рассмотрению династической политики Константина Великого. В первую очередь, вся сумма династических построений, осуществленных Константином за тридцать лет своего правления, дает нам право говорить о том, что это был именно самодостаточный вектор внутри его деятельности. Таким образом, само понятие «династическая политика» имеет право на существование. Определить ее мы можем как сумму мероприятий, направленных Константином на легитимацию своего положения (галерея предков – Клавдий Готский и его «генеалогия»; Констанций Хлор) и обеспечение своего «бессмертия» (в политическом и идейном смысле). Последнее обстоятельство – по-своему уникальный момент в политической истории Римской империи – было реализовано в том числе через стереотипные имена и официальную императорскую иконографию. Однако прежде чем подводить общие итоги особенностей династической политики Константина Великого, ретроспективно рассмотрим ее в последовательности.

С хронологической точки зрения Константин Великий был преемником тетрархии Диоклетиана. И если ряд мер по организации жизни государства позволяет говорить о том, что он выступал ее наследником⁵³⁶, то в вопросах организации идейных принципов, на которых стояла императорская власть, Константин – как политический феномен – стал итогом кризиса системы тетрархии. Диоклетиан, как мы видели, установил тетрархию на несколько идеалистических принципах: государством управляла коллегия из четырех соправителей, которая была основана на принципах взаимного согласия и которая должна была подвергаться ротации через определенные промежутки времени (20 лет). Само включение в состав императорской коллегии осуществлялось по принципу выбора «наилучших». Нельзя не увидеть здесь

⁵³⁶ О Константине как продолжателе политики Диоклетиана: *Сергеев В.С.* Указ. соч. Ч. II. С. 649; *Машкин Н.А.* Указ. соч. С. 601–603; *Неронова В.Д.* Указ. соч. С. 308–311.

определенной отсылки к политической практике династии Антонинов. Четыре соправителя по сути дела утрачивали свою индивидуальность, – что хорошо видно на примере иконографии времен тетрархии⁵³⁷, – и по сути отказывались от возможности утвердить у власти свою семью (в лице своих сыновей⁵³⁸). Однако вряд ли такое положение дел, установленное не имевшим сыновей Диоклетианом, могло устраивать его соправителей, каждый из которых имел сына (Максимиан Геркулий – Максенция; Констанций Хлор – Константина; Галерий – Кандидиана). Как следствие, тетрархия внутри себя содержала элементы, которые неминуемо должны были привести ее к распаду. Особенно ярко тенденцию к «не-согласию» (вопреки принятому внутри тетрархии положению о «согласии» императоров) выразил Констанций Хлор, о чем мы подробно говорили в своем месте.

Начала кризиса и падения тетрархии, вопреки распространенному мнению, следует датировать не с приходом к власти Константина⁵³⁹, а весной 305 года, когда занявший (практически, но не формально) положение Диоклетиана Галерий привел к власти своих протеже, один из которых – Максимин Даза – был его (кровным?) родственником. Провозглашение Константина, как мы видели, было совершено при поддержке (степень которой является дискуссионной) его отца, Констанция Хлора.

Корни династической политики Константина Великого берут свое начало в попытке утвердить свое положение. Первым делом он легитимировал свой императорский титул (в формате младшего соправителя, цезаря) через обращение к Галерию, который на тот момент выступал (и с идейной – как преемник Диоклетиана, и с формальной – как *senior augustus* тетрархии – точек зрения) гарантом тетрархической конституции. Однако наряду с этим

⁵³⁷ *Kleiner D.E.E.* Op. cit. P. 400–407.

⁵³⁸ Гипотезы о признании внутри тетрархии Диоклетиана наследниками сыновей Максимиана Геркулия и Констанция мы не принимаем по причине, как уже отмечалось, очевидной недостаточности источниковой базы по этому вопросу.

⁵³⁹ *Буркхардт Я.* Указ. соч. С. 253–256; *Неронова В.Д.* Указ. соч. 308.

обращением к конституции тетрархии, которое было призвано закрепить успех Константина и обеспечить ему мирное сосуществование с Галерием, он выдвигает и другой весомый аргумент – преемственность своему отцу. Последний оказывается обожествлен и прославлен монетной чеканкой. С чисто практической точки зрения это позволило ему закрепиться в Галлии и Британии (где Констанций Хлор был популярен); однако более важно, что преемство выгодно выделяло его на фоне принципов тетрархической конституции, согласно которой безродный и обезличенный император являлся орудием в руках божества (Юпитера или Геркулеса⁵⁴⁰).

По мере того, как политическая система, стоявшая на принципах тетрархической конституции, все больше деградировала, Константин все дальше от нее удалялся. В 307 году он заключает союз с вернувшимся к власти со-основателем тетрархии Максимианом Геркулием, которого признает *auctor imperii* и от которого получает титул *августа*. Этим жестом Константин фиксирует окончательную неспособность Галерия выполнять функции гаранта тетрархической конституции. Однако, разумеется, сам он не стремился утверждать ее; данная политическая акция была мерой, направленной на легитимацию положения в условиях утраты авторитета существующими политическими центрами. Окончательно конституция тетрархии оказалась поправа в 308 году с привлечением к власти Лициния сразу с титулом *августа* – с этого момента Константин мог считать себя свободным от всякой связи с ней. Собственно, после этого он берет курс на выстраивание галереи предков, которые должны были бы упрочить его положение в рамках новой – сугубо династической – парадигмы. Отметим, что распад тетрархии спровоцировал целый ряд узурпаций, одной из которых было провозглашение Максенция. Последний так же, как и Константин, имел статус *августейшего сына*. В перспективе на подобный статус могли претендовать сын Галерия Кандидиан и сын Флавия Севера Севериан. В этой

⁵⁴⁰ Лактанций, современник тетрархии, особенно осмеивал сам факт присвоения подобных имен, восходящих к языческим божествам (*De mort. pers.* 52.3).

ситуации Константин вписывает в свою родословную еще одного августейшего предка – Клавдия Готского. Последняя фигура обладала достаточной популярностью при некоторой смутности известных биографических сведений, а также позволила Константину выпутаться из необходимости апеллировать к деятелям эпохи тетрархии. Таким образом, Константин среди своих современников выступил новатором: он легитимировал свое положение через кровнородственную связь и, когда это стало своеобразным политическим трендом, первый же «удревнил» свою генеалогию. Предки, впрочем, не должны были заслонять его фигуру, потому обращение к их именам не носило постоянного характера; после прекращения споров о легитимности (в силу истребления большинства претендентов) о них вспоминали лишь в связи с необходимостью утвердить тезис о благородном происхождении младших членов династии.

Следующий этап – это время совместного правления Константина с Лицинием. Шаткий мир, прерванный двумя военными конфликтами, не мог внушать надежды обоим императорам, в связи с чем они стремятся упрочить свое положение. Константин, еще в момент противостояния с Максенцием, заключил с Лицинием союз, обеспеченный браком последнего на сестре Константина, Констанции. Династический брак, на первых порах обеспечивший Константину стабильность на этом политическом фронте, вскоре оборачивается для него крупной неудачей – у Лициния появляется порфирородный сын (Лициний-мл.). Рождение таких детей становится политическим трендом этого периода, и Константин – в силу объективных причин (брак с Фаустой не приносил сыновей в период 307–316 гг.) – оказывается в трудном положении, но все же не выпускает инициативу из своих рук. Путем династических (выдача второй сестры, Анастасии, за некоего Бассиана с возвышением последнего в перспективе) и дипломатических мер он вызывает Лициния на конфликт. Обзаведясь все же порфирородным сыном (Константин-мл.) во второй половине 316 года, он закрепляет свое положение 1 марта 317 года выдвижением двух сыновей –

Криспа и Константина-мл. – на позицию цезарей. Их положение подкрепляется генеалогическими аргументами: в числе их предков – Констанций Хлор и Клавдий Готский, а Константин-мл. имеет также деда – Максимиана Геркулия. Лициний, выдвигая своего сына Лициния-мл., не мог противопоставить никаких соразмерных аргументов; более того – по материнской линии его сын имел самое прямое отношение к дому Константина⁵⁴¹. Здесь Константин вновь одерживает статусную победу, которая только подкрепляется рождением у него и его жены Фаусты сыновей Констанция и Константа.

Династическая политика Константина на последнем этапе его правления характеризуется стремлением сформулировать принципы наследования. Сам Константин унаследовал власть как единственный (других нет в панегириках) сын своего отца. Сама стилистика его правления во всех без исключения сферах характеризует его как монарха⁵⁴². То положение, которое занимал Крисп в 324–326 гг. указывает на тот факт, что Константин тяготел к принципу единонаследия, однако данное положение поднимало резонный вопрос о судьбе сыновей Фаусты, двое из которых (Константин-мл. и Констанций) получили титулы цезарей с целью закрепления успехов в борьбе с Лицинием (в 317 и 324 гг. соответственно). Гибель Криспа лишь усугубила положение Константина, которому в 326 году было уже за пятьдесят, между тем как старшему из его выживших сыновей было едва десять лет. Мероприятия Константина по формулированию принципа наследования в 326–336 гг. носят печать некоторой спонтанности и незавершенности⁵⁴³; если верить Аврелию Виктору, Константин и вовсе пытался отвлечься и занимался

⁵⁴¹ Константин, как мы отмечали, не преминул об этом напомнить, в своей монетной чеканке величая племянника, который был соименен отцу – Валерию Лициниану Лицинию, Флавием и Константином: *Kienast D. Op. cit. S. 296.*

⁵⁴² Определение К. Криста: Указ. соч. С. 433. О жесткой стилистике правления Константина: *Моммзен Т. Указ. соч. С. 500–502; Машкин Н.А. Указ. соч. С. 602.*

⁵⁴³ Здесь соглашаемся с Т. Моммзеном: Указ. соч. 509.

другими делами. Характерно, что на это время выпадает самая амбициозная задача его правления – строительство Константинополя, который в куда большей степени, чем сыновья, способствовал бессмертию его имени. Некоторым итогом династических построений Константина становится план по распределению сфер влияния в 335 году, – в нем целый ряд исследователей видят политическое завещание Константина, который будто бы пытался вернуться к системе тетрархии, «переосновав» ее на кровнородственном принципе. Однако мы в корне не согласны с этой точкой зрения и постарались обосновать это в соответствующем параграфе. Повторим, что против этой точки зрения говорит количество участников императорской коллегии – один август Константин имел четырех цезарей (Константина-мл., Констанция, Константа и Далмация-мл.) и одного равного им по статусу наследника с титулом «царя царей и народов Понта» (Ганнибалиана-мл.)⁵⁴⁴, а также тот факт, что Константин планировал персидский поход, который должен был определить статус последнего участника коллегии. Предположить, что Ганнибалиан-мл. со своим необычным титулом планировался в качестве правителя вне пределов Римского мира, нельзя, так как он прославлялся римской монетной чеканкой и был женат на дочери Константина, чей титул августы не выглядит невероятным. Умирая, как мы видели, Константин не решил проблемы наследования и оставил положение дел таким, каковым оно было. Причины подобного решения, удивляющего своей апатичностью, могут лежать как в бесперспективности любого решения, так и в личных воззрениях самого императора, ощущавшего приближение смерти.

Теперь об особенностях. Стоит отметить, что династическая политика Константина Великого любопытным образом характеризует и его личность, давая возможность судить о его привязанностях. Обращает на себя внимание

⁵⁴⁴ Любопытно, что Авсоний (De prof. Burd. 17.12) считает Ганнибалиана-мл. цезарем, как и его брата Далмация-мл. С этим согласен Д. Поттер: Op. cit. P. 289. Хотя монетная чеканка не подтверждает данный титул применительно к Ганнибалиану, однако с точки зрения соотношения статуса это мнение кажется резонным.

степень почтения, выказанная им своей матери, возведенной в достоинство августы и до положения «родительницы» династии без особой к тому необходимости. Этот выбор Константина тем необычнее на фоне положения, которое занимала Фауста – жена своего мужа и мать своих сыновей. Ее исключение из династии в результате гибели не нанесло династическим построениям Константина сколько-нибудь зримого ущерба: генеалогический аргумент, привнесенный ею в семью Константина (родство с Максимианом Геркулием), вполне реализовывался без нее, а образ Константина, как отца своих сыновей (без какого-либо упоминания их матери), не выглядит у Евсевия необычно (при том что почтение Константина к своей матери этот автор подчеркивает неоднократно). Еще один пример личного расположения Константина – это его отношения к сестрам и братьям. Из первых две – Констанция и Анастасия – стали по сути жертвами его политических игр. Судьба, постигшая их семьи, характеризует Константина как расчетливого политика; позднее он попытался до некоторой степени загладить вину, наделив их почестями, однако почести эти, что характерно, были вымерены в точности со статусом⁵⁴⁵ каждой из них – первой, вдове августа, было определено наименование в ее честь города, в то время как вторая – вдова цезаря-десигната, дала имя лишь комплексу столичных терм. Отношения с братьями, напротив, рисуют Константина с положительной стороны⁵⁴⁶. Отметим особенно, что находясь в сложной ситуации в силу наличия у него братьев, Константин не отверг этого родства (даже несмотря на сопротивление матери), но постарался обеспечить братьям жизнь по их вкусу. Отдельно подчеркнем, что статус «сестры» и «брата» императора, как мы

⁵⁴⁵ Любопытно, что педантичность в вопросах повышения статуса отметит Аммиан Марцеллин в числе характерных особенностей Констанция, сына и наследника Константина Великого (Res Gest. XXI.16.3).

⁵⁴⁶ Это особенно важно в контексте устоявшегося в историографии образа Константина как мрачного деспота и жестокого человека: Моммзен Т. Указ. соч. С. 502; Машкин Н.А. Указ. соч. С. 602; Jones A.H.M. Op. cit. P. 248; Pohlsander H. Op. cit. P. 92.

видели, приобретает формальный характер, т.е. само кровное родство с императором становится поводом для включения человека в институциональную элиту⁵⁴⁷.

Наконец, необходимо также выделить те характерные черты, которые свидетельствуют об уникальности династической политики Константина.

Во-первых, это **конструирование исторической реальности**. По крайней мере один источник характеризует интерес Константина Великого к римской истории⁵⁴⁸; несомненно, что император должен был понимать необходимость знакомства с ней для получения определенного опыта. Его век характеризуется возрождением латинской литературы, что впоследствии оказало влияние на развитие историописания⁵⁴⁹; надо полагать, что сам император принял в этом определенное участие⁵⁵⁰. Во всяком случае, идеологемы, озвученные в ходе реализации его династической политики – брак его родителей, родство с Клавдием Готским, не-императорское происхождение Максенция, – закрепились в нарративной традиции. Более

⁵⁴⁷ Здесь важно отметить два анекдота из биографии императора Септимия Севера (за авторством SHA). Согласно первому – зять Септимия Севера по имени Проб отказался от предложенной ему должности префекта города, мотивируя это тем, что быть зятем императора куда почетнее (SHA Sev. 8.1). Согласно второму – Септимий Север, отослав назад в Африку прибывшую к нему в Рим сестру с племянником (наградив последнего тогой с широкой пурпурной полосой), так как она смущала его почти полным незнанием латинского языка (SHA Sev. 15.7). Из этих анекдотов следует, что членов семьи императора, если и было принято включать в состав институционализированной элиты, то через присвоение им почестей и назначение на государственные должности. Константин же, хотя и определяет тем же братьям консулат, однако титулует их в первую очередь императорскими братьями. Это примечательно.

⁵⁴⁸ Это Анонимный продолжатель Диона, сообщающий о пристрастии Константина Великого раздавать римским императорам, правившим до него, ироничные прозвища: FHG. Vol. IV. P. 199. Смотри также: *Van Dam R. Op. cit.* P. 88.

⁵⁴⁹ Альбрехт М. фон. Указ. соч. Т. III. 1418; 1500.

⁵⁵⁰ Во всяком случае, в его правление создаются исторические произведения Лактанция, Евсевия, Праксагора Афинского, а также, возможно, гипотетическая *Kaisergeschichte*.

того, первое положение не вызывало сомнения у авторов до середины IV века, а второе подверглось сомнению лишь в Новое время!

Во-вторых, это **гибкость**, с которой Константин использовал те или иные исторические лица в своих династических построениях. Максимиан Геркулий последовательно прошел путь от союзника до противника, успел побывать и *auctor imperii*, и соперником, и, наконец, «предком» династии. Пример статусного возвеличивания, затем проклятия памяти и последующей реабилитации с подачи одного и того же императора уникален для римской истории. Жена Фауста и, что более важно, сын Крисп оказались вычеркнуты из династических конструкций так, словно бы их никогда не существовало. О смерти обоих стало возможно говорить лишь через двадцать лет после смерти Константина, а о причинах – лишь в конце этого века. При этом характерно, что мы так до сих пор не знаем ни причин, ни обстоятельств этих смертей; исследователи знают об этом ровно то, что хотел сообщить сам Константин, т.е. ничего. Все это доказывает, что Константину легко удавалось как включать человека в историческую реальность, так и исключать отсюда.

В-третьих, это **замкнутость в пределах своей семьи**. За все свое правление Константин трижды пригласил сторонних людей разделить с ним власть: это были Максимиан Геркулий, Лициний и Бассиан. Все трое оказались связаны с Константином родством и все трое оказались убиты. Максимиан Геркулий удостоился статуса деда сыновей Константина, однако в этом родственном именовании, растиражированном эпитафией, виден политический расчет. Обращение Константина к Лицинию с упоминанием родства известно лишь одно: она сохранила у Петра Патрикия, описывающего мирные переговоры между Лицинием и Константином по итогам конфликта 316 года. Константин здесь произносит гневную, наполненную упреками речь, в которой запальчиво называет Лициния «собственным зятем» (FHG: vol. IV, p. 189–190). Сам контекст этого обращения показателен. Однако родство не уберегло ни самого Лициния, ни его сына. Таким образом, ни один из этих политических союзов, подкрепленных родством, не обнаруживал какой-

либо крепости и надежности с момента своего заключения. Характерно, что наследники Константина заключили браки с родственницами: таковы браки Константина-мл. и Констанция (на дочерях Юлия Констанция), а также браки Ганнибалиана-мл. (на дочери Константина) и, как полагает Т.Д. Барнс⁵⁵¹, Далмация-мл. С биологической точки зрения браки кузенов и кузин не сулили правящей династии ничего хорошего, зато они снимали угрозу династии извне (со стороны семей консортов) и объединяли две линии правящего дома (дети Констанция Хлора от Елены и Феодоры).

Наконец, в-четвертых, это **стереотипность, господствовавшая внутри дома Константина**. Ни один римский император не проявил такого кажущегося отсутствия фантазии при выборе имен для своих детей. Четверо из пяти порфирородных детей Константина получили имена, так или иначе ассоциирующиеся с его именем, – это Константин-мл., Констанций, Констант и Константина/Констанция. Исключением, но вполне объяснимым, является пятый ребенок, дочь Елена. Стереотипен, но вполне закономерен, набор *nomina* – это обязательно Флавий и вариативно – Валерий, Клавдий и Юлий. Примечательно, что под этот набор подстраиваются и братья Константина, которые до конца 320-ых гг. в общем не задействованы в публичной жизни. Если выбор *nomina* Флавий, Валерий и Юлий еще модно объяснить их апелляцией к персоне их общего с Константином отца, императора Констанция Хлора, то *nomina* Клавдий без сомнения свидетельствует об их стремлении выказать свое внимание к династической политике брата. Еще одно свидетельство стереотипности – это иконография. Если сам Константин, вслед за портретами своего отца, подчеркивает индивидуальные черты, особенно характерные на фоне обезличенного императорского портрета эпохи тетрархии, то его наследники будут следовать принятой в его правление тенденции. Характерным становится не только стилистика изображения больших глаз, которая вообще свойственна римскому портрету этого периода,

⁵⁵¹ Barnes T.D. Constantine: Dynasty... P. 165.

но и форма носа, фасон прически и выбритые щеки⁵⁵² (в противовес бородам солдатских императоров III века).

Обобщая все вышесказанное, мы должны отметить, что в своей династической политике, как и в других сферах своей деятельности, Константин Великий проявил себя авторитарным деятелем и несомненным новатором. Целью его династической политики было не просто утверждение у власти своей семьи, но его личное бессмертие – пусть и в идейно-политическом смысле. Вся династия – в лице легитимизировавших его власть предков и идентичных ему именами и внешностью преемников – существовала для него и сходилась на его фигуре. Нельзя не отметить, что, несмотря на очевидно нерешенный вопрос с принципом наследования, Константин добился того, что обеспечил себе «жизнь после смерти». Свидетельством тому являются разговоры его сына Констанция с покойным отцом во сне⁵⁵³, а также то, что в 407 году солдаты провозгласят императором некоего солдата только за одно имя – Константин (как о том сообщает Орозий: *Hist.* VII.40.4). Несмотря на то, что и до Константина в череде римских императоров встречаются сторонники кровнородственного династизма (Веспасиан, Марк Аврелия, Септимий Север), тенденции, заложенные Константином, оказались прочнее – его династия держалась у власти еще 26 лет после его смерти, хотя была сотрясаема изнутри возродившимся после единовластия самого Константина феноменом узурпации. Характерно, что Констанций перед смертью передаст бразды

⁵⁵² *Wright D.H.* Op. cit. P. 493–506; *Миролюбов И.А.* Констанций и Юлиан: отношения внутри дома Константина в свете императорской иконографии (тезисы доклада) // Письмо и повседневность. Т. 3. М., 2016. С. 74–76.

⁵⁵³ У нас есть два свидетельства такого сновиденческого опыта Констанция – от Аммиана Марцеллина и Петра Патрикия. Проблему этих контактов сына с отцом нам довелось рассмотреть в статье: *Миролюбов И.А.* Сын божественного Константина: об особенностях культа Константина Великого в правление императора Констанция // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 1. С. 152–160.

правления нелюбимому кузену Юлиану⁵⁵⁴, а последний, по некоторым данным⁵⁵⁵, определит наследником родственника Прокопия, т.е. сделает выбор в пользу модели, которой придерживался нелюбимый им дядя.

⁵⁵⁴ На это особо обратил внимание Т. Моммзен: Указ. соч. С. 527.

⁵⁵⁵ Об этом сообщают Аммиан Марцеллин (*Res Gest.* XXVI.6.3) и Зосим (*Hist. Nov.* IV.4.2–3), однако первый утверждает, что это ложный слух. Отметим, что в любом случае это довольно занятное свидетельство апелляции к кровнородственному принципу, исходила ли она от Юлиана, Прокопия или сторонников последнего.

Список сокращений

[Ambros.]⁵⁵⁶ De obitu Theodos. = Ambrosii De obitu Theodosii Oratio (Амвросий Медиоланский: Речь по поводу кончины Феодосия Великого).

[Amm. Marc.] Res Gest. = Ammiani Marcellini Res Gestae (Аммиан Марцеллин: Римская история).

[Aur. Vict.] De caes. = Sexti Aurelii Victoris De caesaribus (Секст Аврелий Виктор: О цезарях).

[Auson.] De prof. Burd. = Ausonii De professoribus Burdigalensis (Авсоний: О преподавателях Бурдигалы).

Chron. Pasch. = Chronicon Paschale (Пасхальная хроника).

CTh. = Codex Theodosianus (Кодекс Феодосия).

Epitome de caes. = Epitome de caesaribus (Псевдо-Аврелий Виктор: Извлечения о цезарях).

[Euseb.] Hist. Eccl. = Eusebii Historia Ecclesiastica (Евсевий: Церковная история).

[Euseb.] Orat. = Eusebii Oratio ad Imperatorem Constantinum (Евсевий: Речь к императору Константину / Речь 336 года).

[Euseb.] Vita Const. = Eusebii Vita Constantini (Евсевий: Жизнь Константина).

[Eutrop.] Brev. = Eutropii Breviarium ab urbe condita (Евтропий: Бревиарий от основания Города).

[Hieron.] Chron. = Hieronymi Chronica (Иероним: Хроника).

[Iul.] Caes. = Iuliani Caesares (император Юлиан: Цезари / Кроники).

[Iul.] Orat. = Iuliani Orationes (император Юлиан: Речи).

[Lact.] De mort. pers. = Lactantii De mortibus persecutorum (Лактанций: О смерти гонителей).

⁵⁵⁶ Имена авторов не указывались в ссылках в тех случаях, когда автор был обозначен непосредственно в тексте данного предложения самого основного текста работы.

[Malal.] Chron. = Ioannis Malalae Chronographia (Иоанн Малала: Хронография).

[Lib.] Orat. = Libanii Orationes (Либаний: Речи).

[Opt.] Carm. = Publilii Optatianu Porphyrii Carmina (Публилий Оптатиан Порфирий: Стихотворения).

Origo = Origo Constantini imperatoris (Аноним Вalezия: Происхождение императора Константина).

[Oros.] Hist. = Pauli Orosii Historia adversum paganos (Павел Орозий: История против язычников).

Pan. Lat. = Panegyrici Latini (Латинские панегирики).

[Philost.] Hist. Eccl. = Philostorgii Historia Ecclesiastica (Филосторгий: Церковная история).

PSCh. = Παραστάσεις σύντομοι χρονικά.

[Ruth.] Hist. Eccl. = Rufini Historia Ecclesiastica (Руфин Аквилейский: Церковная история).

SHA = Scriptores Historiae Augustae (Авторы жизнеописания августов).

[Sidon. Apoll.] Epist. = Sidonii Apollinaris Epistulae (Сидоний Аполлинарий: Письма).

[Socr.] Hist. Eccl. = Socratis Scholasticus Historia Ecclesiastica (Сократ Схоластик: Церковная история).

[Soz.] Hist. Eccl. = Sozomeni Historia Ecclesiastica (Созомен: Церковная история).

[Theoph.] Chron. = Theophanii Chronographia (Феофан: Хронография)

[Zon.] Epit. hist. = Ioannis Zonarae Epitoma historiarum (Иоанн Зонара: Сокращение историй).

[Zos.] Hist. Nov. = Zosimi Historia Nova (Зосим: Новая история).

AE = L'Année épigraphique.

CIL = Corpus Inscriptionum Latinarum.

FHG = Fragmenta Historicorum Graecorum.

ILA = Inscriptiones Latinae Antiquissimae.

ILS = Inscriptiones Latinae Selectae.

RIC = Roman Imperial Coinage.

ВДИ = Вестник древней истории.

AJA = The American Journal of Archaeology.

G&R = Greece & Rome.

DOP = Dumbarton Oaks Papers.

JRS = The Journal of Roman Studies.

PLRE = The Prosopography of the Later Roman Empire.

PWRE = Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.

RhM. = Rheinisches Museum für Philologie.

Авсоний: Ausonius / with English translation by H.G.E. White – Vol. I. – London: William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons, 1919 – 400 p.
Русский перевод: Авсоний. Стихотворения / пер. большей части произведений М. Л. Гаспарова, Ю. Ф. Шульца. – М.: Наука, 1993. – 368 с.

Авторы жизнеописания августов (SHA): Scriptores Historiae Augustae. In 3 vol. / with an English translation by D. Magie – Cambridge (Mass.) – London: Harvard University Press, 1991–1998.

Амвросий Медиоланский: Sancti Ambrosii Mediolanensis Episcopi De obitu Theodosii Oratio // Patrologiae Cursus Completus. – Tomus XVI: Sancti Ambrosii Mediolanensis Episcopi Opera Omnia. Vol. II. – Parisiis: Ex Typis J.-P. Migne, 1843. – Col. 1385–1406.

Аммиан Марцеллин: Ammianus Marcellinus. In 3 vol. / with an English translation by J.C. Rolfe. – Cambridge (Mass.) – London: Harvard University Press, 1935–1940.

Аноним Валезия: Anonymi Valesiani Pars Prior // Ammianus Marcellinus / with an English translation by J.C. Rolfe. – Vol. III. – Cambridge (Mass.) – London: Harvard University Press, 1939. – P. 508–531.

Анонимный продолжатель Диона: Anonymus qui Dionis Cassii Historia continuavit // Fragmenta Historicorum Graecorum / collegit C. Mullerus. – Volumen IV. – Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot, 1851. – P. 191–199.

Евсевий: Eusebius Werke. I. Band. / herausgegeben von I.A. Heikel. – Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1902. – CVIII, 358 S.; Eusebius Werke. II. Band: 2 Teile / herausgegeben von E. Schwarz. – Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1903–1908. *Русские переводы:* Евсевий Памфил. Церковная

⁵⁵⁷ Приводим в данном разделе те издания, которыми пользовались для данного исследования. В случае если текст источника приводился по существующему русскому переводу, то вместе с данными его издания даем также издание на языке оригинала, по которому ориентировались в работе с переводом.

история. / Пер. СПбДА. Комм. С. А. Ершова. – СПб.: Амфора, 2005. – 496 с.; Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. / Пер. СПбДА под ред. А. А. Калинина. – М.: Labarum. 1998. – 352 с.

Евтропий: Eutropii Breviarium ab urbe condita / edidit Carlo Santini. Leipzig: BSB V.G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1979. – XIX, 87 S.

Зосим: Zosimi comiti et exadvocati fisci Historia Nova / edidit L. Mendelssohn. – Lipsiae: In Aedibus B.G. Teubneri, 1887. – LIV, 306 p.

Иероним: Eusebi Chronicon libri duo / edidit A. Schoene. – Vol. II. – Berolini: apud Weidemannos, 1866. – LX, 236 p.

Иоанн Зонара: Ioannis Zonarae Epitome Historiarum / edidit L. Dindorfius. – Vol. III. – Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1870. – 418 p.

Иоанн Малала: Ioannis Malalae Chronographia / ex recensione L. Dindorfi. – Bonnae: impensae Ed. Weberi, 1831. – LXXVIII, 798 p.

Лактанций: Laktanz. De mortibus persecutorum – Die Todesarten der Verfolger / Laktanz, übersetzt und eingeleitet von Alfons Städele. – Turnhout: Brepols, 2003. – 270 S.

Латинские панегирики: Латинские панегирики / Пер. с лат., вступ. ст. и комм. И. Ю. Шабага. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. – 672 с.⁵⁵⁸

Либаний: Libanii Opera. In 10 vol. Lipsiae, 1903–1921; Речи Либания: в 2 тт. / Пер., вступ. ст. и прим. С. Шестакова. – Казань: Типо-литография Императорского Университета. 1914–1916.

Павел Орозий: Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII / ex recognitio C. Zangemeister. – Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1889. – XXII, 371 p.

Пасхальная хроника: Chronicon Paschale / recensuit L. Dindorf. – Vol. I. – Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1832. – VI, 739 p.

⁵⁵⁸ Издание содержит латинский (оригинальный) текст источника по авторитетному изданию Э. Галлетье, а также русский перевод и обстоятельный комментарий.

Петр Патрикий: Petrus Patricius // Fragmenta Historicorum Graecorum / collegit C. Mullerus. – Volumen IV. – Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot, 1851. – P. 181–191.

PSCh.: Constantinople in the Early Eighth Century: The Parastaseis Syntomoi Chronikai / edited by A. Cameron and J. Herrin. – Leiden: E.J. Brill, 1984. – 291 p.⁵⁵⁹

Праксагор Афинский: Praxagoras Atheniensis // Fragmenta Historicorum Graecorum / collegit C. Mullerus – Vol. IV. – Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot, 1851. – P. 2–3.

Публилий Оптатиан Порфирий: Publilii Optatiani Porphyrii Carmina / recensuit et praefatus est L. Mueller. – Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1877. – XLIV, 84 p.

Руфин Аквилейский: Eusebius Werke. II. Band: 2. Teil / herausgegeben von E. Schwartz. – Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1908. – 539 p.

Секст Аврелий Виктор и Псевдо-Аврелий Виктор: Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus. Praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illustribus urbis Romae; subsequitur Epitome de Caesaribus / recensuit F. Pichlmayr, R. Guendel. – Leipzig: BSG B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1970. – 226 S.

Сидоний Аполлинарий: Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et Carmina / recensuit et emendavit C. Luetjohann. – Berolini: apud Weidmannos, 1887. – 484 p.

Созомен: Hermiae Sozomeni Ecclesiastica Historia / Henrico Valesio interpreto. – Parisiis: Ex Typis J.–P. Migne, 1864. – 442 p. *Русский перевод:* Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. – СПб.: В типографии Фишера, 1851. – 636 с.

Сократ Схоластик: Socratis Scholastici Ecclesiastica Historia / edidit R. Hussey. – Tomus I. – Oxonii: E Typographeo Academico, 1853. – XLVIII, 467 p.

⁵⁵⁹ Издание содержит греческий (оригинальный) текст источника, снабженный критическим аппаратом, а также английский перевод и комментарий, на которые мы ориентировались при работе с данным источником.

Русский перевод: Сократ Схоластик. Церковная история. / Пер. СПбДА под ред. И. В. Кривушина. – М.: Росспэн, 1996. – 368 с.

Феофан: Theophaïs Cronographia / ex recensione I. Classeni. – Vol. I. – Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1839 – LIV, 771 p. *Русский перевод*: Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. М., 1884. – IV, 370 с.

Филокал (и Полемий Сильвий): Fasti Furii Dionysii Philocali et Polemii Silvii // Inscriptiones Latinae Antiquissimae / consilio et auctoritate Academiae Litterarum Regiae Borussicae editae. – Pars Prior. – Berolini: apud Gregorium Reimerum, 1983 – P. 254–279.

Юлиан, император: The Works of the Emperor Julian. In 3 volumes / with an English translation by W.C. Wright. – London–New York: William Heinemann; The Macmillan Co., 1913–1923.

Список используемой литературы

1. Альбрехт М. фон. История римской литературы. [Текст] / М. фон Альбрехт. – Пер. с нем. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005 – Т. 3. – 616 с.
2. Асмус В. А. Афанасий Великий. [Текст] / В.А. Асмус, И.С. Чичуров // Православная энциклопедия. – Т. IV. – М., 2002. – С. 22–49.
3. Белякова Е. В. Елена. [Текст] / Е.В. Белякова, А.А. Королев, Э.П.А. // Православная энциклопедия. – Т. XVIII. – М., 2008. – С. 293–297.
4. Бокщанин А. Г. Источниковедение Древнего Рима. [Текст] / А.Г. Бокщанин. – М.: Издательство Московского университета, 1981. – 160 с.
5. Буркхардт Я. Век Константина Великого. [Текст] / Я. Буркхардт. – Пер. с англ. – М.: Центрполиграф. 2003 – 367 С.
6. Болотов В. В. Лекции по истории Древней церкви. Т. III. История церкви в период Вселенских соборов. [Текст] / В.В. Болотов, ред. А.И. Бриллиантов. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1913 – 341 с.

7. Бриллиантов А. И. Константин Великий и Миланский эдикт 313 года. [Текст] / А.И. Бриллиантов. – Пт.: типография М. Меркушева, 1916. – VIII, 198 с.
8. Васильев А. А. История Византийской империи. [Текст] / А.А. Васильев. – [Т. 1.] Время до Крестовых походов. – пер. с англ. – СПб.: Алетейя, 1998. – 512 с.
9. Ващева И. Ю. Евсевий Кесарийский и становление средневекового историзма / И.Ю. Ващева, науч. ред. М.В. Бибилов – СПб.: Алетейя, 2006. – 271 с.
10. Ващева И. Ю. Ранневизантийские императоры в «Истории» Филосторгия. [Текст] / И.Ю. Ващева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2010 – №13 (84). – С. 19–27.
11. Ващева И. Ю. Константин Великий: вариации образа в христианских историях поздней античности. [Текст] / И.Ю. Ващева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 4 (3). – С. 46–58.
12. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. [Текст] // Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1993. – 480 с.
13. Гиббон Э. История упадка и разрушения: Закат и падение Римской империи: в 7 т. [Текст] / Э. Гиббон. – Пер. с англ. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008.
14. Грант М. Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н. э.–476 г. н. э. [Текст] / М. Грант / Пер. с англ. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. – 400 с.
15. Григорюк Т. В. 337 год: кризис власти в Римской империи и «убийства принцев». [Текст] / Т.В. Григорюк // ВДИ. – 2012. – № 2. – С. 155–166.
16. Гуревич А. Я. Время Константина в освещении современной буржуазной историографии. [Текст] / А.Я. Гуревич // ВДИ. – 1954. – № 1. – С. 92–100.

17. Зелинский Ф. Ф. Римская империя. [Текст] / Ф.Ф. Зелинский / Пер. с польск. – СПб.: Алетейя, 2000. – 489 с.
18. Каждан А. П. От Христа к Константину. [Текст] / А.П. Каждан. – М.: Издательство «Знание», 1965. – 304 с.
19. Князький И. О. Император Диоклетиан и закат античного мира. [Текст] / И. О. Князький. – СПб.: Алетейя, 2010. – 144 с.
20. Козлов А. С. К вопросу об авторстве и датировке *Origo Constantini Imperatoris*. [Текст] / А.С. Козлов // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. трудов. – Вып. 12. – Екатеринбург, 2011. – С. 213–232.
21. Козлов А. С. Проблема аутентичности трактата *Vita Constantini*. [Текст] / А.С. Козлов // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. трудов. – Вып. 16. – Екатеринбург, 2016. – С. 120–133.
22. Ковалев С. И. История Рима. [Текст] / С.И. Ковалев/ под. ред. Э.Д. Фролова – СПб.: ООО Издательство «Полигон», 2002. – 864 с.
23. Коптелов Б. В. Император Лициний на переломе эпох. [Текст] / Б.В. Коптелов. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 132 с.
24. Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина: историческая б-ка Бека. [Текст] / К. Крист. – Пер. с нем. – Том 2. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. – 512 с.
25. Курбатов Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция. [Текст] / Г.Л. Курбатов // Культура Византии IV – первая половина VII в. – М., 1984. – С. 98–118.
26. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. [Текст] / А.Ф. Лосев, сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. – М.: Мысль, 1996. – 975 с.
27. Машкин Н. А. История Древнего Рима. [Текст] / Н.А. Машкин. – М.: Высшая школа, 2006. – 753 с.

28. Миролубов И. А. Об образовании императора Константина Великого. [Текст] / И.А. Миролубов // Аристей. – 2016. – Т. 13. – С. 90–95.
29. Миролубов И. А. Константин Великий в Истории против язычников Павла Орозия. [Текст] / И.А. Миролубов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 4. – С. 62–70.
30. Миролубов И. А. Констанций и Юлиан: отношения внутри дома Константина в свете императорской иконографии (тезисы доклада) [Текст] / И.А. Миролубов // Письмо и повседневность. – Отв. ред. А.О. Чубарьян. – Т. 3. – М., 2016. – С. 74–76.
31. Миролубов И. А. Констанций и Юлиан: споры о бороде. [Электронная публикация] / И.А. Миролубов // Электронный научно-образовательный журнал История. – 2017. – Т. 8, № 3 (57).
32. Миролубов И. А. Константин Великий в клетке со зверем. [Текст] / И.А. Миролубов // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2017. – Т. 21. – С. 571–579.
33. Миролубов И. А. Сын божественного Константина: об особенностях культа Константина Великого в правление императора Констанция. [Текст] / И.А. Миролубов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2018. – № 1. С. 152–160.
34. Моммзен Т. История римских императоров. [Текст] / Т. Моммзен. – Пер. с нем. – СПб.: Ювента, 2002. – 632 с.
35. Монтескье Ш. Л. О духе законов. [Текст] / Ш.Л. Монтескье – Пер. с франц. – М.: Мысль, 1999. – 672 с., 1 л. портр.
36. Монтескье Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. [Текст] / Ш.Л. Монтескье – Пер. с франц. – М.: «Канон-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2002. – 512 с.
37. Неронова В. Д. Поздняя Римская империя (III–V вв.). [Текст] / В.Д. Неронова // История Древнего мира. Кн. 3. Упадок древних обществ. / под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкой. – М.: Главная

редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989. – [Кн. 3.]
Упадок древних обществ. – 407 с.

38. Нибур Б. Г. О жизни Петра Магистра. [Текст] / Б.Г. Нибур. // Пер. с лат. – Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. / Пер. с греч. С. Дестунисом. – СПб.: В типографии Леонида Демиса, 1860 – С. 280 – 293.

39. Никольский И. М. Образ правителя в сочинениях раннехристианских историков (на примере «О смертях гонителей» Луция Фирмиана Лактанция). Дисс. канд. ист. наук: 07.00.03. [Текст] / И.М. Никольский. – М., 2011. – 160 с.

40. Петрученко О. А. Латинско-русский словарь. [Текст] / О.А. Петрученко – М.: Товарищество «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. – 810 с.

41. Рубцов П. В. К вопросу о династизме императорской власти в политической идеологии IV в. [Текст] / В.П. Рубцов // Власть, политика и идеология в истории Европы: сборник научных статей, посвященный 30-летию кафедры ВИМО АлтГУ / под ред. Ю. Г. Чернышова. – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2005. – С. 70–79.

42. Рубцов П. В. Представления о легитимности императорской власти в IV в. [Текст] / П.В. Рубцов // Война и мир в истории Европы: сборник научных статей памяти профессора Е. П. Глушанина. — Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2007. — С. 35–43.

43. Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. [Текст] / В.С. Сергеев. – Часть II. – М.: ОГИЗ – Государственное социально-экономическое издательство, 1941. – 461 с.

44. Сидорова Н.А. Портрет конца III – IV века н.э. [Текст] / Н.А. Сидорова // Бритова Н.Н. Римский скульптурный портрет. [Текст] / Н.А. Бритова, Н.М. Лосева, Н.А. Сидорова. – М.: «Искусство», 1975. – С. 85–95.

45. Спасский А. А. Обращение императора Константина Великого в Христианство. [Текст] / А.А. Спасский // Богословский вестник. – Т. I. – 1905, № 1. – С. 60–62.

46. Таруашвили Л. И. Рим в 313 году. Художественно-исторический путеводитель по столице древней империи. [Текст] / Л.И. Таруашвили. – М.: Статут, 2010. – 278 с.
47. Тюленев В. М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. [Текст] / В.М. Тюленев. – СПб.: Алетейя, 2000. – 320 с.
48. Тюленев В. М. Павел Орозий и его «История против язычников». [Текст] / В.М. Тюленев // Павел Орозий. История против язычников. / Пер. с лат. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2004. – С. 5–80.
49. Удальцова З. В. Филосторгий – представитель еретической церковной историографии. [Текст] / З.В. Удальцова // ВВ. – 1983. – Т. 44. – С. 3–17.
50. Удальцова З. В. Из византийской хронографии VII в. [Текст] / З.В. Удальцова // ВВ. – 1984. – Т. 45. – С. 54–65.
51. Удальцова З. В. Особенности экономического, социального и политического развития Византии (IV – первая половина VII в.). [Текст] / З.В. Удальцова // Культура Византии IV – первая половина VII в. – М., 1984. – С. 14–41.
52. Уильямс С. Диоклетиан: реставратор Римской империи. [Текст] / С. Уильямс. – Пер. с англ. – СПб.: Евразия; М.: ИД Клио, 2014. – 368 с.
53. Успенский Ф. И. История Византийской империи. [Текст] / Ф.И. Успенский. – Т. 1. – СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1913. – 872 с.
54. Федорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. [Текст] / Е.В. Федорова – М.: Издательство Московского университета, 1982. – 256 с.
55. Хафнер Г. Выдающиеся портреты античности: 337 портретов в образе и слове [Текст] / Г. Хафнер – Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1984. – 312 с.
56. Чекалова А. А. Патрициат в ранней Византии [Текст] / А.А. Чекалова // Византийский временник. – 1997 – Т. 57. – С. 32–44.
57. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: Хронография Феофана, Бревиарий Никифора (Тексты, перевод, комментарий). [Текст] / И.С. Чичуров. – М.: Издательство «Наука», 1980. – 216 с.

58. Шабага И. Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. [Текст] / И.Ю. Шабага. – М.: Издательство МГУ, 1997. – 144 с.
59. Шабага И. Ю. Константин и Максенций: методы политической борьбы. [Текст] / И.Ю. Шабага // Труды кафедры древних языков / отв. ред. А.В. Подосинов. – Вып. IV. – М.: Индрик, 2016. – С. 178–192.
60. Штаерман Е. М. SNA как исторический источник [Текст] / Е.М. Штаерман // ВДИ – 1957. – № – С. 233–245.
61. Ястребов А. О. Евсевий Кесарийский. Исторический очерк. [Текст] / А.О. Ястребов // Богословский сборник. – Выпуск III. М., 1999. – С. 136–151.
62. Ястребов А. О. Евсевий. [Текст] / А.О. Ястребов // Православная энциклопедия. Т. 17. – М., 2008. – С. 252–267.
63. Alföldi M. R. Helena nobilissima femina: zur Deutung der Trierer Deckengemälde. [Text] / M. R. Alföldi // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. – 1959/1960 – Bd. X. – S. 79–90.
64. Austin N. J. E. Constantine and Crispus, 326 A.D. [Text] / N. J. E. Austin // Acta Classica. – 1980. – № 23. – P. 133–138.
65. Bagnall R. S. Consuls of the later Roman Empire. [Text] / R. S. Bagnall, A. Cameron, S. R. Schwartz, K. A. Worp. – Atlanta: Scholars Press, 1987. – VIII, 759 p.
66. Bardill J. Constantine, Divine Emperor of the Christian Golden Age. [Text] / J. Bardill – New York: Cambridge University Press, 2012. – XXX, 440 p.
67. Barnes T. D. Lactantius and Constantine [Text] / T.D. Barnes // JRS – 1973 – Vol. 63. – P. 29–46.
68. Barnes T. D. Constantine and Eusebius. [Text] / T.D. Barnes – Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1981. – VIII, 458 p.
69. Barnes T. D. Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. [Text] / T.D. Barnes – Malden–Oxford–Chichester: Blackwell Publishing Ltd., 2014. – XIV, 266 p.

70. Bancich T. M. Introduction: The Epitome of Histories. [Text] / T.M. Bancich // The History of Zonaras: From Alexander Severus to the Death of Theodosius the Great / Translated by T. M. Bancich and E. N. Lane. – Abingdon–New York: Routledge. 2009. – P. 1–19.
71. Benjamin C. Constantinus (2). [Text] / C. Benjamin // PWRE. – Bd. IV/7. – Stuttgart, 1900. – S. 1013–1026.
72. Bleckmann B. Constantina, Vetrano, und Gallus Caesar. [Text] / B. Bleckmann // Chiron. – 1994. – № 24. – S. 29–68.
73. Bleckmann B. Sources for the History of Constantine. [Text] / B. Bleckmann // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / edited by N. Lenski – New York: Cambridge University Press, 2006. – P. 14–31.
74. Bonamente G. Minor Latin Historians of the Fourth Century A.D. [Text] / G. Bonamente // Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D. / edited by Gabriele Marasco. – Leiden–Boston: Brill, 2003. – P. 85–125.
75. Bowersock G.W. Julian the Apostate. [Text] / G.W. Bowersock. – Cambridge, Mass.; Harvard University Press, 1978. – 135 p.
76. Brandt H. Konstantin der Grosse: Der erste christliche Kaiser. [Text] / H. Brandt. – Munchen: C.H. Beck, 2007. – 208 S.
77. Brenk B. Mit was für Mitteln kann einem physisch Anonymen auctoritas verliehen werden? [Text] / B. Brenk // East and West: Modes of Communication : Proceedings of the First Plenary Conference at Merida / edited by E.K. Chrysos, I. N. Wood. – Leiden–Boston–Köln: Brill, 1999. – P. 143–172.
78. Browning P. The Emperor Julian. [Text] / P. Browning – Berkley; New York: University of California Press, 1976. – 256 p.
79. Bruun P. M. General Introduction. [Text] / P. Bruun // RIC. – Vol. VII. – London: Spink and Son Ltd., 1966. – P. 1–78.
80. Burgess R.W. On the Date of the Kaisergeschichte. [Text] / R.W. Burgess // Classical Philology. – 1995 – Vol. 90. № 2. – P. 111–128.

81. Burgess R.W. The Summer of Blood: The "Great Massacre" of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine. [Text] / R.W. Burgess // DOP. – 2008. – Vol. 62. – P. 5–51.
82. Cameron A. Introduction. [Text] / A. Cameron, S.G. Hall // Eusebius. Life of Constantine / translated with introduction and commentary by A. Cameron, S.G. Hall. – New York: Clarendon Press–Oxford, 1999. – P. 1–53.
83. Cataudella M.R. Historiography in the East. [Text] / M.R. Cataudella // Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D. / edited by Gabriele Marasco. – Leiden–Boston: Brill, 2003. – P. 391–447.
84. Chausson F. Stemmata Aurea: Constantin, Justine, Théodose: Revendications généalogiques et idéologie impériale au IV s. ap J.–C. [Text] / F. Chausson – Roma: «L'erma» di Bretschneider, 2007. – 301 p.
85. Christensen T. C. Galerius Valerius Maximinus: Studies in the Politics and Religion of the Roman Empire AD 305–313. [Text] / T.C. Christensen – København: Det Teologiske Fakultet, 2012. – 241 p.
86. Colli D. Il palazzo Sessoriano nell'area archeologica di S. Croce in Gerusalemme: ultima sede imperiale a Roma? [Text] / D. Colli // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité. – 1996. – T. 108, № 2. – P. 771–815
87. Davenport C. Imperial Ideology and Commemorative Culture in the Eastern Roman Empire, 284–450 CE. [Text] / C. Davenport // Byzantium, Its Neighbors and Its Cultures. – edited by D. Djino, K. Perry. – Brisbane: Australian Association for Byzantine Studies, 2014. – P. 45–70.
88. Dessau H. Über Zeit und Persönlichkeit der Scriptores historiae Augustae. [Text] / H. Dessau // Hermes. – 1889. – Bd. 24. – S. 337–392.
89. Dörries H. Das Selbstzeugnis Kaiser Konstantins. [Text] / H. Dörries. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1954. – S. 431.
90. Drijvers J.W. Flavia Maxima Fausta: Some Remarks. [Text] / J.W. Drijvers // Historia. – 1992. – Bd. 41. H. 4. – P. 500–506.

91. Drijvers J.W. Helena Augusta: The Mother of Constantine the Great and the Legend of Her Finding of the True Cross [Text] / J.W. Drijvers – Leiden: E.J. Brill, 1992. – 217 p.
92. Du Cange C. Familia Constantini Magni. [Text] / C. Du Cange // *Historia byzantina duplici commentario illustrata*. – Lutetiae Parisiorum: apud Ludovicum Billaine, Bibliopolam Perisientem, 1680. – P. 42–51.
93. Elton H. Warfare and the Military. [Text] / H. Elton // *The Cambridge Companion to the Age of Constantine* / edited by N. Lenski – New York: Cambridge University Press, 2006. – P. 325–346.
94. Enmann A. Eine verlorene Geschichte der römischen Kaiser [Text] / A. Enmann // *Philologus*. – Supp.-Bd. 4. – H. 3. – 1884. – S. 337–501.
95. Enßlin W. Dalmatius Censor, der Halbbruder Konstantins I. [Text] / W. Enßlin // *RhM*. 1929. – Bd. 78. – P. 199–212.
96. Enßlin W. Maximianus (1). [Text] / W. Enßlin // *PWRE*. – Bd. XIV/28. – Stuttgart, 1930. – Sp. 2486–2516.
97. Enßlin W. Minervina. [Text] // W. Enßlin / *PWRE*. Bd. XV/30. – Stuttgart, 1932. – Sp. 1802.
98. Enßlin W. Optatus (2). [Text] / W. Enßlin // *PWRE*. – Bd. XVIII/35. – Stuttgart, 1939. Sp. 760–761.
99. Frakes R.M. The Dynasty of Constantine Down to 363. [Text] / R.M. Frakes // *The Cambridge Companion to the Age of Constantine* / edited by N. Lenski – New York: Cambridge University Press, 2006. – P. 91–107.
100. Fowden G. The Last Days of Constantine: Oppositional Versions and Their Influence. [Text] / G. Fowden // *JRS*. – 1994. – Vol. 84. – P. 146–170.
101. Grégoire H. Eusèbe n'est pas l'auteur de la «Vita Constantini» dans sa forme actuelle, et Constantin ne s'est pas «converti» en 312. [Text] / H. Grégoire // *Byzantion*. – 1938. – Vol. 13. – P. 561–583.
102. Grégoire H. La vision de Constantin «liquidée». [Text] / H. Grégoire // *Byzantion*. – 1939. – Vol. 14. – P. 341–351.

103. Grünewald T. *Constantinus Maximus Augustus*. [Text] / T. Grünewald – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. – 320 S.
104. Guthrie P. *The Execution of Crispus*. [Text] / P. Guthrie // *Phoenix*. – 1966. – Vol. 20, № 1. – P. 325–331.
105. Halbertsma R.B. *Nulli tam laeti triumpho* – Constantine's victory on a reworked cameo in Leiden [Text] / R.B. Halbertsma // *Babesch*. – 2015. – № 90. – 221–236.
106. Hekster O. *Emperors and Ancestors: Roman Rulers and the Constraints of Tradition*. [Text] / O. Hekster – New York: Oxford University Press, 2015. – 400 p.
107. Henze W. *Aurelius (84)*. [Text] / W. Henze // *PWRE*. – Bd. II/4. – Stuttgart, 1896. – Sp. 2462–2463.
108. Holum K. G. *Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. [Text] / K.G. Holum – Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 1989. – 276 p.
109. Hussey R. *Annotationes* [Text] / R. Hussey // *Socratis Scholastici Historia Ecclesiastica* / edidit R. Hussey – Tomus III. Oxonii: E Typographeo Academico, 1853. – 609 p.
110. Jeffreys E. *Malalas' Sources* [Text] / E. Jeffreys // *Studies in John Malalas*. – edited by E. Jeffreys, B. Croke, R. Scott. – Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, Department of Modern Greek, University of Sydney, 1990. P. 167–216.
111. Johnson M. J. *Where were Constantius I and Helena Buried?* [Text] / M.J. Johnson // *Latomus*. – 1992. – Vol. 51. № 1. – P. 141–150.
112. Johnson M. J. *Architecture of Empire*. [Text] / M.J. Johnson // *The Cambridge Companion to the Age of Constantine* / edited by N. Lenski – New York: Cambridge University Press, 2006. – P. 278–297.
113. Jones A. H. M. *Constantine and the Conversion of Europe*. [Text] / A.H.M. Jones – London: The English Universities Press Ltd., 1965. – XIV, 271 p.

114. Kajava M. Some Remarks on the Name and the Origin of Helena Augusta. [Text] / M. Kajava // *Arctos*. – 1985. – Vol. XIX. – P. 41–54.
115. Kaster R.A. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. [Text] / R.A. Kaster – Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 1997. – 524 p.
116. Kienast D. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. [Text] / D. Kienast. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. – XXVIII, 399 S.
117. Klauss M. Konstantin der Grosse und Seine Zeit. [Text] / M. Klauss. – München: Verlag C.H. Beck, 1996. – 126 S.
118. Kleiner D. E. E. Roman Sculpture. [Text] / D.E.E. Kleiner. – New Heaven–London: Yale University Press, 1992. – 477 p.
119. Kolb F. Diokletian und die erste Tetrarchie. Improvisation oder Experiment in monarchischer Herrschaft? [Text] / F. Kolb. – Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1987. – 213 S.
120. Kuhoff W. Aktuelle Perspektiven der Diokletian-Forschung. [Text] / W. Kuhoff // *Diokletian und die Tetrarchie* / herausgegeben von A. Demandt, A. Goltz, H. Schlange-Schöningen. – Berlin–New York: Walter de Gruyter, 2012. – 269 S.
121. Leadbetter B. The Illegitimacy of Constantine and the Birth of the Tetrarchy. [Text] / B. Leadbetter // *Constantine: History, Historiography and Legend* / edited by N.C. Lieu and D. Montserrat. – London–New York: Routledge, P. 74–85.
122. Leadbetter B. Galerius and the Will of Diocletian. [Text] / B. Leadbetter. – London; New York: Routledge, 2009. – XIV, 282 p.
123. Lenski N. The Reign of Constantine. [Text] / N. Lenski // *The Cambridge Companion to the Age of Constantine* / edited by N. Lenski – New York: Cambridge University Press, 2006. – P. 59–90.

124. Lenski N. Constantine and the Cities: Imperial Authority and Civic Politics. [Text] / N. Lensi. – Philadelphia: University of Pensylvania Press, 2016. – 416 p.

125. Leppin H. The Church Historians (I): Socrates, Sozomenus, and Theodoretus. [Text] / H. Leppin // Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D. / edited by Gabriele Marasco. – Leiden–Boston: Brill, 2003. – P. 216–254.

126. Liddel H.G., Scott R. A Greek–English Lexicon. [Text] // H.G. Liddel, R.A. Scott. – Oxford: Clarendon Press, 1869. – XIV, 1865 p.

127. Liebeschuetz W. Pagan Historiography and the Decline of Empire. [Text] // Greek and Roman Historiography. [Text] / W. Liebeschuetz // Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D. / edited by Gabriele Marasco. – Leiden–Boston: Brill, 2003. – P. 177–218.

128. Lightfoot C.S. Armenia and the Eastern Marches. [Text] / C.S. Lightfoot // The Cambridge Ancient History. – Volume 12: The Crisis of Empire, AD 193–337. – New York: Cambridge University Press, 2005. – P. 481–497.

129. Loewenstein K. The Governance of Rome. [Text] / K. Loewenstein. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1973. – XXX, 500 p.

130. Mackay C.S. Lactantius and the Succession of Diocletian. [Text] / C.S. Mackay // Classical Philology. – 1999. – Vol. 94. № 2. – 198–209.

131. Marasco G. The Church Historians (II): Philostorgius and Gelasius of Cyzicus. [Text] / G. Marasco // Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D. / edited by Gabriele Marasco. – Leiden–Boston: Brill, 2003. – P. 257–288.

132. Molinier-Arbo A. François Chausson, *Stemmata aurea*: Constantin, Justine, Théodose. Revendications généalogiques et idéologie impériale au IVe siècle ap. J.-C., 2007 (compte-rendu). [Text] / A. Molinier-Arbo // L'Antiquité Classique. – 2009. – № 78. – P. 559–560.

133. Mommsen T. Grabschrift des Kaisers Constantius Chlorus. [Text] / T. Mommsen // Hermes. – 1893. – Bd. 28. – S. 33–39.

134. Müller-Wiener W. Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Byzantion, Konstantinupolis, Istanbul bis zum Beginn des 17. Jahrhundert. [Text] / W. Müller-Wiener. – Tübingen: Wasmuth, 1977. – 534 S.
135. Odahl Ch. M. Constantine and the Christian Empire. [Text] / Ch. M. Odahl. – London–New York: Routledge, 2010. – XXIII, 410 p.
136. Oxford Latin Dictionary. – Oxford: At the Clarendon Press, 1968. – XXIII, 2126 p.
137. Piganiol A. L'état actuel de la question constantinienne 1930/1949. [Text] / A. Piganiol // Historia. – 1950. – Bd. I. H. 1. – P. 86–96.
138. PLRE / edited by A.H.M. Jones, J.R. Martindale, J. Morris. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – T. I A.D. 260–395. – 1152 p.
139. PLRE / edited by J.R. Martindale. – Cambridge: Cambridge University Press, 1980. – T. II A.D. 395–527. – 1342 p.
140. Potter D. S. The Roman Empire at Bay AD 180–395. [Text] / D.S. Potter – London–New York: Routledge, 2004. – XXII, 762 p.
141. Potter D. S. Constantine the Emperor. [Text] / D.S. Potter – New York: Oxford University Press, 2013. – 384 p.
142. Richardson L. A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. [Text] / L. Richardson. – London; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1992. – XXXV, 459 p.
143. Rohrbacher D. The Historians of Late Antiquity. [Text] / D. Rohrbacher. – London–New York: Routledge, 2002. – VIII, 324 p.
144. Holloway R. R. Constantine and Rome. [Text] / R. Ross Holloway. – New Heaven; London: Yale University Press, 2004. – 208 p.
145. Rodgers B. S. The Metamorphosis of Constantine. [Text] / B.S. Rodgers // The Classical Quarterly. – 1989. – Vol. 39, № 1. – P. 233–246.
146. Salzman M. R. On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity. [Text] / M.R. Salzman – Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1990. – 335 p.

147. Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. [Text] / O. Seeck – I. Band. – Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1897. – 428 S.
148. Seeck O. Constans (3) [Text] / O. Seeck // PWRE. – Bd. IV/7. – Stuttgart, 1900. – Sp. 948–952.
149. Seeck O. Constantinus (3) [Text] / O. Seeck // PWRE. – Bd. IV/7. – Stuttgart, 1900. Sp. 1026–1028.
150. Seeck O. Constantius (1) [Text] / O. Seeck // PWRE. – Bd. IV/7. – Stuttgart, 1900. – Sp. 1040–1043.
151. Seeck O. Constantius (4) [Text] / O. Seeck // PWRE. – Bd. IV/7. – Stuttgart, 1900. – Sp. 1044–1094.
152. Seeck O. Constantius (13) [Text] / O. Seeck // PWRE. – Bd. IV/7. – Stuttgart, 1900. – Sp. 1102–1103.
153. Seeck O. Crispus (9) [Text] / O. Seeck // PWRE. – Bd. IV/8. – Stuttgart, 1901. – Sp. 1722–1724.
154. Seeck O. Daia [Text] / O. Seeck // PWRE. – Bd. IV/8. – Stuttgart, 1901. – Sp. 1986–1990.
155. Seeck O. Delmatius (2) [Text] / O. Seeck // PWRE. – Bd. IV/8 – Stuttgart, 1901. – Sp. 2455–2456.
156. Seeck O. Fausta (3) [Text] / O. Seeck // PWRE. – Bd. VI/12 – Stuttgart, 1909. – Sp. 2084.
157. Seeck O. Hannibalianus (3) [Text] / O. Seeck // PWRE. – Bd. VII/14. – Stuttgart, 1912. – Sp. 2352
158. Seeck O. Helena (2) [Text] / O. Seeck // PWRE. – Bd. VII/14. – Stuttgart, 1912. – Sp. 2820– 2822.
159. Seeck O. Helena (3) [Text] / O. Seeck // PWRE. – Bd. VII/14. – Stuttgart, 1912. – Sp. 2822.
160. Shahîd I. Rome and the Arabs: A Prolegomenon to the Study of Byzantium and the Arabs. [Text] / I. Shahîd – Washington: Dumbarton Oaks, 1984. – 193 p.

161. Schmitt O. Constantin der Grosse. [Text] / O. Schmitt. – Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 2007 – 320 S.
162. Southern P. The Roman Empire from Severus to Constantine. [Text] / P. Southern. – Abingdon–New York: Routledge, 2001. – XXII, 762 p.
163. Stephenson P. A note on the Constantinian Cameo, now in Leiden [Text] / P. Stephenson // Babesch. – 2015. – № 90. – P. 237–240.
164. Sutherland C.H.V. General Introduction. [Text] / C.H.V. Sutherland // RIC. – Vol. VI. – London: Spink and Son Ltd., 1967. – P. 1–105.
165. Syme R. Historia Augusta Papers. [Text] / R. Syme – New York: Clarendon Press, 1983. – 238 p.
166. Tillemont L.–S. Histoire des empereurs. [Text] / L.–S. Tillemont. – Vol. IV. – Paris: chez Charles Robustel, 1692. – XXXII, 756 p.
167. Urbainczyk T. Socrates of Constantinople: Historian of Church and State. [Text] / T. Urbainczyk – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1997. – 215 p.
168. Valeva J. Empresses of the Fourth and Fifth Centuries: Imperial and Religious Iconography. [Text] / J. Valeva // Niš & Byzantium – 2008. – Vol. VII. – P. 67–76.
169. Van Dam R. Roman Revolution of Constantine. [Text] / R. Van Dam – New York: Cambridge University Press, 2008. – XVI, 441 p.
170. Varner E. R. Mutilation and Transformation: Damnatio Memoriae and Roman Imperial Portraiture. [Text] / E.R. Varner. – Leiden–Boston: E.J. Brill, 2004. – 340 p.
171. Voltaire. Portrait de l'empereur Julien / Voltaire // Œuvres complètes de Voltaire. – T. 28. – Paris: Garnier Frères, 1879. – P. 2–8.
172. Wagenvoort H. Pietas. Selected Studies in Roman Religion. [Text] / H. Wagenvoort. – Leiden: E.J. Brill, 1980. – 264 p.
173. Watson A. Aurelian and the Third Century. [Text] / A. Watson – London; New York: Routledge, 1999. – XX, 303 p.

174. Whitehead P. B. The Church of S. Anastasia in Rome. [Text] / P.B. Whitehead // AJA. – 1927. – Vol. 31, № 4. – P. 405–420.
175. Wienand J. La famiglia e la politica dinastica di Costantino / J. Wienand // Costantino I. Enciclopedia Costantiniana sulla figura e l'immagine dell'imperatore del cosiddetto Editto di Milano 313–2013. – Vol. I. – Rom: Istituto della enciclopedia italiana, 2013. – P. 23–52.
176. Wilson E. G. Studies in the Lives of the Sons of Constantine: A Thesis ... for the Degree of Doctor of Philosophy [Text] / E.G. Wilson. – University of British Columbia, 1977. – XIII, 344 p.
177. Winkelman F. Historiography of the Age of Constantine. [Text] / F. Winkelman // Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D. / edited by Gabriele Marasco. – Leiden–Boston: Brill, 2003. – P. 3–41.
178. Woods D. On the Death of the Empress Fausta. [Text] / D. Woods // G&R. – 1998. – Vol. 45. № 1. – P. 70–86.
179. Woods D. Numismatic Evidence and the Succession to Constantine I. [Text] / D. Woods // Numismatic Chronicle. – 2011. – № 171. – P. 187–196.
180. Wright D. H. The True Face of Constantine the Great. [Text] / D.H. Wright // DOP. – 1987 – Vol. 41. – P. 493–507.